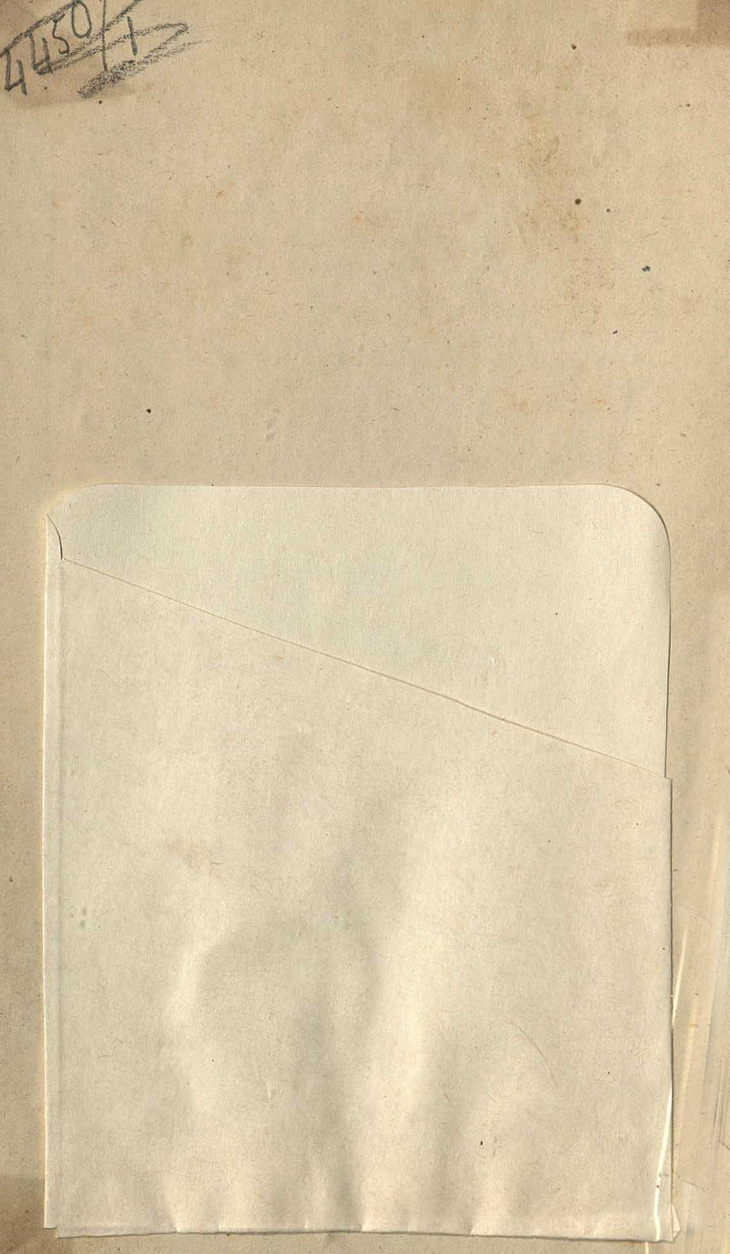
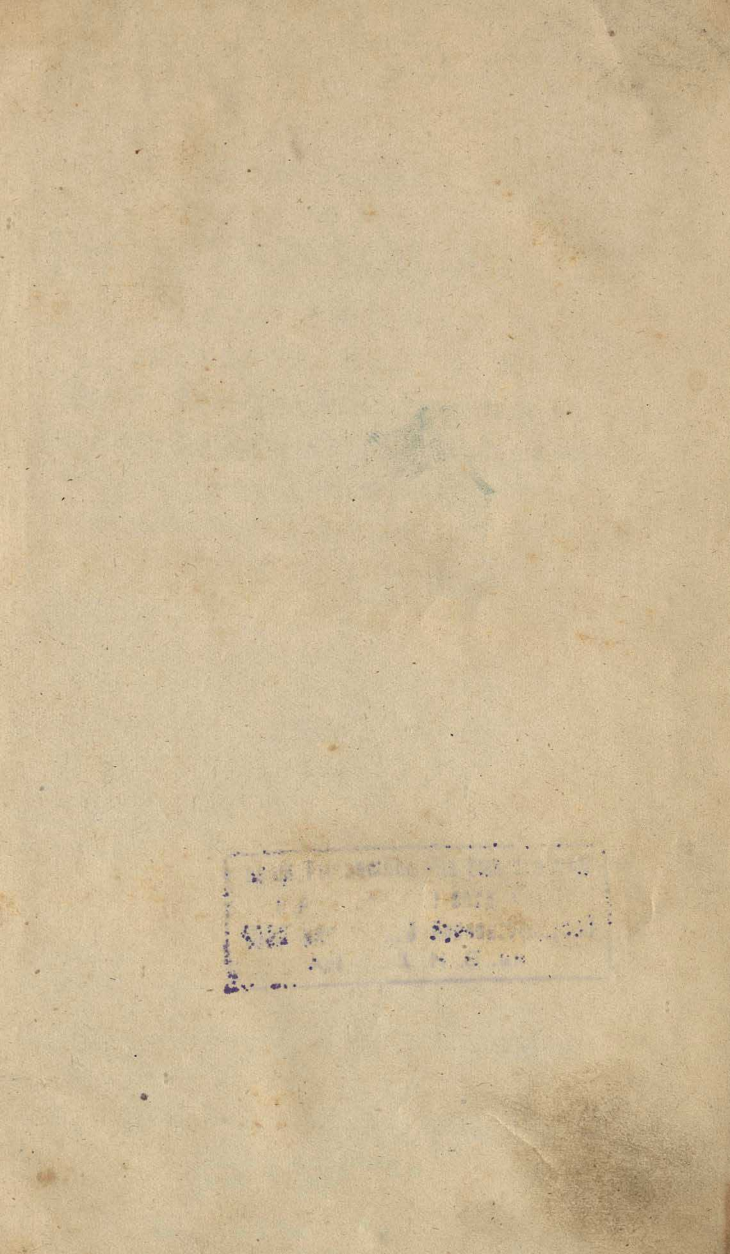

4450/1



ИСТОРІЯ
О БЫВШИХЪ ПЕРЕМѢНАХЪ ВЪ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ

сочиненія

Г. АБАТА ВЕРТОТА,

Члена Французской Академіи Надписей и Словесныхъ Наукъ въ Парижѣ.

Переведена съ Французкаго ИППОЛИТОМЪ БОГДАНОВИЧЕМЪ.

Томъ первый.

Цѣна 120 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1771 года.

сять курїй или сотенъ. Учреждается Сенатъ и рыцарство. Какїе люди были Плебеяне. Сабиняне послѣ жестокой войны учиняютъ миръ, входятъ въ тѣсный союзъ съ Римлянами и живутъ подъ одними законами. Смерть Ромулова. Нума по немъ царствуетъ. Онъ посредствомъ богослуженїя укрощаетъ жестокїе нравы Римскихъ жителей. Сраженїе Горацїевъ съ Курїацїями при Туллїи Гостилїи третьемъ Царѣ Римскомъ. Раззоренъ городъ Алба. Жители оттуда переведены въ Римъ. Анкъ Марцїй четвертый Царь Римскїй установляетъ обряды, кои долженствовали предслѣдовать объявленїю войны. Онъ побѣждаетъ Латинянъ и соединяетъ ихъ земли съ своими. Тарквинїй Старшїй избранъ Царемъ, по согласїю главныхъ въ народѣ, которыхъ онъ привлекъ на свою сторону. Онъ включаетъ въ число Сенаторовъ сто изъ своихъ друзей. Установленїе

центурїй

центурїй или сотенъ при Серпїи Туллїи шестомъ Царѣ Римскомъ. Сей Государь убитъ Тарквинїемъ гордымъ, который становится Царемъ безъ согласїя ни отъ народа, ни отъ Сената. Властолюбїе его и жестокость возбуждаютъ общее всѣхъ неудовольствїе, которое при наглости Секста Тарквинїя его сына и смерти Лукрецїиной явно засвидѣтельствовано. Общее возмущенїе. Тарквинїи изгнаны и Цари отрѣшены. Изъ монархїи учиняется республическое правленїе. Двое ежегодно избираются въ начальники, кои наименованы Консулами. Скоро потомъ послѣдовавшее раздѣленїе, между народомъ и Сенатомъ, принуждаетъ учредить новое начальство вышнее надъ Консульствомъ, то есть Диктаторство. Мятежи прекращаются на нѣсколько времени; но паки возобновляются толь не укротимо, что большая часть народа покидаютъ городъ и убѣгаютъ

ютъ на священную гору. Для возвращенія ихъ паки въ Римъ, надлежало уничтожить всѣ требуемые на нихъ долги и приступить къ учрежденію народныхъ Трибуновъ, то есть, особливыхъ народоначальниковъ.

1. годъ отъ созданія Рима 3201 отъ начала свѣта 4, 6 Олимпіады и за 713 лѣтъ до Рождества Христова.

Государь неизвѣстнаго порожденія (*), и который воскормленъ позорною женщиною, возрощенъ пастухами, бывъ напослѣдокъ повелитель разбойниковъ, положилъ первое основаніе царствующаго града надъ вселенною. Онъ посвятилъ его богу войны, такъ какъ желалъ, чтобъ его почитали произшедшимъ отъ Марса, и принималъ къ себѣ жителей всякаго званія, пришедшихъ отъ всюду: Грековъ, Латинянъ, Албанянъ, Тосканцевъ, по большой части воровъ и разбойниковъ; словомъ: всѣхъ людей, кои были неустрашимо храбры. Безопасное убѣжище, кото-

(*) Ромулъ.

которое онъ отворилъ невольникамъ и бѣглымъ, привлекло ихъ туда великое множество; по томъ умножилъ жителей военноплѣнными, умѣвъ изъ непрїятелей содѣлать первыхъ у себя гражданъ.

Римъ въ началѣ болѣ походилъ на военный станъ, нежели на городъ, такъ какъ укрытъ былъ шалашами, окруженъ слабою оградою, не имѣя гражданскихъ законовъ, ни правителей, служа единственно убѣжищемъ бродящихъ, большею частью безъ женъ и безъ дѣтей, такихъ кои щастливыми въ плутовствѣ успѣхами и желанїемъ добычи соединены были. Напослѣдокъ изъ сихъ разбойничьихъ шалашей вышли побѣдители свѣта.

Едва сей городъ началъ созидаться, и уже первые его жители стремились установить тамъ образъ правленїя. Главный ихъ предмѣтъ былъ, чтобъ согласить вольность съ самодержавїемъ. Къ достиженїю онаго они вымыслили родъ нѣкоторой смѣ-

шенной монархіи, то есть раздѣлили самодержавную власть между главнымъ или Государемъ народа, между Сенатомъ, который служилъ ему совѣтомъ, и между народнымъ обществомъ. Ромулъ, основатель Рима, былъ избранъ первымъ Царемъ, признанъ купно начальникомъ богослуженія, самодержавнымъ судіею города и природнымъ вождемъ силъ государственныхъ. Онъ учредилъ сверьхъ великаго *числа гвардіи или хранителей* его особы, двенадцать Ликторовъ: родъ придворныхъ, кои при немъ шествовали, когда онъ представлялся народно. Каждый Ликторъ несъ тогда въ рукахъ особливое для сей должности оружіе, то есть сѣкиру ввязанную посреди пука прутьевъ: что значило право меча принадлежащаго Самодержцу. Но съ сею царственною наружностью власть его весьма была ограничена; оная состояла только въ томъ, что онъ могъ созывать въ собраніе Сенатъ

натъ и народное общество, предлагать имъ о дѣлахъ, предводить войско, когда война общимъ опредѣленїемъ будетъ предпринята, и распоряжать употребленїе государственныхъ доходовъ, хранимыхъ двумя казначеями, кои въ послѣдствїи названы Квесторами.

Первыя попеченїя сего Государя были, учредить разные законы касающїеся до вѣры и гражданскаго *правленїя*, *равно* полезные къ человѣческому сожитїю: *но сїи* законы выданы были съ согласїемъ всего Римскаго народа.

Не извѣстно, какїй образъ богопочитанїя былъ уставленъ въ толь отдаленномъ времени. Видно только изъ исторїи, что богослуженїе первыхъ Римлянъ много сходствовало съ ихъ происхожденїемъ. Они торжествовали праздникъ богини Паледы (*) почитаемой божествомъ изъ

(*) Она же называется Цибела и Веста; но болѣ знаема подъ именемъ Ци-

числа тѣхъ, кои благодѣтельству- ютъ пастухамъ. Панъ, богъ лѣсовъ, имѣлъ также свои олтари. Ему посвящены были называемые Луперкальскïе или волчьи праздники. Въ жертву ему приносили собаку. Плутархъ сказываетъ, что у Римлянъ также почитаемъ былъ Консъ, богъ который, по ихъ чаянïю, предводительствовалъ въ совѣтахъ. Онъ не имѣлъ храма, но покланялись ему въ выдѣланной подъ землею пещерѣ. Сïе могло *быть* отъ случая или нужды, но послѣ обращено въ таинство, по сказанïю нѣкоторыхъ: что будто храмъ сооруженъ былъ подъ землею для показанïя людямъ, сколь должны быть разсужденïя въ совѣтахъ скрытны.

Главное же богослуженïе сихъ грубыхъ времянъ состояло въ вѣрѣ къ

Авгу-

белы. Пастухи особливо приносили ей жертву для того, чтобъ она хранила ихъ стада; въ знакъ же особаго ее почитанïя называли ту же богиню великая Паледа, Magna Pales.

Авгурамъ и Аруспикамъ, то есть къ предвѣщаніямъ по летанію птицъ и по внутреннимъ закалаемыхъ животныхъ. Богослужители и Жрецы увѣряли народъ, что судьбы смертныхъ ясно тамъ были имъ открыты. Сїе святотатство, вкоренившееся отъ невѣжества тогдашнихъ вѣковъ, учинилось по томъ тайною правленія, какъ то примѣчено будетъ въ послѣдствїи; и сказываютъ, что *Ромулъ* самъ хотѣлъ быть первымъ Авгуромъ въ *Римѣ*, опасаясь чтобъ кто другой не воспользовался суевѣрїемъ народа и не привлекъ его къ себѣ повѣренность. Онъ запретилъ особовыданнымъ закономъ приступать къ избранїю въ царское, духовное, или гражданскихъ началъ достоинство, ниже предпринимать какую либо войну, не испытавъ какое боги покажутъ предзнаменованїе. Въ такомъ же видѣ богослуженїя, и съ мудрою предосторожностїю, онъ запретилъ почитать чужеземныхъ

боговъ, кои могли бы вдохнуть разделеніе между новыми его подданными. Тѣмъ же закономъ духовныя должности налагались по жизнь, и богослужители не могли быть моложе пятидесяти лѣтъ. Ромулъ запретилъ имъ вмѣшивать басни въ таинства богослуженія, ниже къ святости сихъ приписывать вымышленные чудеса, подъ видомъ чтобъ народъ болѣ почиталъ оныя. Они долженствовали *знать законы* и *поведенія земли*, писать главныя произшествія бывшія въ государствѣ; и такъ они были въ немъ первые историки и законописатели.

Въ исторіи находятся нѣкоторые остатки законовъ гражданскихъ Ромуловыхъ. Первый касается до замужнихъ женщинъ: женамъ запрещается покидать своихъ мужей, подъ какимъ бы видомъ ни было, но позволяется мужьямъ оставлять женъ, и даже убивать, призвавъ женнину родню, то есть въ случаѣ,

когда

когда можно изобличить виновную въ прелюбодѣйствѣ, въ злоумышленномъ храненіи яда, въ поддѣлываніи ключей, или только въ томъ что она пила вино. Ромулъ почиталъ, какъ видно, необходимо нужнымъ толь строгій законъ, къ предупрежденію прелюбодѣйства, находя оное вторымъ упоеніемъ и первымъ дѣйствомъ виннаго напитка. Но жесточайшій законъ онъ учредилъ въ разсужденіи *дѣтей.* Онъ далъ полную власть отцамъ въ *имѣніи и жизни* чадъ своихъ, такъ что они могли самовластно заключать ихъ въ тюрьму и продавать какъ невольниковъ до трехъ разъ, какого бы возраста или чина они ни были. Отецъ бывалъ первый судья дѣтей своихъ. Можно было бросать тѣхъ, кои родились уродствомъ обезображены; но отецъ долженъ былъ прежде пригласить къ осмотру пятерыхъ ближайшихъ своихъ сосѣдей и съ ними въ томъ утвердиться. Болѣ же имѣлъ воль-

ности въ разсужденiи дочерей, выключая однако перворожденныхъ; и естьли отецъ нарушалъ сiи уставы, то наказанъ былъ лишенiемъ половины имѣнiя въ прибытокъ общей казны. Ромулъ зная, что сила государства не столько состоитъ въ его пространствѣ, какъ во множествѣ жителей, запретилъ тѣмъ же закономъ убивать непрiятелей, кои сами отдадутся въ руки и запретилъ равно продавать *оныхъ*. Онъ воевалъ во *первыхъ* для того, чтобъ умножить людей, увѣренъ, что не будетъ имѣть недостатка въ землѣ, имѣя силы вездѣ отнять оную.

И дабы узнать свои силы, онъ повелѣлъ учинить изчисленiе всѣхъ гражданъ въ Римѣ. Нашлось три тысячи человѣкъ пѣшихъ и триста конныхъ. Ромулъ раздѣлилъ ихъ на три триба, и каждому назначилъ часть въ городѣ для жительства. Каждый трибъ былъ раздѣленъ по томъ на десять Курiй или Сотенъ, по чи-

слу которыхъ опредѣлены были надъ ними Центуріоны или Сотники. Подъ именемъ же куріона одинъ богослужитель имѣлъ должность жертвоприношенія и двое изъ главныхъ гражданъ названные дуумвиры (*), давали судъ всѣмъ особно жителямъ.

Ромулъ при основаніи государства, при толь великомъ предпріятіи, мыслилъ о надежномъ пропитаніи новозаведеннаго народа. Римъ имѣлъ весьма мало земли, построенъ на чужомъ владѣніи, которое издревле принадлежало городу Альбѣ. Пространство онаго не болѣе разширялось, какъ на пять или на шесть миль (**). Сіе малое владѣніе раздѣлено было Ромуломъ однако на три, хотя не равныхъ, части. Первая была посвящена къ служенію богамъ; вторая оставлена для Царскаго и обще государственнаго употребленія; самая

(*) Дуумвиръ, по знаменованію Латинскаго слова, есть двоеначальникъ.

(**) Около тритцати верстъ.

самая же большая часть раздѣлена на тритцать удѣловъ по числу курій; по чему каждому досталось не болѣ двухъ десятинъ для своего прокормленія.

По семъ раздѣленіи учрежденъ Сенатъ. Ромулъ составилъ оный изо ста первыхъ гражданъ. Число Сенаторовъ напослѣдокъ было умножено, какъ о томъ сказано будетъ ниже. Въ началѣ же Царь назначилъ одного старшаго, который въ отсутствіи его могъ *править* городомъ; каждый трибъ по томъ избралъ трехъ, и тритцать курій представили каждая еще трехъ, что составило число ста Сенаторовъ, кои долженствовали быть исполнителями Царской воли и обще покровителями народа; а толь важная и обоюдная должность требовала многой осторожности въ отправленіи.

Важнѣйшія дѣла долженствовали быть предлагаемы въ Сенатѣ. Правда, что Государь какъ начальникъ

тамъ

тамъ присудствовалъ; однако все рѣшилось по большинству голосовъ и царское мнѣнїе было въ числѣ съ другими Сенаторами. Римъ по Царѣ, всего болѣ почиталъ Сенаторовъ. Они названы были Патерами (*), а происходящїе отъ нихъ Патрикїями (**), которыхъ потомки почитались изъ знатнѣйшаго рода. Патерами называли Сенаторовъ въ разсужденїи ихъ возраста и попеченїй о согражданахъ. „Тѣ, кои со„ставляли древнїй совѣтъ республи„ки, говоритъ Салустїй, имѣли ста„ростью удрученное тѣло, но ра„разумъ укрѣпленный благоразумї„емъ и опытами„. Чины гражданскїе, военные, такъ же духовные принадлежали Патрикїямъ, изключительно отъ Плебеянскаго общества. Народъ повиновался особымъ начальникамъ, кои чинили судъ и расправу;

(*) Отцами.

(**) Отечественными дѣтьми, то есть боярами.

справу; но сіи начальники получали повелѣнія отъ Сената, почитаемаго высочайшимъ и одушевленнымъ закономъ государства, хранителемъ и защитникомъ вольности.

По учрежденіи Сената, римляне вновь отдѣлили отъ каждой куріи по десяти человѣкъ конныхъ: сіи названы были *Целеры* или отъ названія главнаго ихъ по имени Целера, или отъ быстраго ихъ бѣга (*); ибо казалось, что *они* летали для *исполненія* даваемыхъ имъ повелѣній. Ромулъ составилъ изъ нихъ свое охраняющее войско. Они сражались, говоритъ Деонисій Галикарнасскій, равно пѣшіе и на лошадяхъ, по случаю и по способности мѣста, гдѣ они находились: что довольно походитъ на сей родъ конницы, которую мы называемъ драгунами.

Государ-

(*) Целеръ значитъ скорый или проворный.

Государство снабдѣвало каждаго лошадью ; по чему они названы конными рыцарями и отличались золотымъ кольцемъ. Но въ послѣдствіи, когда число ихъ было умножено , сія воинская должность содѣлалась простымъ почетнымъ названіемъ , и сіи рыцари не слѣдовали болѣе на войну съ другими гражданами ; на противу того они вступали подъ именемъ Публикановъ, въ должность собирать подати и содержать *на откупу* доходы республики. Сей родъ мѣщанства, происходя отъ Плебеянъ, составилъ свое особое общество промежду Патриціями и Народомъ.

Ни одинъ простый народъ въ свѣтѣ не гордился столько своимъ происхожденіемъ и не любилъ столько своей вольности, какъ Римляне. Сія послѣдняя часть общества , составленная хотя изъ бѣглецовъ и невольниковъ , стремилась имѣть равное участіе въ правленіи какъ

и перьвая. Она уполномочивала законы, кои были составляемы Царемъ и Сенатомъ. Народная оная часть сама давала въ Собранїяхъ повелѣнїя, кои желала исполнить. Все, что касалось до войны, мира, опредѣленїя начальниковъ, до избранїя такъ же Царя, зависило отъ голосовъ народныхъ. Сенатъ только оставилъ себѣ власть утверждать или отлагать ихъ требованїя, кои безъ сей мѣры и прозорливости благоразумныхъ Сенаторовъ, были бы часто исполняемы ко вреду и замѣшательству.

Таково было первоначальное установленїе сего государства, которое не было ни прямое Монархическое, и такъ же не со всѣмъ республическое. Царь, Сенатъ и Народъ были, можно сказать, во взаимной другъ отъ друга зависимости; и отъ сей зависимости происходило равновѣсїе власти, которое умѣряло волю Государскую, равно же

укрѣп-

укрѣпляло силу Сената и вольность Народа.

Ромулъ зналъ естественную въ людяхъ ревность, паче между гражданами Республики, въ которой одни возведены были на степени Сенаторовъ, другїе равные имъ оставались въ народномъ обществѣ; для того предупреждая раздѣленїя, могущїя послѣдовать отъ сей ревности, старался соединить однихъ съ другими чрезъ взаимныя услуги и благодѣянїя. *Позволено было* симъ Плебеянамъ выбирать себѣ въ обществѣ Сената Патроновъ (*), кои долженствовали помогать имъ своими наставленїями и доступомъ; каждый же особно житель, подъ именемъ Клїента, прилѣплялся къ пользѣ избраннаго имъ Патрона. Естьли сей Сенаторъ былъ не богатъ, то Клїенты давали часть приданаго его дочерямъ, равно на заплату долговъ, или для выкупа его, въ случаѣ ко-

 гда

(*) Милостивцевъ.

гда онъ находился военоплѣннымъ; и они не могли отказать ему своего выбора, естьли онъ искалъ какого ни будь Начальства. Запрещалось такъ же Патрону и Кліенту свидѣтельствовать въ судѣ другъ на друга. Сіи равномѣрныя услуги и обязательства толь свято почитались, что нарушители ихъ признаваемы были недостойными жить въ сообществѣ, и позволено было убивать ихъ яко святотатцевъ.

Толь мудрая *умѣренность* въ правленіи привлекала отвсюду новыхъ гражданъ въ сей городъ, а Ромулу новыхъ воиновъ; и уже сія область начинала быть страшною сосѣдямъ. Римлянамъ недоставало только женщинъ для ихъ поколѣнія. Ромулъ отправилъ посланныхъ просить женскаго пола у Сабинянъ и у сосѣднихъ народовъ, съ предложеніемъ мира и тѣснаго союза съ ними. Сабиняне занимали сію часть Италіи, которая находится между Тибромъ, Теверо-

вероном (*) и Аппенинскими горами. Они жили в небольших городках и разных местечках, из которых иные были под правительством своих Государей, другіе управлялись простыми Начальниками и во образе Республики. Но хотя особыя их правленія были различны, однако соединены образом вспоможенія и сообщенія, так что все сіи народы составляли одно государство. Они почитались наиболее храбрыми из народов Италіи, и были ближайшіе соседи Риму. А как сія новая область была им опасна, то предложеніе Римлян было отвержено. Некоторые же с насмешкою спрашивали у посланных, для чего их Государь не отворяет так же убежища в пользу беглых женщин и невольниц, как он отворил для прочих людей; ибо в совокупленіях сим средством они

(*) Реки.

они не могли бы укорять другъ друга.

Ромулъ получилъ посмѣятельный ихъ отвѣтъ съ сильнымъ возчувствованіемъ досады; а во отмщеніе вознамѣрился похитить у своихъ сосѣдей дочерей, когда не могъ ихъ выпросить. Онъ сообщилъ главнымъ Сенаторамъ о своемъ предпріятіи; и какъ большая часть воспитаны были въ правилахъ грабительства и насильнаго отъятія, *то они приняли съ похвалою* намѣреніе сходственное съ ихъ наглостію. Надлежало только употребить надежнѣйшее средство къ успѣху. Ромулъ за лучшее нашелъ сдѣлать въ Римѣ торжество и игры въ честь Нептуна коннаго (*). Богослуженіе всегда вмѣша-

(*) Праздникъ въ честь его уставленъ былъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. И какъ думали, что Нептунъ сотворилъ перьвую лошадь, то въ праздникъ сего бога лошади и лошаки убраны были цвѣтами и ничего не работали. Жертвы

вмѣшано было въ сіи праздники. Они начинались жертвоприношеніями, а окончевались побоищами борцовъ и разными бѣгами пѣшихъ и конныхъ.

Сабиняне, ближайшіе сосѣди Римлянъ, не преминули собраться туда въ назначенный къ торжеству день, какъ ожидалъ Ромулъ. Въ довольномъ же числѣ тамъ присудствовали, Цениніане, Крустуминіане и Антемнаты съ женами и дѣтьми. Римляне встрѣтили тѣхъ и другихъ съ засвидѣтельствованіями великаго удовольствія. Граждане раздѣлили себѣ гостей и уподчивавъ ихъ сколько могли, повели и посадили въ изготовленныхъ мѣстахъ для зрѣлища. Между тѣмъ, какъ чужестранцы засмотрѣлись на игры, Римляне по повелѣнію Ромулову вбѣжали съ

 обна-

приносимыя сему богу были лошадь и быкъ. Онъ же разумѣлся подъ именемъ Иппія.

обнаженными мечами вЪ ихЪ собранїе, подхватили и унесли всѣхЪ дѣвокЪ, вытолкавЪ вонЪ изЪ Рима отцевЪ и матерей, кои тщетно кричали противу нарушеннаго гостепрїимства. Дѣвицы сперьва много плакали, по томЪ надлежало утѣшиться, и время напослѣдокЪ перемѣнило отвращенїе, которое они чувствовали кЪ своимЪ похитителямЪ: тогда склонность сдѣлала ихЪ законными женами; но похищенїе сихЪ дѣвицЪ произвело войну, которая много лѣтЪ продолжалась. Ценинїане перьвые вооружились кЪ омщенїю и пришли сЪ войскомЪ на землю РимлянЪ. РомулЪ не умедлилЪ выступить противу оныхЪ, побѣдилЪ ихЪ, убилЪ Царя или начальника ихЪ Акрона, взялЪ ихЪ городЪ, принудилЪ всѣхЪ жителей слѣдовать вЪ РимЪ, гдѣ далЪ имЪ правы и преимущества равные сЪ другими гражданами. Сей Государь вошелЪ вЪ РимЪ, обогащенЪ оружїемЪ и добычами отЪ непрїя-

непрїятеля, изЪ которыхЪ онЪ сдѢлалЪ себѢ родЪ ТрофеевЪ, и посвятилЪ ихЪ Юпитеру Ферєтрїю, вЪ память своей побѢды, что дало происхожденїе Трїумфальному обряду у РимлянЪ. Антемнаты и Крустуминїане имѢли равную судьбу сЪ перьвыми. АнтемнЪ и Крустуминїя (*) были взяты. РомулЪ не хотѢлЪ ихЪ разорить; но какЪ земля ихЪ была тучна и плодоносна, то онЪ учредилЪ тамЪ два поселенїя, кои *служили ему сЪ той стороны* охраненїемЪ отЪ набѢговЪ другихЪ непрїятелей. Тацїй, Царь КуровЪ (**) вЪ области СабинянЪ, вооружась последнїй чаялЪ истребить РимлянЪ: онЪ вошелЪ вЪ городЪ измѢною и достигЪ до самой площади. ТамЪ произведено было крѢпкое и упрямое сраженїе, и не извѢстно кто бы остался побѢдитель, когда Сабинянки, жены РимлянЪ, изЪ которыхЪ боль- 4 годЪ Рима.

(*) Города.
(**) Куры, городЪ Сабинскїй.

шая часть имѣли уже дѣтей, бросились посреди воюющихъ: ихъ слезы и прозьбы укротили обоихъ сторонъ ярость. Предложены были договоры; два народа учинили миръ, и для крѣпчайшаго союза большая часть сихъ Сабинянъ, кои жили по деревнямъ, мѣстечкамъ и небольшимъ городкамъ, поселились въ Римѣ. И такъ желавшїе утромъ изтребить сей городъ, сдѣлались къ вечеру въ немъ гражданами и оборонителями.
7 годъ Рима. 747 до Р. Х. Правда, *что* самодержавство Ромулово должно было тѣмъ уменьшиться: онъ принужденъ былъ прїобщить къ правленїю, Тацїя Царя Сабинскаго; и въ то же время въ Сенатѣ посажены были сто вельможъ изъ сего новаго народа. Но по убїенїи Тацїя особыми его непрїятелями, никто не былъ избранъ на его мѣсто. Ромулъ остался одинъ во всѣхъ своихъ правахъ, царствуя единовластно.

Сенаторы Сабинскїе и всѣ ихъ единоземцы содѣлались нечувстви-

тельно

тельно Римлянами. Римъ началъ тогда почитаться сильнѣйшимъ городомъ въ Италїи. Въ немъ считалось, прежде конца царства Ромулова, до сорока семи тысячь жителей, которые всѣ были воины, всѣ единодушны, всѣ имѣли единственный предмѣтъ сохранять свою вольность и отнимать оную у своихъ сосѣдей. Естьли толь свирѣпый и несмиримый нравъ подданныхъ уменьшалъ *должное* ихъ повиновенїе къ Государю, то съ *другой* стороны власть самодержавная, неограниченно распространяемая, дѣлалась несносною и ненавистною въ самомъ основателѣ государства.

Ромулъ торжествуя надъ оною частью Сабинянъ, желалъ царствовать болѣ самовластно надъ своими подданными: надъ симъ новымъ народомъ, которой хотѣлъ ему повиноваться, но хотѣлъ чтобъ онъ и самъ повиновался законамъ, установленнымъ при основанїи государства.

Ромулъ

Ромулъ же на противу того присвоевалъ себѣ всю власть, которую онъ долженствовалъ раздѣлять съ Сенатомъ и народнымъ обществомъ. Должно вѣдать, что онъ воевалъ противу Комеринцевъ, Фиденатовъ и Веїевъ (*), жившихъ въ малыхъ городкахъ, изъ числа тѣхъ пятидесяти трехъ народовъ, о которыхъ говоритъ Плиній, что они обитали въ древней Латїи, *Latium*; но были толь малосильны, что едва извѣстно было ихъ наименованїе въ самое время ихъ бытности, изключая Веїю, славный городъ въ Тосканїи. Сїи народы побѣждены Ромуломъ, одни за другими. Онъ побралъ ихъ города, нѣкоторые разорилъ, у нѣкоторыхъ отнялъ земли, кои онъ разпредѣлялъ по томъ самовластно. Сенатъ былъ оскорбленъ таковымъ поступкомъ, и съ неудовольствїемъ видѣлъ, что правленїе

(*) Сїи народы именовались по городамъ ихъ, каковы были Комеринъ, Фиденъ, Веїя.

вленіе становилось точно Монархи- ческимЪ. НапослѣдокЪ онЪ освободилЪ себя отЪ Государя желавшаго утвердить свое самовластіе. РомулЪ по пятидесяти пяти лѣтахЪ возраста и по тритцати семи своего царствованія, пропалЪ, такЪ что не извѣстно какимЪ образомЪ умерщвленЪ, и гдѣ скрытЪ былЪ. СенатЪ желая, чтобЪ не подозрѣвали его вЪ участіи Ромулова истребленія, поставилЪ ему по смерти *олтари*, *и включилЪ* вЪ число боговЪ того, котораго *онЪ не* могЪ терпѣть Царем. 37 годЪ Рима.

Власть Царская, по смерти Ромуловой, заключалась во власти Сената. Сенаторы согласились раздѣлить оную; каждый, подЪ именемЪ Царскаго намѣстника, правилЪ попеременно пять дней государствомЪ и довольствовался всею честію самодержавства. Сей новый образЪ правленія продолжался цѣлый годЪ, и СенатЪ не мыслилЪ о избраніи новаго 38 годЪ Рима.

ваго Царя. Но народъ примѣтя, что продолжавшееся междоцарствіе служило только къ умноженію властелиновъ, неотступно требовалъ Царя. Сенатъ долженъ былъ напослѣдокъ уступить власть не могши удержать оную. Онъ предложилъ народу, желаетъ ли онъ приступить къ избранію новаго Царя, или выбирать ежегодныхъ начальниковъ къ правленію государства? Народъ изъ почтенія и преданности къ Сенату поручилъ ему *выборъ* лучшаго изъ двухъ *способовъ*. Многіе Сенаторы, вкуся удовольствіе быть на вышшей безъ Царя степени, клонились къ республикѣ; но главные сего общества, тайно достигая къ Коронѣ, заставили рѣшить по большинству голосовъ такъ, чтобъ не перемѣнять ничего во образѣ правленія. И такъ положено было избрать Царя. Сенаторъ, который напослѣди междоцарствія имѣлъ должность Царскаго намѣстника, обратясь къ народу, бывшему

въ полномъ собраніи, сказалъ: „Из„бирайте Царя, Римляне, Сенатъ „на то согласенъ, и естьли вы вы„берете Государя достойнаго наслѣ„довать Ромулу, то Сенатъ утвер„дитъ его въ семъ высочайшемъ до„стоинствѣ„. Для сего важнаго избранія учреждено было общее Собраніе Римскаго народа. Не безнужно упомянуть здѣсь, что подъ именемъ *народнаго собранія*, разумѣлись не одни Плебеяне, но такъ же Сенаторы, *Рыцари* и вообще всѣ Римскіе граждане, кои *имѣли право* выбора, какого бы званія и состоянія они ни были. Сіи собранія названы народными по тому, что при поголовномъ числѣ голосовъ, Плебеяне, превосходя множествомъ обѣ другія части, одни они рѣшили обыкновенно всѣ предложенія; но рѣшеніе ихъ не было совершенно дѣйствительно до тѣхъ поръ, какъ Сенатъ по томъ утвердитъ оное. Таковъ образъ наблюдался тогда въ избраніяхъ. Но

избраніе

избранiе Царя послѣ Ромула произвело великiе споры.

Сенатъ состоялъ изъ старыхъ Сенаторовъ и новыхъ, включенныхъ въ царствованiе Тацiя. Обѣ сiи части были особаго мнѣнiя. Старые требовали Римлянина на царство; а Сабиняне, бывъ безъ Царя по смерти Тацiевой, желали выбрать его изъ своихъ единородцевъ. Напослѣдокъ по многихъ спорахъ согласились,
39 годъ Рима. чтобъ старые Сенаторы назвали Царя Риму, но который бы выбранъ былъ между Сабинянами. Выборъ ихъ палъ на одного Сабинянина города Куровъ, жившаго въ деревнѣ. Онъ назывался Нума Помпилiй, былъ добродѣтеленъ, умѣрененъ, справедливъ, но не воинъ, и который не бывъ въ состоянiи отличить себя храбростiю, полагалъ свою славу въ мирныхъ добродѣтеляхъ. Въ царствованiе свое онъ старался, пользуясь продолженiемъ мира, обратить разумы къ богослуженiю и вкоренить

въ

въ Римлянъ страхъ Божїй. Онъ построилъ новые храмы, учредилъ праздники; и какъ богослуженїе сего грубаго народа состояло въ томъ, чтобъ вѣрить отвѣтамъ Оракуловъ, предсказанїямъ Авгуровъ и Аруспиковъ (*), то онъ легко увѣрилъ, что боги, предсказывающїе будущее щастье или нещастье, должны быть творцы онаго. А сїе предубѣжденїе произвело почитанїе такихъ вышшихъ *существъ*, которыя были тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ *болѣе казались* непостижимы. Римъ нечувствительно наполнился суевѣрїемъ; отъ сего зависѣла польза главныхъ, кои старались дикїй народъ тѣмъ обуздовать и содержать въ повиновенїи. Во всѣхъ касающихся до государства случаяхъ, не позволялось ничего предпринимать, не вопрося прежде мни-

(*) Авгуры были богослужители, которые отгадывали будущее по летанїю птицъ; Аруспики же отгадывали по внутреннимъ закалаемыхъ животныхъ.

мыхъ сихъ боговъ о успѣхѣ предпріятія. Нума къ вящшему уваженію толь набожныхъ уставовъ, и дабы народъ почиталъ его болѣе, вымыслилъ, что будто онъ принялъ ихъ отъ одной Нимфы, названной Эгеріи, которая ему, сказывалъ онъ, открыла образъ угоднаго богамъ служенія. Смерть его, по сорока трехъ лѣтъ царствованія, опредѣлила корону Туллію Гостилію, котораго Римляне избрали третьимъ Царемъ Римскимъ. Сей былъ Государь славолюбивый, смѣлый, отважный, болѣе любитель войны нежели мира, и который по расположенію Ромулову, старался утвердить область новыми побѣдами.

81 годъ Рима.

Естьли мирное правленіе Нумы нужно было Римлянамъ, для умягченія жестокости и дикости въ ихъ нравахъ, то свойство гордаго и предпріимчиваго Туллія, не менѣе было полезно, въ области основанной силою и отъятіемъ, и окруженной со-

сѣдями, коимъ она была ненавистна. Наиболѣе же злобился противу Рима народъ города Альбы, хотя большая часть Римлянъ были съ нимъ единородцы, и не взирая, что сей городъ почитался царствующимъ во всей Латіи. Обѣ стороны нашли причину къ войнѣ, по разнымъ взаимнымъ и обыкновеннымъ между сосѣдними государствами жалобамъ; или лучше сказать, властолюбіе и жадность къ завоеванію, заставили ихъ принять оружіе. Римляне и Албанцы выступили въ поле; а какъ они были близкіе сосѣди, то два войска сошлись въ недолгомъ времени; и тогда безъ притворныхъ причинъ прямо спорили о государствѣ и вольности. Уже готовы были силы ударить другъ на друга, когда вождь Альбанцевъ, или не надѣясь на успѣхъ сраженія, или щадя кровь людей, предложилъ Римскому Царю, вручить судьбу обоихъ народовъ, тремъ воинамъ отъ каждой сторо-

ны, съ такимъ договоромъ, что одно изъ двухъ государство, тому принадлежать будетъ, котораго воины побѣдители останутся. Предложеніе было принято: Римляне и Альбанцы выслали отъ себя по три рыцаря. Каждый отгадаетъ, что я хочу говорить о Гораціяхъ и Куріяціяхъ (*). Я не войду въ подробность сего сраженія: всѣмъ извѣстно, что три Куріяція и два Горація убиты на семъ побоищѣ, и что Римъ торжествовалъ отъ храбрости и проворства послѣдняго Горація. Сей Римлянинъ, входя въ городъ съ побѣдою, нося оружіе и добычу отъ непріятелей, встрѣтился съ своею сестрою, которая готовилась быть въ супружествѣ, съ однимъ изъ Куріацiевъ. Оная увидя брата, въ одеждѣ своего обрученна-

го

(*) Гораціи были три брата отъ Римлянъ, противу трехъ другихъ братьевъ Албанцевъ, прозвищемъ Куріацiевъ.

го любовника, которую она сама шила, не могла удержаться отъ горести, пролила потоки слезъ, рвала себѣ волосы, и въ горячности отъ досады, произносила наичувствительнѣйшія ему укоренiи.

Горацiй гордясь своею побѣдою и раздраженъ оскорбленiемъ, которое сестра его непристойно оказывала среди народнаго торжества, въ ярости своего гнѣва, пронзилъ ее на сквозь мечемъ. „Ступай, сказалъ онъ ей, *искать* твоего любо„вника, и неси ему ту безумную „страсть, которая тебя заставила „предпочесть, умерщвленнаго непрi„ятеля славѣ твоего отечества„. Всѣ вопiяли противу толь безчеловѣчнаго и звѣрскаго поступка; тотчасъ убiйца взятъ былъ подъ стражу. Онъ былъ приведенъ передъ Дуумвировъ, судей опредѣленныхъ разсматривать таковыя преступленiя. Горацiй осужденъ былъ къ смерти, и самый день его торжества, былъ

бы днемъ его казни, естьлибъ совѣтомъ Туллія Гостилія, онъ не востребовалъ быть судимъ Народомъ. Онъ предсталъ предъ нимъ съ такою же смѣлостію и твердостію, съ какою сражался противу Куріаціевъ. Народъ разсудилъ, что въ воздаяніе толь великой услуги отечеству, можно было отступить нѣсколько отъ строгости законовъ. Гораціи былъ прощенъ; и какъ говоритъ Титъ Ливій, *болѣе по удивленію его смѣлости*, нежели по правосудію.

Сіе произшествіе пріобщено здѣсь, дабы показать чрезъ совѣтъ, данный Римскимъ Царемъ Горацію, что власть Народнаго собранія была выше государской, и что Правительство состояло въ совокупныхъ голосахъ, отъ Царя и отъ разныхъ чиновъ области.

По окончаніи Гораціева суда, Римскій Царь мыслилъ явить власть свою въ Альбѣ, слѣдуя договорамъ,

по

по которымъ Государство принадлежало во владѣнїе побѣдителю. Сей Государь по разуму и правиламъ Ромуловымъ разорилъ покоренный городъ; жителей же перевелъ въ Римъ. Они получили тамъ правы гражданъ, а главные прїобщены были къ Сенату: каковы рода Іулїева, Сервилїева, Квинтїева, Геганїева, Курїацїева и Клелїева, которыхъ потомки, послѣ занимали главныя степени въ государствѣ, и оказали знатнѣйшїя услуги Республикѣ, какъ видно будетъ въ послѣдствїи. *Туллїй Гостилїй*, сдѣлавъ Римъ весьма сильнымъ чрезъ сїе прїумноженїе народа, обратилъ оружїе противу Сабинянъ.

Подробность сей войны не надлежитъ къ моему намѣренїю; я скажу только о семъ Государѣ, что онъ одержавъ многїя побѣды надъ непрїятелями Рима, умеръ на тридцать второмъ году своего царствованїя; что по немъ Анкъ Марцїй, внукъ Нуминъ, избранъ былъ Народнымъ 113 год. Рим.

114 год. Рим. нымъ собранïемъ на мѣсто Гостилïя, и Сенатъ утвердилъ сïе новое избранïе.

Сей Государь любилъ славу своего дѣда, и старался подражать его мирнымъ добродѣтелямъ, прилѣпляясь также къ богослуженïю. Онъ учредилъ священные обряды, кои долженствовали предслѣдовать обьявленïямъ войны; но сïи набожныя установленïя, означающïя болѣ правосудïе его, нежели смѣлость, дали поводъ сосѣднимъ народамъ презирать его оружïе. Римскïя границы скоро были подвержены набѣгамъ и разоренïю отъ Латинянъ. Анкъ призналъ чрезъ собственные опыты, что для Трона нужны были другïя добродѣтели кромѣ богослуженïя. Но не перемѣняя своего свойства, прежде нежели принялъ оружïе, онъ послалъ къ непрïятелямъ провозвѣстника, который у Римлянъ назывался Фецïалъ. Сей провозвѣстникъ являлся, имѣя кованный жезлъ въ рукѣ,

въ знакъ своего посланія. Прибывъ на границу онъ кричалъ громко: „Внемлите Юпитеръ, Юнона, внемли „Квириній, внемлите боги неба, зе„мли и ада; вы будьте свидѣтели „въ несправедливости Латинскаго „народа; вы знаете, колико оный „оскорбилъ Римлянъ: того ради Рим„скій народъ и я, съ согласіемъ Сена„та, объявляемъ ему войну„.

Видно изъ сего обряда, который намъ извѣстенъ отъ Тита Ливія, что о Царѣ не было тамъ упоминаемо, и что все творилось отъ имени и власти народной, то есть отъ всего общества народнаго.

Начатая война была столь щастлива, какъ и справедлива. Анкъ побѣдилъ непріятелей, разорилъ ихъ города, перевелъ жителей въ Римъ, и соединилъ ихъ земли съ принадлежавшими ему прежде.

Тарквиній первый или старшій, хотя былъ чужестранецъ, достигъ по смерти Анковой къ Престолу, купя 138 год. Рим.

оный щедростью и вспоможенїями, коими онъ заранѣ удобрилъ къ себѣ главныхъ въ народѣ. Для сохраненїя же ихъ благосклонности; и въ награжденїе служившихъ ему, онъ сдѣлалъ изъ нихъ сто Сенаторовъ. Но дабы разныя состоянїя въ Государствѣ не были смѣшаны, онъ ихъ назвалъ, по свидѣтельству Деонисїя Галикарнаскаго, Патрикїями, прежде нежели возвелъ на степень Сенаторства. Число Сенаторовъ простиралось *тогда до трехъ* сотъ, и такъ твердо пребывало въ теченїе многихъ вѣковъ. Можетъ быть удивительно покажется, что при Царской особѣ и въ присудствїи Сената, законы, приговоры и рѣшенїя производились отъ имени Народа, не упоминая о Государѣ, который царствовалъ; но не должно позабыть, что сей вольный Народъ оставилъ себѣ главную власть въ правленїи. Всѣ военныя и мирныя предпрїятїя происходили въ его Собранїяхъ: сїи на-

зывались

зывались въ то время Собранїями по *Куріямъ*, по тому что они состояли изъ однихъ только жителей Рима, раздѣленныхъ на тритцать Курїй. Тамъ возводились Цари, избирались Начальники и Жрецы, учреждались законы, и отправлялось правосудїе. Царь, согласно съ Сенатомъ, учреждалъ сїи собранїя и назначивалъ чрезъ *Сенатусъ-Консультъ* (*), или Сенатское опредѣленїе, день для оныхъ и матерїи, о которыхъ тамъ разсуждать надлежало. Другїй *Сенатусъ-Консультъ* слѣдовалъ для утвержденїя того, что въ Собранїи опредѣлено было. Царь, или первый Градоначальникъ, былъ главнымъ въ семъ собранїи; въ началѣ же Собранїя предслѣдовали Авспицїи (**) и жертвоприношенїя, которыхъ Священнодѣйствители всегда были одни Патрикїи.

Но

(*) Сенатскїй приговоръ.
(**) Предзнаменованїя.

Но какъ все рѣшилось по большинству голосовъ, которые считались поголовно, то Плебеяне всегда брали верьхъ надъ Сенатомъ и Патрикїями, такъ что они производили обыкновенно рѣшенїя, съ преимуществомъ надъ послѣдними.

175 год. Рим. Сервїй Туллїй, шестый Царь Римскїй, Государь любящїй Республику противу своего достоинства, не могъ однако терпѣть, чтобъ правленїе зависѣло часто отъ подлѣйшаго сборища народа, и вознамѣрился перевести власть отъ него, въ общество Вельможъ и Патрикїевъ, гдѣ онъ чаялъ найти болѣ справедливости и менѣ упрямства. Въ предпрїятїи его были великїя трудности. Надлежало согласить къ тому народъ самый несклонный и надмѣнный своими правами; и чтобъ принудить его уступить часть оныхъ, надлежало употребить обманъ, прельстя его видами лучшей отъ того выгоды.

Должно знать, что Римляне платили тогда въ общую казну поголовную равную подать; ибо какъ въ началѣ ихъ основанія, всѣ имѣли почти равное богатство, по тому и въ послѣдствіи равные налоги съ нихъ требовались, хотя въ теченіе бывшаго времени, послѣдовало великое различіе въ имѣніи однихъ передъ другими.

Сервій, чтобъ привлечь народъ, и чтобъ узнать силы своего Государства, представилъ въ Собраніи, что какъ число Римскихъ жителей и ихъ имѣнія весьма умножились отъ стеченія въ сей городъ чужестранныхъ, то онъ не находилъ справедливостью, чтобъ бѣдный гражданинъ истощалъ себя для Государства, платя равно съ богатымъ; что надлежало распредѣлить сіи налоги по возможности каждаго, и что для точнаго въ томъ уравненія надлежало принудить всѣхъ гражданъ, подъ страхомъ великаго наказанія, подать

вѣрное

вѣрное объявленіе своего имѣнія, по которому бы можно было справедливо разчислить надлежащіе по тому налоги.

Народъ не усматривая въ семъ предложеніи инаго намѣренія, кромѣ собственнаго своего облегченія, принялъ оное съ великимъ удовольствіемъ. Все собраніе согласно уполномочило Царя, учредить для того порядокъ, пристойнѣйшій по его разсужденію. Сей Государь къ исполненію своихъ видовъ, въ началѣ раздѣлилъ всѣхъ городскихъ жителей, не отличая ни породы, ни степени, на четыре *Триба* или *части*, названные, городскіе Трибы, и на дватцать шесть другихъ Трибовъ раздѣлилъ жившихъ внѣ Рима, на землѣ принадлежащей къ оному. Онъ установилъ *Ценсъ*, который былъ не иное что, какъ изчисленіе и перепись всѣхъ Римскихъ гражданъ, въ коей написаны были каждаго возрастъ, имѣніе, ремесло, имя Триба и Куріи, число

число дѣтей и невольниковъ. Тогда найдено въ Римѣ и его окружности, болѣ восмидесяти тысячь гражданъ годныхъ къ вооруженїю.

Сервїй раздѣлилъ сїе великое число на шесть степеней: каждая степень составлена была изъ разныхъ Центурїй (*) пѣшеходныхъ. Перьвая степень состояла изъ восмидесяти Центурїй, въ которыхъ находились только Сенаторы, Патрикїи и отлично богатые люди, кои не менѣ стяжали, какъ сто минъ или десять тысячь драхмъ (**), что учиняетъ тысячу съ лишкомъ рублей по сравненїю нынѣшней монеты. Сїе однако не утвердительно, по различїю мнѣнїй, многихъ ученыхъ, о новыхъ и перемѣнныхъ достоинствахъ въ монетѣ. Такъ же не достo-

(*) Сотенъ.

(**) Мины и драхмы были Римская монета. Мина содержала сто драхмъ или одинъ фунтъ; драхма содержала нѣсколько болѣ десяти копѣекъ.

стовѣрно и то, что Центурїи, сей перьвой степени, состояли каждая дѣйствительно изоста человѣкъ. Вѣроятно на противу того, что Сервїй въ намѣренїи усилить голоса Патрикїевъ, умножилъ число ихъ Центурїй; тая подлогъ подъ симъ дѣльнымъ видомъ, что какъ Патрикїи имѣютъ много богатства, передъ Плебеянами, то Центурїи ихъ, состоя изъ малаго числа, будутъ давать Государству столько же, какъ полные *Центурїи Плебеянъ*.

Тѣ же восемьдесятъ Центурїй перьвой степени, раздѣлены были на два чина: перьвый составленъ былъ изъ устарѣлыхъ, имѣвшихъ болѣ сорока пяти лѣтъ: оные назначены къ охраненїю и защищенїю города. Другїя же сорокъ Центурїй изъ молодыхъ людей, отъ семнатцати до сорока пяти лѣтъ, долженствовали служить въ полѣ и ходить на войну. Они всѣ имѣли одинакїя нападательныя и защитительныя оружїя. Нападатель-

дательныя были полукопье, копье или бердышь, и мечь; защитительные же шлемъ, нагрудникъ или Кираса, и мѣдныя латы.

Къ сей первой степени причислена еще вся конница, изъ которой учинено восмнадцать Центурїй, составленныхъ изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей въ городѣ. Къ нимъ прибавлены еще двѣ Центурїи мастеровыхъ людей, кои слѣдовали при войскѣ безъ оружїя, для исправленїя *всякихъ военныхъ* снарядовъ.

Вторая степень состояла только изъ двадцати Центурїй, набранныхъ изъ такихъ людей, кои объявили по меньшей мѣрѣ на семьдесятъ пять минъ имѣнїя, то есть, на около восми сотъ рублей. Они имѣли одинакія оружїя, какія были у гражданъ первой степени; отличались только гербомъ, которой они носили вмѣсто щита.

 Подобно

Подобно двадцать Центурій положено было въ третьей степени, гдѣ надлежало имѣть по меньшей мѣрѣ на пятьдесятъ минъ стяжанія, то есть, на около пяти сотъ рублей.

Четвертая степень составлена была такъ же изъ двадцати Центурій, какъ и двѣ предслѣдующія. Туда включались тѣ, коихъ имѣнія восходили по малой мѣрѣ до двадцати пяти минъ, то есть около трехъ сотъ рублей.

Въ пятой степени было тридцать Центурій, въ которыя включены были всѣ имѣвшіе, по крайности, на двенадцать минъ съ половиною стяжанія, что можетъ составить сумму между ста и двухъ сотъ рублей. Ихъ оружіемъ были одни пращицы, и обыкновенно они стояли позади рядовъ и по бокамъ войска.

Шестая степень состояла изъ одной Центуріи, и та имѣла только имя Центуріи; но была смѣшан-

ною

ною толпою самыхъ бѣдныхъ граждань. Они назывались *Пролетеры* (*), такъ какъ не полезные ни къ чему въ республикѣ, кромѣ ихъ чадородія, или *изключенные*, по тому что они освобождены были отъ войны и отъ всякой подати.

Сверьхъ двухъ Центурій, приписанныхъ ко второй степени, изъ плотниковъ и мастеровыхъ, для военныхъ снарядовъ, были другія двѣ Центуріи трубачей; но сіи къ четвертой степени были причислены. Всѣ сіи степени раздѣлялись какъ и перьвыя, на старыхъ, кои оставались въ городѣ, и молодыхъ, кои составляли Легіоны (*) воинства. Общее число Центурій было сто девяносто три; каждая подъ предводитель-

(*) Плодородцы

(*) Римскіе Легіоны состояли изъ пяти до шести тысячь пѣхоты, и четырехъ или пяти сотъ конницы. Легіоны раздѣлялись на когорты, а когорты на Манипулы. Въ началѣ Легіонъ состоялъ изъ трехъ тысячь и послѣ постепенно умножился.

дительствомъ одного Центуріона (*), отличнаго своимъ искусствомъ и храбростью.

Сервій, учредя сію отличность между гражданами, повелѣлъ чтобъ народъ собирался по Центуріямъ, когда потребно будетъ избирать Градоначальниковъ, учреждать законы, обьявлять войну и судить преступленія учиненныя противу Республики, или противу преимуществъ каждаго чина. Собраніе долженствовало быть внѣ города на Марсовомъ полѣ. Надлежало Государю, или перьвому градоначальнику учреждать сіи собранія, равно какъ собранія по Куріямъ. Равнымъ же образомъ, при начатіи оныхъ, всегда производились Авспиціи, которыя много способствовали ко власти Государя и Патрикіевъ, ибо они имѣли главные чины въ священнодѣйствіи. Въ добавокъ уставлено было збирать голоса по Центуріямъ, а не по прежнему обряду,

(*) Начальникъ Центуріи.

ряду, то есть, не поголовно; къ тому учреждено, чтобъ девяносто восемь Центурій первой степени, первыя объявили свои мнѣнія. Чрезъ таковый уставъ Сервій перевелъ искусно въ общество Римскихъ вельможъ всю власть Правительства; и не лишая явно Плебеянъ ихъ права, сдѣлалъ оное безполезнымъ. Ибо изо ста девяносто трехъ Центурій, составляющихъ все общество, въ первой степени находилось девяносто восемь; и когда было только девяносто семь согласныхъ, то есть когда оныя только чуть превосходили половину ста девяноста трехъ, то уже дѣло рѣшено было въ сторону Патрикіевъ. По такому положенію, первая степень, которая какъ сказано, состояла изъ Римскихъ вельможъ, учиняла одна народныя опредѣленія. Естьли же и не доставало нѣсколькихъ голосовъ къ большему числу, какъ случалось, что нѣкоторыя Центуріи первой

степени были противнаго другимъ мнѣнія, то призываны были Центуріи второй степени; а какъ сіи двѣ учиняли главную половину, то другія уже не были спрашиваны. Такимъ образомъ народъ оставался безъ власти, при собраніи голосовъ по Центуріямъ; вмѣсто того, что когда они даваны были по Куріямъ, гдѣ богатые съ бѣдными вмѣстѣ были смѣшаны, тогда послѣдній Плебеянинъ имѣлъ столько силы, какъ и знатнѣйшій Сенаторъ. Отъ сего времени собранія по Куріямъ учреждались только для избранія Фламиновъ, то есть Жрецовъ Юпитеровыхъ, Марсовыхъ, Ромуловыхъ, или для избранія великаго Куріона, (*) и нѣкоторыхъ подчиненныхъ начальниковъ, о которыхъ говорено будетъ ниже.

Я вошелъ въ точную подробность сего новаго правленія для того,

---

(*) Главный Жрецъ.

го, что безъ оной, трудно было бы представить послѣдовавшія раздѣленія, кои произошли между Сенатомъ и народомъ Римскимъ, по причинѣ участія въ правленіи.

Сервій, по таковомъ учрежденіи, почиталъ Царство ни къ чему неслужащимъ и безполезнымъ въ Государствѣ, которое было почти Республическое. Сказываютъ, что къ довершенію своихъ трудовъ, и дабы сдѣлать Римлянъ болѣ свободными, онъ намѣренъ былъ отрещись великодушно отъ Короны и привести правленіе точно въ Республику: подчиня оное двумъ ежегоднымъ Начальникамъ, кои долженствовали быть избраны въ общемъ собраніи Римскаго народа. Но толь славное намѣреніе не было исполнено отъ властолюбія Тарквинія Гордаго, зятя Сервіева, который нетерпѣливо желая царствовать, умертвилъ своего Царя и тестя. Онъ вступилъ тогда же на Престолъ, безъ всякаго избранія, и 218 год. Рим.

 не

не спрося согласія ни отъ Сената, ни отъ народа, какъ будто бы сіе высокое достоинство было наслѣдственное, или такъ какъ завоеванное смѣлостью его и храбростью.

219 год. Рим. Толь безчеловѣчный поступокъ, заставилъ всѣхъ добродѣтельныхъ людей Царя возненавидѣть; всѣ ожесточены были, противу его властолюбія и свирѣпости. Онъ явился отцеубійцею и тираномъ, отъявъ жизнь у своего тестя и вольность у своего отечества. *Но* какъ онъ возшелъ на престолъ чрезъ сіе двойное беззаконіе, то и удерживалъ оный новымъ насиліемъ. Онъ не преминулъ поступать, въ началѣ своего тиранства, съ великою осторожностію; ибо утвердился прежде всего въ войскѣ, которое онъ почиталъ надежнѣйшею подпорою своей власти. Хотя былъ гордъ и жестокъ въ Римѣ противу самыхъ вельможъ и тѣхъ, кои могли противиться его намѣреніямъ; но кротокъ, человѣколюбивъ, снисходи-

сходителенъ въ войскѣ и съ самыми простыми воинами. Онъ щедро ихъ награждалъ, и многажды, дабы привлечь ихъ болѣ, оставлялъ имъ непріятельскіе города̀ въ добычу. Казалось, что онъ воевалъ для ихъ обогащенія; или опасаясь могущихъ соединиться противу его силъ, или желая болѣ привязать ихъ къ своей особѣ и пользѣ. Онъ украсилъ городъ разными народными зданіями; и какъ выкапывали въ одномъ мѣстѣ землю для *основанія* Храма, то нашли глубоко въ землѣ человѣческую голову, еще въ тѣлѣ безъ повреждденія сохранившуюся; по чему имя *Капитолій* (*) дано было Храму. Гадатели и Авгуры, пользуясь малѣйшими происшествіями, кои видъ чудесъ имѣли, разгласили при семъ случаѣ, что Римъ нѣкогда будетъ обладателемъ свѣта и царствующимъ Градомъ во вселенной.

(*) Голова значитъ *капъ* по Латынѣ, и отъ слова капъ названъ *Капитолій*.

Тарквиній присудствовалъ при сихъ различныхъ работахъ; но всегда окруженъ былъ числомъ хранителей его особы, кои служили ему такъ же подсмотрщиками. Сіи невольники тирана, разосланные по разнымъ частямъ города, прилѣжно примѣчали, не было ли втайнѣ противу его какого заговора. Малѣйшее подозрѣніе наказано было смертью, или по малой мѣрѣ ссылкою. Многіе сенаторы изъ первыхъ въ Римѣ, погибли по тайному повелѣнію отъ Тарквинія: не учиня инаго преступленія, какъ только, что осмѣлились сожалѣть о нещастіи своего отечества. Онъ не пощадилъ такъ же Марція Юлія, который женатъ былъ на Тарквиніи, дочери Тарквинія старшаго; и только для того, что его богатство ему было подозрительно. Умертвя сего главнаго Римлянина, онъ истребилъ въ то же время и старшаго его сына, котораго смѣлости

лости и отмщенія онъ страшился. Луцій Юній, другой сынъ Марціевъ, равную бы имѣлъ судьбу, естьлибъ спасаясь отъ свирѣпости тирана, не притворялся глупымъ и сумасшедшимъ; по чему презрительно былъ названъ *Брутъ* (*): но сіе имя сдѣлалъ онъ славнымъ, какъ видно будетъ въ послѣдствіи. Прочіе Сенаторы, не зная о своей судьбѣ, скрывались въ своихъ домахъ. Тиранъ не призывалъ никого изъ нихъ къ совѣтамъ. Сенатъ не былъ болѣ приглашенъ къ дѣламъ; не учреждалось такъ же никакого народнаго собранія. Деспотическая (**) и жестокая власть, распространялась по мѣрѣ истребленія законовъ и вольности. Всѣ чины государства, въ рав-

(*) Что значитъ грубый.

(**) Деспотъ Греческое слово, которое значитъ: Господь, самовластитель. Деспотическая власть, Деспотическое правленіе суть тѣ, гдѣ Государь не подверженъ никакимъ законамъ и даетъ оные самовластно.

равномъ утѣсненіи, съ нетерпѣніемъ ожидали какой либо перемѣны, въ робкой надеждѣ видѣть оную: когда неистовое насильство Секста, сына Тарквиніева, и жестокая смерть непорочной Лукреціи, не скрытно уже возбудили сію общую ненависть, которая питалась въ сердцахъ Римлянъ противу Царя, и вообще противу Царской власти.

Всѣмъ вѣдомо бывшее тогда жалостное произшествіе. Я только упомяну къ изъясненію послѣдующаго, что сія добродѣтельная Римлянка, утомленная жизнью послѣ сдѣланнаго ей насильства, призвала отца, мужа, родственниковъ и перьвыхъ своихъ друзей: она просила ихъ объ отмщеніи, и въ ту минуту вонзила мечь себѣ въ сердце, и мертвая упала у ногъ отцовыхъ и своего мужа. Всѣ предстоящіе наполнили домъ жалостными восклицаніями. Но между тѣмъ, какъ сокрушеніе и горесть облада-

ли ихъ чувствами, Луцій Юній, болѣ знаемый подъ именемъ Брута, подъ симъ именемъ, которое дано ему было по его притворно-глупому виду, обнажа, такъ сказать, прямое свое состояніе и великую душу: „Клянусь, говорилъ онъ взявъ „мечь окровавленный въ груди Лу„креціи, клянусь отмстить смѣло „учиненное ей поношеніе; вами кля„нусь всемогущіе боги, что не по„щажу моей жизни до послѣдней кап„ли крови, и не попущу Тарквиніеву роду, ниже кому другому царствовать въ Римѣ„.

Онъ передавалъ потомъ мечь въ руки Колатину, Лукрецію, Валерію и всѣмъ присудствующимъ, отъ коихъ онъ изтребовалъ равную клятву. Сія клятва предвѣстила всеобщее возмущеніе. Должно думать, что толь внезапная перемѣна во мнимомъ сумасшествіи Брутовомъ, представилась народу чудомъ, которое небо послало явнымъ доказатель-

зательствомъ угодной ему мести за Лукрецію. Сожалѣніе о судьбѣ сей нещастной Римлянки, и ненависть къ тирану, вооружили весь народъ. Войско, разтроганное равною чувствительностью, противу его возмутилось; и чрезъ Народное опредѣленіе Тарквиніи изгнаны были изъ Рима. Сенатъ, чтобъ привесть народъ къ большему возмущенію и озлобленію противу всѣхъ Тарквиніевъ, допустилъ растощить пожитки ихъ дома. Наконецъ злоупотребленіе самодержавной власти, заставило вовсе отрѣшить Царей; и всѣ тѣ, кои захотятъ возстановлять Монархію, преданы были Адскимъ богамъ, и осуждены къ лютѣйшимъ казнямъ. Монархія стала

44 то- быть Республикою. Сенатъ и вельмо-
а ров- жи отъ того воспользовались, присво-
о. еніемъ себѣ власти и всѣхъ правъ царственныхъ. Римъ отчасти сдѣлался Аристократическимъ государствомъ: то есть, что тогда большая часть Самодержавной власти принад-

надлежала Вельможамъ. Вмѣсто безсмѣннаго Государя, избраны были къ правленїю, изъ общества Сената, два ежегодныхъ Правителя, которымъ дано умѣренное названїе, Консулы (*); дабы они почитали себя болѣ Совѣтниками, нежели Властелинами Республики, и имѣли бы всегдашнимъ предмѣтомъ ея сохраненїе и славу.

Брутъ, творецъ свободы, былъ избранъ перьвымъ Консуломъ; а Коллатинъ мужъ Лукрецїинъ учиненъ его товарищемъ, по причинѣ что онъ, болѣ имѣлъ участїя нежели кто другой, въ отмщенїи за смерть жены своей.

Но сїя начинающаяся Республика, едва не разрушилась въ своемъ основанїи. Въ Римѣ появилось общество преданное Тарквинїю: нѣкоторые молодые люди изъ перьвыхъ въ Городѣ, взросшїе при Дворѣ, воспи-

(*) Консулъ, значитъ Совѣтникъ.

спитанные въ своеволіи и забавахъ, вознамѣрились возвесть паки на престолъ сего Государя. Строгій образъ республическаго правленія, въ которомъ одни законы, и никогда не преклоняемые, надъ всѣми властвовали, устрашилъ ихъ болѣ, нежели всякое тиранство. Обыкши быть отличенными отъ придворной лести, они не могли сносить сего низкаго равенства, которое заключало ихъ во множествѣ. Общество ихъ умножалось вседневно; къ удивленію же, самые дѣти Брутовы и Аквиліи племянники Колатиновы, были главными въ заговорѣ. Но прежде нежели бунтъ былъ начатъ, бунтовщики извѣстны стали, и ихъ намѣренія пресѣчены. Брутъ, отецъ и судія преступниковъ, видѣлъ что онъ не могъ спасти дѣтей своихъ, не давъ повода къ новымъ заговорамъ: чѣмъ онъ самъ отворилъ бы входъ въ Римъ Тарквинію. И такъ предпочитая отечество свое дѣтямъ, не внемля

гласу

гласу природы, повелѣлъ при себѣ отсѣчь головы обоимъ сыновьямъ, яко измѣнникамъ. Народъ удивлялся жалостной твердости, съ которою онъ присудствовалъ при ихъ казни. Власть его тѣмъ болѣе усугубилась; и послѣ казни двухъ Консульскихъ сыновей, ни одинъ Римлянинъ не смѣлъ мыслить о возвращенїи Тарквинїя. Колатинъ, товарищъ Брутовъ, поступя потворно, дабы спасти своихъ племянниковъ, самъ сдѣлался чрезъ то подозрительнымъ, и былъ отрѣшенъ отъ Консульства. Народъ неистово ревнивый къ своей вольности, выгналъ его изъ Рима, не смѣя полагаться на ненависть сего Римлянина, которую онъ являлъ противу Тарквинїя. Онъ справедливо боялся, что Колатинъ, будучи Государскимъ родственникомъ, не возымѣлъ бы по тому желанїя подобно властвовать, и ненавидя Царя не возлюбилъ бы быть на его мѣстѣ. Публїй Валерїй поставленъ былъ на

мѣсто изгнаннаго. Тарквиній же, не надѣясь болѣе на старанія друзей въ Римѣ, предпринялъ войти въ него силою. Римляне противостали ему съ непреодолимою твердостію: по чему послѣдовало сраженіе, и въ первомъ, которое происходило подъ городомъ, Брутъ и Аронсъ старшій сынъ Тарквиніевъ, умертвили другъ друга на копьяхъ. И такъ оба первые Консулы республики, не окончали года ихъ Консульства. Въ семъ вышнемъ достоинствѣ, Валерій оставался одинъ нѣсколько времени. Народъ началъ изъ того подозрѣвать, что онъ желалъ одинъ властвовать. Домъ, который онъ построилъ на высокомъ мѣстѣ, удвоилъ его подозрѣніе. Завистливые и непріятели его разглашали, что онъ строилъ тамъ замокъ для утвержденія въ немъ тиранской власти. Но сей великій мужъ уничтожалъ умыселъ сихъ разглашеній, справдывая себя своею умѣренностію и благоразуміемъ

емъ во всѣхъ случаяхъ. Онъ повелѣлъ самъ разломать сей домъ, который возбуждалъ ревность въ его согражданахъ; и такъ Консулъ римскій принужденъ былъ пребывать въ чужемъ домѣ. Прежде выбора ему товарища, какъ еще Валерій одинъ имѣлъ всю полную власть, онъ перемѣнилъ новымъ закономъ, точно въ пользу народа, весь образъ правленія. Вмѣсто того, что при Царяхъ *Плебиситы*, или народные приговоры, не имѣли силы законовъ, пока не *утвердитъ* ихъ въ томъ *Сенатусъ-Консультъ*, Валерій выдалъ совсемъ противное тому узаконеніе, по которому можно было просить въ Народномъ собраніи, въ неудовольствіи по суду Консуловъ. Симъ новымъ закономъ онъ разпространилъ правы народа; власть же Консульская, въ разсужденіи прежде бывшей, тогда уменьшилась.

Онъ повелѣлъ въ то же время Ликторамъ отставить сѣкиры, а ходить только съ пуками прутьевъ

передъ Консулами: въ знакъ того, что сіи Начальники не имѣли права меча, означающаго власть самодержавную. Въ народномъ собраніи съ особливымъ удовольствіемъ было примѣчено, что онъ приказалъ Ликторамъ уклонить прутье, въ честь которую онъ отдавалъ началовластію Римскаго народа. А дабы показать, сколь несправедливо его подозрѣвали, что будто онъ досягалъ къ тиранской власти, то выдалъ другій законъ, который позволялъ убить, безъ всякаго предслѣдственнаго обряда, того кто поступитъ противу вольности сограждань своихъ. Въ законѣ семъ написано, что убійца свободенъ отъ истязанія въ убійствѣ, когда только предъявитъ точныя доказательства противу умыслившаго на вольность. По таковымъ же правиламъ его умѣренности, онъ не хотѣлъ быть хранителемъ общественной казны, которая собиралась съ народа на во-

енные росходы; но оная отнесена была въ храмъ Сатурновъ. Народъ по совѣту Консула, выбралъ двухъ Сенаторовъ, кои названы въ послѣдствіи *Квесторы* (*), и имъ поручены были общія деньги.

Онъ объявилъ по томъ Лукреція отца нещастной Лукреціи, сотоварищемъ себѣ въ Консульствѣ, и ему уступилъ, въ разсужденіи болѣе зрѣлаго его возраста, честь носить передъ нимъ пуки прутьевъ, равно какъ всѣ другіе знаки вышней власти.

Отъ толь великой умѣренности и толь полезныхъ народу законовъ, сей Патрикій названъ былъ *Публикола*, то есть народолюбитель; хотя, отступая отъ своей власти различными установленіями, онъ не льстился пріобрѣтеніемъ сего имени, но единственно старался сдѣлать народъ ревностнымъ, къ защищенію общей вольности.

(*) Казначеи.

Сенатъ поступая съ нимъ единомысленно, зналъ сколь было нужно поселить въ народѣ усердіе, къ сохраненію Республики; для того Сенатъ имѣлъ великія попеченія о свободномъ пропитаніи жителей, во время войны и осады города. Онъ посылалъ въ разныя мѣста, и даже въ Кумы (*), доставать хлѣбъ, который послѣ проданъ былъ народу по низкой цѣнѣ, дабы въ недостаткѣ пропитанія, онъ не покусился жертвовать, для онаго, общею вольностію, и не впустилъ бы въ Римъ Тарквинія.

Сенатъ такъ же освободилъ Народъ, въ продолженіе войны, отъ платежа всякой подати. Всѣ купно Сенаторы великодушно сами себя положили въ нѣкоторый окладъ, чтобъ замѣнить тѣмъ упущенные налоги. Тогда произошло слѣдующее великодушное и справедливое правило отъ толь

(*) Кумы, Кампанійскій городъ.

толь достославнаго сообщества: то есть, что Народъ платитъ довольную дань республикѣ, воспитывая дѣтей, кои могутъ защищать оную.

Но сїе справедливое къ нуждамъ народа снисхожденїе, не болѣ продолжалось, какѣ только при осадѣ города и страхѣ Тарквинїева оружїя. Едва престала осада, едва республика могла покоиться въ безопасности, какъ властолюбїе Патрикїевъ, готовило народу новыя узы. Народъ скоро *возчувствовалъ*, что чрезъ выборъ, *вмѣсто Царя, двухъ Консуловъ* изъ ихъ общества, онъ не перемѣнилъ ничего кромѣ властей, и такъ же былъ утѣсняемъ отъ нихъ, но только подъ другимъ именемъ.

Въ точности, хотя царство было уничтожено, но мысли царствованїя не изтребились въ Патрикїяхъ. Сенатъ освободясь отъ сильнаго Начальства, которое его обуздывало, желалъ перевести въ свое общество всю власть высочайшаго Правитель-

 ства:

ства: по колику гражданскія и военныя достоинства, принадлежали степени Патрикіевъ, и вручали имъ мочь и слѣдующее отъ нея богатство. Главный предмѣтъ его политики былъ тотъ, чтобъ содержать Народъ въ униженіи и бѣдности.

Сей народъ, котораго голоса бывали преимущественно желаемы, въ избраніяхъ при общенародныхъ зборищахъ, сей самый Народъ презирался внѣ *Комицїи* (*). Вообще многочисленность онаго была много уважаема, но особый Плебеянинъ мало почитался, и ни одинъ не былъ принятъ въ союзъ родства съ Патрикіями. Бѣдность скоро привела Народъ къ займамъ, кои ввергли его въ рабственную зависимость отъ богатыхъ. За тѣмъ слѣдовала лихва: врачеваніе хуже болѣзни. Напослѣдокъ порода, чины, богатство и произвели чрезмѣрное неравенство между Гражданъ единой Республики. Виды

(*) Комицїи назывались у Римлянъ сборищи для дѣлъ.

Виды сихъ двухъ положенiй въ людехъ скоро стали быть противны одинъ другому. Патрикiи, любители побѣдъ, обыкшiе повелѣвать, желали всегда войны, и старались распространить только внѣшнюю силу республики; но Народъ желалъ быть воленъ внутри Рима, и жаловался что между тѣмъ какъ онъ подвергаетъ жизнь, для покоренiя сосѣднихъ народовъ, часто по окончанiи войны, впадаетъ въ рабство и неволю у собственныхъ согражданъ, *отъ* властолюбiя и скупости знатныхъ. *Сiе должно быть* изъяснено, такъ какъ начало послѣдовавшихъ перемѣнъ, о которыхъ мы говорить будемъ.

Изъ всѣхъ къ пропитанiю способовъ, кои естественныя нужды заставили людей вымыслить, Римляне имѣли только хлѣбопашество и войну. Они жили или плодомъ ихъ сѣянiя, или похищенiемъ чужаго труда, вооруженною рукою, на поляхъ своихъ сосѣдей. Всѣ Механическiя Художества,

кои не нужны были къ симъ двумъ промысламъ, были въ Римѣ или незнаемы, или оставлены невольникамъ и чужестраннымъ. Вообще, всѣ Римляне отъ Сенаторовъ до послѣднихъ Плебеянъ, были хлѣбопашцы, и всѣ хлѣбопашцы были воины. Мы увидимъ въ послѣдствїи сей Исторїи, что великїе Полководцы, призываны были отъ сохи повелѣвать войсками. Всѣ Римляне, и самые первые въ Республикѣ, приучали своихъ дѣтей къ простымъ работамъ. Они возращали ихъ въ суровой и трудолюбивой жизни, дабы они были крѣпче и способнѣе къ перенесенїю нуждъ военныхъ.

Сїя домашняя строгость имѣла свое начало отъ скудости перьвыхъ Римлянъ, и на послѣдокъ простое дѣйство необходимости стало быть добродѣтелью. Отважные Римляне, почитали сїю равную для всѣхъ гражданъ скудость, способомъ къ сохраненїю полной ихъ свободы. Каж-

дый гражданинЪ, сЪ начала не имѣлЪ кЪ пропитанїю болѣ двухЪ десятинЪ земли, какЪ было уже сказано. РимЪ разпространилЪ по томЪ область, мало по малу, завсеванїемЪ земель у своихЪ сосѣдей. Обыкновенно, половина сихЪ завоеванныхЪ земель продавалась, для возвращенїя Государству военныхЪ убытковЪ; другая же половина присовокуплялась кЪ общему владѣнїю, которое по томЪ раздавано было самымЪ бѣднымЪ гражданамЪ, на оброкЪ и на пашню, или безЪ всякой отЪ нихЪ платы, или сЪ малою вЪ казну прибылью, для вспоможенїя ихЪ скудости. ТаковЪ бывалЪ древнїй Римскїй обычай при ЦаряхЪ, то есть вЪ теченїе болѣ двухЪ сотЪ лѣтЪ времени. Но по уничтоженїи Царей, Вельможи и Патрикїи, почитая себя единственными Властями Республики, присвоили подЪ разными видами, лучшую часть сихЪ завоеванныхЪ земель, кои находились имЪ

близки и удобны. Итакъ нечувствительно владѣнїе ихъ распространялось къ урону общаго. Часто подъ чужими именами, они принуждали уступать себѣ за низкую цѣну разные удѣлы, назначенные бѣднѣйшимъ гражданамъ для ихъ пропитанїя; а на послѣдокъ смѣшивали ихъ съ своими собственными землями: и сїи грабежи помощїю знати, отъ долголѣтнаго владѣнїя становились законными. Государство теряло въ томъ часть своей области; равно и воинъ, истоща свою кровь для разширенїя границъ республики, лишался удѣла земли, который долженствовалъ ему служить и жалованьемъ и награжденїемъ.

Жадность нѣкоторыхъ Патрикїевъ, не удовольствовалась одними сего рода похищенїями; но въ голодные годы, когда поля мало плода приносили, или претерпѣли утрату отъ набѣговъ непрїятельскихъ, они умѣли чрезъ прибыточное

ное вспоможенїе, сбирать себѣ часть съ полей ближняго. Воинъ тогда безъ жалованья, и лишенъ всѣхъ надеждъ, принужденъ былъ для пропитанїя, прибѣгать къ богатымъ. Онъ бралъ въ займы съ платою великой лихвы; а лихва биралась въ то время по произволу, естьли должно вѣрить въ томъ Тацїю. Необходимо слѣдовало, чтобъ должникъ закладывалъ малое свое наслѣдство; и часто сей жестокой способъ доводилъ до потерянїя вольности. Законы сихъ временъ позволяли заимодавцу, въ неудовольствїи платежемъ, брать во власть своего должника и удерживать въ домѣ, гдѣ онъ служилъ потомъ какъ невольникъ. Паче же когда требовался долгъ съ прибыткомъ удвоенной лихвы, подъ сѣченїемъ и муками, то истязанный, принужденъ былъ вовсе лишаться своей земли. И такъ подъ видомъ соблюденїя законовъ и должнаго правосудїя, Народъ испытывалъ вседневно чрезмѣрность неправосудїя.

Таковое

Таковое жестокое правленіе, въ начинающейся Республикѣ, скоро произвело общее негодованіе. Плебеяне, изнуренные долгами, бояся впасть въ руки своихъ заимодавцевъ, прибѣгали къ своимъ Патронамъ и нѣкоторымъ безкорыстнымъ Сенаторамъ. Они представляли имъ свою бѣдность и несостояніе воспитывать дѣтей: жаловались, что проливая кровь свою противу Тарквиніевъ, для защищенія общей вольности, на послѣдокъ принуждены отъ своихъ природныхъ сограждан, быть ихъ невольниками.

Жалобамъ послѣдовали тайныя угроженія. Плебеяне не видя облегченія ихъ бѣдствамъ, взбунтовали на послѣдокъ, въ Консульство Тита Ларція и Квинта Клелія.

255 год. Рим. Римъ, какъ сказано выше, окруженъ былъ числомъ малыхъ Народовъ, безпокойныхъ и завистливо взирающихъ на распространеніе сей области. Латиняне, Эквы, Сабиняне,

няне, Волски, Герники, Веи, иногда розно, часто же соединенно вели противу Рима, почти безпрестанную войну. Можетъ быть отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, Римляне содѣлались толь храбры и искусны въ войнѣ, что на послѣдокъ были обладатели свѣта.

Тарквиній еще жилъ. Онъ производилъ возмущеніе силъ, тайно противу Римлянъ. Тритцать городовъ Латинской земли вооружились къ его возстановленію. Паче же Герники и Волски ему способствовали; одни только Этрурійскіе народы не хотѣли быть въ участіи, сомнѣваясь въ успѣхѣ предпріятія, и остались спокойны, въ намѣреніи поступать смотря по обстоятельствамъ. Но Консулы и Сенатъ Римскій не были спокойны, видя толико общее соединеніе силъ противу Республики; тотъ часъ помышляемо было о способахъ къ защищенію. Въ Римѣ не было иныхъ воиновъ, 257 год. Рим.

новЪ, кромѣ вольныхЪ ГражданЪ; надлежало чтобЪ они приняли оружіе. Но бѣдные, и тѣ кои были истощены долгами, говорили что пусть тѣ защищаютЪ республику, которые довольствуются вЪ ней чинами и имѣніями; что они уже утомились, подвергая жизнь свою ежедневно, для толь скупыхЪ и жестокихЪ Повелителей. Они отказали дать свои имена, для вписанія по обыкновенію вЪ Легіоны. Самые же неукротимые говорили, что они не болѣ привязаны кЪ ихЪ отечеству, какЪ ко всякому другому климату и ко всякой другой области; что вездѣ, по крайней мѣрѣ они освобождены будутЪ отЪ заимодавцевЪ; что имЪ остается выйти только изЪ Рима, дабы избыть отЪ ихЪ тиранства: и непремѣнно грозили оставить городЪ, естьли чрезЪ *СенатусЪ-КонсультЪ* не будутЪ всѣ долги уничтожены.

Видя

Видя такое преслушанїе въ народѣ, мало различное отъ явнаго бунта, Сенатъ собрался немедлѣнно. Предложены были разныя мнѣнїя; ибо надлежало помышлять о облегченїи народа. Маркъ Аврелїй, братъ Публиколы, и его ревнитель въ благосклонности и любви къ Народу, представилъ, что большая часть бѣдныхъ Плебеянъ, вошли въ долги по нещастїямъ въ военное время; что естьли въ видимыхъ обстоятельствахъ, когда часть Италїи согласилась съ Тарквинїемъ, Народныя требованїя удовольствованы не будутъ, то должно опасаться, чтобъ въ отчаянїи люди не преклонились къ Тирану, и чтобъ Сенатъ, распространяя много свою власть, не потерялъ оную вовсе, отъ возстановленїя Царства.

Многїе Сенаторы, особливо тѣ, кои не имѣли должниковъ, приставали къ его мнѣнїю; но богатые съ негодованїемъ отвергали оное. Ап-

 пїй

пій Клавдій противился сему такъ же, только въ другомъ видѣ. Сей суроваго нрава мужъ, строгій наблюдатель законовъ, спорилъ и говорилъ, что не можно было ничего перемѣнять въ законахъ, безъ вреда отъ того Республики. Онъ хотя чувствовалъ бѣдность Гражданъ, которымъ онъ помогалъ ежедневно своимъ имѣніемъ; однако не преминулъ сказать въ полномъ собраніи, что по справедливости, не льзя было отказать заимодавцамъ, естьли *они прибѣгнутъ* къ помощи законовъ, и захотятъ строго поступать съ своими должниками.

Но прежде нежели я войду въ подробность сего дѣла, можетъ быть не безполезно будетъ особо предувѣдомить о семъ Патрикіи, который какъ и его потомки, имѣлъ великое участіе въ разныхъ произшествіяхъ, колебавшихъ послѣ Республику.

Аппій Клавзій или Клавдій, былъ родомъ Сабинянинъ изъ главныхъ въ городѣ Региллѣ. Гражданскія несогла-

сія,

сїя, вѣ которыхѣ единожелатели его были безсильны, принудили его оттуда выѣхать. Онѣ удалился вѣ Римѣ, гдѣ всѣ чужестранцы были прїемлемы; кѣ тому онѣ перевелѣ сѣ собою свою родню и своихѣ сообщниковѣ, которыхѣ Виллїй Патеркулѣ считаетѣ до пяти тысячь.

Имѣ дано было право мѣщанства сѣ землями по рѣкѣ Теверонѣ, для ихѣ поселенїя: таково было происхожденїе Клавдїанскаго Триба. Аппїй, начальникѣ онаго, посаженѣ былѣ вѣ Сенатѣ, гдѣ онѣ отличился скоро, благоразумїемѣ своихѣ совѣтовѣ, особливо своею твердостїю. Онѣ сильно противился Валерїеву мнѣнїю, какѣ то уже сказано, и представлялѣ вѣ полномѣ Сенатѣ, что естьли должно почитать правосудїе крѣпчайшею подпорою Государства, то не льзя уничтожить долги особыхѣ людей, не истребя общей довѣренности, и не наруша союза общества; что самый тотѣ народѣ,

въ пользу котораго требуется толь несправедливое опредѣленіе, первый отъ того постраждетъ; что имъ въ новыхъ нуждахъ богатые не станутъ болѣе тогда помогать; что неудовольствіе Вельможъ не менѣе опасно, какъ негодованіе Народа, и что богатые не захотятъ, можетъ быть, сносить урона, отъ уничтоженія обязательствъ ихъ должниками, ибо они приобрѣли богатство своимъ присмотромъ и умѣренностію. Всѣмъ извѣстно, прибавилъ онъ, что Римъ въ началѣ распредѣлилъ равную мѣру земли, какъ Вельможамъ, Патрикіямъ, такъ и Плебеянамъ; что симъ послѣднимъ, розданы были еще имѣнія Тарквиніевъ, кромѣ того, что они часто получали въ войнѣ знатную добычу; что когда они расточили свое имѣніе въ роскоши, то несправедливо было бы награждать ихъ, отъемля у тѣхъ, кои жили съ большимъ благоразуміемъ и воздержностію; что по справедли-

ведли-

ведливому разсмотрѣнію, тѣ кои болѣе упрямились и болѣе жаловались, были Плебеяне послѣдней степени, которые въ войнѣ употреблялись только по бокамъ и позади Легіоновъ, большею частію вооруженные одними пращицами; что не должно ожидать ни великихъ услугъ, ни многой опасности отъ такихъ воиновъ; что республика не претерпитъ знатнаго урона, потерявъ людей, кои служили единственно къ умноженію числа; что довольно было презрѣть ихъ только для укрощенія мятежа, и дабы видѣть сихъ мятежниковъ, покорно прибѣгающихъ къ милосердію Сената.

Нѣкоторые Сенаторы, кои желали найти посредство между двухъ толь противныхъ мнѣній, предлагали способъ, чтобъ по крайней мѣрѣ, заимодавцы не могли употреблять насильнаго принужденія, съ своими должниками. Другіе хотѣли отпустить долги толко тѣмъ,

кои видимо были не вЪ состоянiи заплатить оные; иные же предлагали, чтобЪ сохранить и общую довѣренность и пользу заимодавцевЪ, удовольствуя ихЪ изЪ Государственной суммы.

СенатЪ не принялЪ ни одного изЪ сихЪ мнѣнiй: онЪ разсудилЪ не нарушать толь твердыхЪ согласiй вЪ обществѣ, каковы суть заемныя обязательства. Но дабы укротить НародЪ и привлечь кЪ охотному вооруженiю за *отечество*, онЪ учинилЪ *СенатусЪ КонсультЪ*, по которому платежЪ всякаго рода долговЪ, отсроченЪ былЪ до окончанiя войны.

Сiе снисхожденiе отЪ Сената, было дѣйствомЪ приближенiя непрiятельскаго войска кЪ Риму. Но многiе изЪ ПлебеянЪ, тѣмЪ болѣ еще возгордясь, обЪявили что или всѣ долги надлежитЪ совершенно уничтожить, или они вЪ противномЪ случаѣ, оставляютЪ богатымЪ и ВельможамЪ трудЪ воевать и защищать

щать городѣ, вѣ которомѣ они не берутѣ болѣ участія, и готовы изѣ него выйти. Твердость ихѣ вѣ семѣ намѣреніи, привлекла имѣ товарищей; число ихѣ ежедневно умножалось. Многіе вѣ народѣ, не имѣя ни долговѣ, ни заимодавцевѣ, жаловались также на строгость Сената, или изѣ сожалѣнія кѣ ихѣ подобнымѣ, или по сей тайной ненависти, которую люди имѣютѣ отѣ естества ко всякому властоначалію.

Хотя постояннѣйшіе и богатѣйшіе изѣ Плебеянѣ, особливо Кліенты Вельможѣ, не были вѣ числѣ бунтующихѣ; однако какѣ сіи хотѣли оставить городѣ и твердо отрицались отѣ войны, то такой примѣрѣ былѣ опасенѣ, паче вѣ обстоятельствахѣ, когда большая половина Латинянѣ, подѣ предводительствомѣ сыновей и зятя Тарквиніевыхѣ, являлись уже подѣ городомѣ. Сенатѣ по справедливости, могѣ судить упрямѣйшихѣ и главныхѣ

ныхъ мятежниковъ; но законъ Валеріевъ, который дозволялъ переносить судъ въ народное собраніе, давалъ вѣрное убѣжище симъ бунтовщикамъ, кои тамъ не могли быть обвинены отъ согласныхъ съ ними возмутителей.

Сенатъ, для того чтобъ отнять силу сего противнаго его власти преимущества, вознамѣрился поставить высочайшаго Начальника, равно надъ Сенатомъ и надъ Народнымъ собраніемъ, и поручить ему совершенно независимую ни отъ кого власть. Дабы согласить къ тому Народъ, представлено было въ общемъ собраніи, что какъ нужно было пресѣчь внутреннія несогласія и отвратить непріятелей отъ города, то необходимо надлежало придать Республикѣ Повелителя, вышшаго надъ самыми Консулами, который былъ бы самодатель законовъ и какъ отецъ отечества; въ предосторожность же, дабы онъ не

сдѣлался тираномъ, и не употребилъ во зло сей высочайшей власти, представлено было вручить оную на шесть только мѣсяцевъ.

Народъ не предвидя слѣдствія сей перемѣны, принялъ предложеніе, и всѣ согласились, чтобъ перьвый Консулъ назвалъ *Диктатора*, то есть помянутаго самодателя законовъ: отдая Консулу сіе право въ замѣну власти, которой онъ лишался сотвореніемъ сего вышшаго достоинства. Клелій назвалъ Тита Ларція, своего товарища: сей былъ перьвый Римлянинъ, который подъ именемъ *Диктатора*, возшелъ на верьхъ достоинства, хотя временнаго, но подобящагося Монаршескому самовластію въ Республикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ власть въ жизни и смерти, одинъ надъ всѣми Гражданами, какого бы званія они ни были, и безъ всякаго вторичнаго суда; власть же и правленія протчихъ Начальниковъ прекратились, 259 год. Рим.

или ему подчинены были. Онъ назначивалъ Предводителя конницы, который былъ въ особливыхъ его повелѣнїяхъ, и служилъ исполнителемъ его воли.

Диктаторъ имѣлъ Ликторовъ вооруженныхъ сѣкирами, какъ они при Царяхъ бывали. Онъ могъ собирать и распускать войско по его благоразсужденїю: противу же непрїятеля онъ повелѣвалъ онымъ и распоряжалъ военныя предпрїятїя, не бывъ долженъ спрашивать на то мнѣнїя отъ Сената или Народа; равно по окончанїи своей власти, онъ не давалъ никому ни въ чемъ отвѣта по дѣламъ, произведеннымъ во время его правленїя.

Титъ Ларцїй прїявъ сїе великое достоинство, назвалъ, безъ Сената и Народа, Спурїя Кассїя Виселина Предводителемъ конницы; и хотя былъ умереннѣе всѣхъ въ Сенатѣ, но притворно показывался гордымъ, дабы Народъ его боялся и помнилъ лучше свою должность.

Твердость Диктатора поселила страхъ въ народѣ. Каждый увидѣлъ, что подъ толь самовластнымъ Правителемъ, который не преминетъ явить примѣръ съ перьвымъ преслушникомъ, не оставалось предпринимать ничего другаго кромѣ повиновенія.

Титъ Ларцій, сидя на возвышенномъ мѣстѣ, какъ на престолѣ, изготовленномъ ему среди народной площади, среди Ликторовъ вооруженныхъ сѣкирами, повелѣлъ призывать всѣхъ гражданъ однихъ за другими. Плебеяне, не смѣя болѣ роптать, явились кротко для вписанія ихъ въ службу, и каждый въ страхѣ и почтеніи слѣдовалъ къ знаменамъ. Между тѣмъ сіе ужасное къ войнѣ приготовленіе обратилось въ договоры. Устрашенные Сабиняне просили вотще мира: а учинено было нѣкоторое перемиріе, что продолжалось близко года. Мудрый Диктаторъ умѣлъ заставить непріятелей

ятелей и граждан своих бояться и почитать себя, являя твердость и умеренность в своих правилах.

Окончание Диктаторства вскоре возобновило домашния несогласія, кои страхом войны были удержаны. Заимодавцы начали вновь принуждать своих должников; а сіи повторяли свои негодованія и жалобы. Сія великая тяжба произвела новыя возмущенія. Сенат желая предупредить вредныя от того слѣдствія, вручил Консульство Аппію Клавдію, котораго твердость была извѣстна; но боясь, чтоб оная не была безмѣрна, дал ему в товарищи Сервилія, мужа кроткаго и человѣколюбиваго, особливо угоднаго бѣдным и всему народу Начальники не преминули спорить друг другу во мнѣніях. Сервилій по милосердію и жалости к нещастным, склонялся к уничтоженію долгов, или по крайней мѣрѣ хотѣл, чтоб упущены были начисленные прибытки,

бытки, кои долгъ усугубляли. Онъ увѣщевалъ Сенатъ сдѣлать учреждеnіе, которое бы облегчило народъ и утвердило навсегда безопасность государства.

Но Аппій, строгій хранитель законовъ, доказывалъ съ обыкновенною своею твердостью, что явно не было въ томъ правосудія, дабы облегчать должниковъ, обижая заимодавцевъ; что способъ сей разрушаетъ такъ же нужное повиновеніе въ благоустроенномъ государствѣ; что требуемое отъ Сервилія снисхожденіе къ народнымъ нуждамъ, не инако почитаемо будетъ отъ удовольствованныхъ мятежниковъ, какъ притворнымъ послабленіемъ, и дастъ имъ поводъ къ новымъ требованіямъ; что напротиву того сила Республики ни чѣмъ лучше сохранена быть не можетъ, какъ справедливою строгостію въ разсужденіи тѣхъ, кои чрезъ соблазнъ и преслушаніе нарушаютъ величество Сената.

Народъ увѣдомясь о произшедшемъ въ Сенатѣ спорѣ и различныхъ мнѣнїяхъ двухъ Консуловъ, столько возносилъ похвалами Сервилїя, сколько ненавидѣлъ и ругалъ Аппїя. Упрямѣйшїе въ немъ паче волнуются; по ночамъ тайно, и въ глухихъ мѣстахъ, учреждаютъ зборищи. Всѣ были въ беспокойствѣ отъ искры раздоровъ; а къ тому нещастїе особеннаго гражданина, воспламенило общее неудовольствїе и возмущенїе.

Нѣкто Плебеянинъ нося оковы, выбѣжалъ на народную площадь, какъ для убѣжища. Одѣянїе его было разтерзано; блѣдность и видъ отчаянїя являлись на лицѣ его; большая борода и разстрепанные волосы страшно оное обезображивали. Узнали кто онъ таковъ, и нѣкоторые вспомнили, что видали его въ войнѣ подчиненнымъ и предводителемъ, гдѣ онъ сражался съ великою храбростїю: и самъ онъ показывалъ раны, кои онъ получилъ въ разныхъ битвахъ,

битвахъ, называя Консуловъ и Трибуновъ, при которыхъ онъ служилъ въ войскѣ. Обратясь же ко множеству окружившаго его народа, и любопытно желавшаго вѣдать причину жалостнаго его состоянія, говорилъ омываясь слезами: что въ послѣднюю войну побѣждая Сабинянъ, онъ не только не могъ пахать малую свою землю, но и послѣдній его домъ, отъ непріятельскаго набѣга сожженъ и обращенъ въ пепелъ; что необходимости въ жизни, и подати, кои онъ долженъ былъ платить при всемъ своемъ нещастіи, ввели его въ долги; что прибытокъ лихвы нечувствительно возросъ толь много, что онъ принужденъ былъ уступить свое наслѣдство въ уплату своего долга: но нежалостный заимодавецъ, не бывъ еще удовольствованъ, посадилъ его съ двумя дѣтьми въ тюрьму, гдѣ домогаясь уплаты оставшаго долга, велѣлъ своимъ невольникамъ мучить и терзать его ослаб-

ослабленное ранами тѣло. Въ самое то время онъ открылъ и показалъ еще окровавленную спину, отъ претерпѣннаго батогами мученія.

Народъ уже возмутившійся, и паче тронутый толь варварскимъ истязаніемъ, вопіялъ, негодуя на Патрикіевъ. Слухъ о томъ въ минуту по всему городу распространился, и отъ всѣхъ сторонъ люди збѣжались на площадь. Тѣ, кои равною судьбою ввержены были въ оковы, освобождаются, вскорѣ учиняются предводителями и сообщниками возмущенія, не признаютъ болѣ власти начальниковъ; и Консулы, кои къ усмиренію мятежа, представились среди ярящагося народа, не находятъ уже ни почтенія, ни послушанія въ Гражданахъ.

Аппій, ненавистный народу былъ бы конечно имъ обруганъ, естьлибъ не скрылся во многисленной толпѣ и не ушелъ оттуда. Сервилій хотя казался любимъ Народомъ, былъ однако

принужденъ скинуть съ себя Консульскую одежду, и безъ всѣхъ знаковъ своего достоинства, бросается въ толпу народную, ласкаетъ, обнимаетъ самыхъ упрямѣйшихъ, и увѣщеваетъ ихъ со слезами, утишить сей безпорядокъ. Онъ обѣщаетъ собрать немедлѣнно Сенатъ, и тамъ представить о пользѣ Народа съ такою ревностїю и усердїемъ, какъ должно Плебеянину. Во увѣренїе же своего обѣщанїя, повелѣваетъ обнародовать чрезъ провозвѣстника, чтобъ никто изъ Гражданъ не былъ за долги удерживанъ до того времени, какъ Сенатъ учинитъ о томъ новое опредѣленїе.

Народъ, полагаясь на него, разошелся, и Сенатъ немедлѣнно былъ собранъ. Сервилїй представилъ народное положенїе, и нужду отступить нѣсколько отъ строгости законовъ, въ видимыхъ обстоятельствахъ. Аппїй напротиву того, непремѣнный въ перьвыхъ своихъ мнѣнїяхъ, твер-

до спорилъ оному. Разность мыслей произвела между ими озлобленіе: Аппій не могъ воздержаться отъ свойственной ему жестокости въ выраженіяхъ, называя при всѣхъ своего сотоварища ласкателемъ и рабомъ народнымъ. Сервилій съ своей стороны поносилъ его гордость, высокомѣріе и свирѣпость, которую онъ противу Плебеянъ оказывалъ. Сенаторы приставали иной къ тому, иной къ другому мнѣнію: каждый взялъ сторону по своимъ обстоятельствамъ и выгодамъ. Различіе и противность мыслей произвели великой споръ въ Собраніи. Во время сего шума прискакали вершники, сказывая что Волски войною идутъ прямо къ Риму.

Сія вѣдомость перемѣнила молву въ Сенатѣ и въ народѣ. Сенаторы, ихъ Кліенты и богатѣйшіе между народомъ приняли оружіе. Но тѣ кои удручены были долгами, показывая ихъ цепи, спрашивали съ

горькою

горькою усмѣшкою: достойны ли были такія украшенія, чтобъ подвергать свою жизнь для ихъ сохраненія? и всѣ сіи Плебеяне отреклись твердо вписываться въ службу.

Городъ былъ въ замѣшательствѣ, какое обыкновенно предслѣдуетъ великимъ перемѣнамъ: Консулы въ несогласіи, народъ не слушалъ Начальниковъ, и Волски были почти въ городѣ. Сенатъ боясь, равно Гражданъ какъ непріятеля, поручилъ Аппію защищеніе города, въ томъ видѣ, что Народъ охотнѣе согласится итти въ поле, подъ предводительствомъ другаго Консула. Сервилій, назначенный итти противу непріятеля, заклинаетъ Плебеянъ непремѣнно за нимъ слѣдовать. А чтобъ лучше принудить ихъ къ оружію, повелѣваетъ вновь запретить держать въ неволѣ кого либо изъ Гражданъ Римскихъ, кои захотятъ итти съ нимъ, съ равнымъ запрещеніемъ держать дѣтей ихъ, или за-

бирать имѣніе. При семъ обнародовано что онъ обѣщаетъ, отъ имени Сената, совершенно Народъ удовольствовать, въ разсужденіи долговъ, по его возвращеніи.

Какъ скоро сіе объявлено было, то Народъ толпою шелъ на войну вписываться: иные по склонности къ Консулу ихъ Предводителю, другіе же и для того, чтобъ не остаться въ Римѣ подъ строгимъ и самовластнымъ правленіемъ Аппіевымъ. Но изъ всѣхъ Плебеянъ никто столько не показалъ охоты къ службѣ, и не шелъ съ такою смѣлостію противу непріятеля, какъ самые заводчики послѣдняго смятенія. Волски были побѣждены, и Консулъ въ награжденіе воинамъ, за храбрость ихъ въ сраженіи, отдалъ добычу взятаго имъ непріятельскаго стана, не оставляя ничего, въ общее сокровище, какъ бывалъ обычай.

Народъ по возвращеніи прославилъ его храбрость, и съ надеждою

ожидалъ исполненія его обѣщаній. Сервилій употребилъ все, чтобъ уговорить Сенатъ къ общему долговъ уничтоженію. Но Аппій, почитая за вредъ всякую въ законахъ перемѣну, крѣпко противился намѣренію своего товарища. Заимодавцы получили отъ него прежнюю власть сажать въ тюрьму должниковъ своихъ; и съ одной стороны благодарность богатыхъ, съ другой укоры бѣдныхъ дѣлали его паче непреклоннымъ.

Тѣ, коихъ ловили въ неволю, приступали къ Сервилію, напоминая ему данные до войны обѣщанія, и услуги оказанныя ими въ сраженіи: въ слухъ кричали передъ его Трибуналомъ, чтобъ онъ или какъ Консулъ и главный Правитель защитилъ согражданъ, или какъ Вождь, не выдалъ воиновъ своихъ на разореніе. Но Сервилій, по свойственной ему тихости и робости, не смѣлъ откровенно спорить противу цѣлаго

общества Патрикїевъ; желая же угодить на объ стороны, досадилъ объимъ, и привлекъ себъ отъ одной ненависть, отъ другой презрънїе.

Народъ видя себя оставленнымъ отъ Сервилїя, гонимымъ отъ его товарища, сбирается смятенно, сговаривается между собою, и предпринимаетъ въ себъ самомъ искать своего спасенїя, намъриваясь употребить силу противу тиранства. Должники, достигаемые ихъ заимодавцами до самой площади, въ толпъ находятъ върное себъ убъжище; и уже тамъ во многочислїи поражаютъ, разталкиваютъ и прогоняютъ сихъ нежалостныхъ лихоимцевъ, кои тощие призываютъ помощь законовъ. Къ тому новое нашествїе Волсковъ, Сабинянъ и Эквовъ вновь ободряетъ смълость Народа, который прямо отказывается итти противу непрїятеля.

Анкъ Виргинїй и Титъ Ветузїй, вступя въ Консульство послъ Аппїя и Сервилїя, покусились унять строгою

гою властью таковое самоволіе. Они велѣли посадить въ тюрьму одного Плебеянина, который не хотѣлъ вписываться въ службу; но народъ, неукротимый въ ярости, выхватилъ его изъ рукъ Ликторовъ, и Консулы испытали въ семъ случаѣ, сколь мало почтенно Величество безъ силы. Толь явное преслушаніе, подобное бунту, принудило Сенатъ учредить тотъ часъ чрезвычайное собраніе. Титъ Ларцій, бывшій Диктаторъ, о коемъ упомянуто выше, подалъ перьвый свое мнѣніе. Сей старый Правитель, почтенный своимъ благоразуміемъ и твердостію, изъяснялъ, съ какимъ огорченіемъ онъ видѣлъ Римъ, какъ будто раздѣленный двумя Народами, и подобно какъ два города составленныхъ ко взаимному истребленію; что одинъ казался наполненъ богатствомъ и гордостію, въ другомъ видна была бѣдность и негодованіе; что въ обѣихъ не было ни правосудія, ни чести, ни благопристой-

 ности;

ности; что высокомѣріе Вельможъ не менѣе было хулы достойно, какъ и непокорность мѣлкаго народа; что онъ предвидитъ безконечныя несогласія между сими двумя состояніями людей, естьли они не будутъ соединены, общихъ долговъ уничтоженіемъ.

Нѣкоторые Сенаторы мнили, чтобы явить сію милость по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кои въ послѣднихъ войнахъ были полезны, сражаясь за республику. Они представляли, что имъ надлежало то по правосудію, и что Сервиліево данное имъ слово долженствовало быть исполнено.

Какъ скоро дошла чреда до Аппіева мнѣнія, то онъ не преминулъ противурѣчить двумъ первымъ: „Таковое упрямство, говорилъ онъ, „происходитъ не отъ бѣдности народной, но паче есть дѣйствіе не„обузданнаго своевольства, которо„му возмутители хотятъ дать имя „республической вольности. Все сіе

„замѣ-

„замѣшательство произошло отъ „злоупотребленія въ народѣ закона „Валеріева. Величество Консуловъ „оскорбляется безъ наказанія; ибо „мятежники осужденные въ преступ-„леніи, имѣютъ волю перевершать „судъ, чрезъ самихъ сообщниковъ „сего преступленія. Можно ли на-„дѣяться востановить какой либо „порядокъ въ государствѣ, гдѣ опре-„дѣленія Начальниковъ подвержены „разсмотрѣнію и суду народнаго „сборища, неимѣющаго иныхъ пра-„вилъ, кромѣ своихъ прихотей и „неистоваго стремленія? Господа! „продолжалъ онъ: надлежитъ поста-„вить Диктатора, котораго рѣше-„нія не могутъ быть перемѣняемы; „не опасайтесь по томъ, чтобъ „нашлись Плебеяне, которые бы „отважились толкать Ликторовъ въ „присутствіи Начальника, могущаго „самовластно располагать ихъ имѣ-„ніемъ и жизнію„.

 Моло-

Молодые Сенаторы, прилѣпленные къ чести Сената, особливо тѣ, кои не находили своей корысти въ упущенiи долговъ, пристали къ Аппiеву мнѣнiю, и ему желая вручить сiе великое достоинство, говорили: что онъ одинъ только способенъ, своею твердостiю и смѣлостiю, удерживать народъ въ страхѣ. Но старшiе и болѣ умѣренные Сенаторы находили, что сiя независимая ни отъ кого власть, была сама собою довольно грозна, безъ прибавленiя къ тому человѣка отъ природы жестокаго и нетерпимаго народомъ. И такъ по согласiю ихъ, одинъ изъ Консуловъ назвалъ Диктаторомъ Манiя Валерiя, сына Волезiева. Онъ былъ старѣе семидесяти лѣтъ, и изъ такого рода, котораго ни гордости, ни неправосудiя Народъ не опасался.

Новый Диктаторъ, Плебеянинъ по склонности, назвалъ предводителемъ конницы Квинта Сервилiя,

брата Сервилія бывшаго Консуломъ, и который такъ же находилъ народныя жалобы справедливыми. Онъ назначилъ по томъ общее собраніе на мѣстѣ обыкновенныхъ Комицій. Тамъ онъ предсталъ съ важною и умѣренною поступью, и въ началѣ уговаривалъ народъ не имѣть страха, чтобъ вольность его и законъ Валеріевъ, такъ какъ крѣпчайшая подпора оной, колеблемы были подъ Диктаторомъ происходящимъ изъ рода Валерія Публиколы; что онъ не съ тѣмъ возшелъ на свой Трибуналъ, дабы обмануть ихъ ложными обѣщаніями; что онъ увѣщевая ихъ итти противу непріятеля вновь приближающагося къ Риму, обязывается самъ и именемъ Сената, по окончаніи войны сдѣлать имъ полное удовольствіе. „Во „ожиданіи же, говорилъ онъ данною „мнѣ самодержавною властію, учи„няю васъ, ваши земли и имѣнія „свободными; учиняю не дѣйстви-

тель-

„тельными всѣ данные вами обяза-
„тельства, по которымъ до нынѣ
„вы тревожены были. Ступайте и
„помогите намъ зовоевать новыя
„земли у непрїятелей„.

Рѣчь сїя исполнила Народъ надеждою и утѣшенїемъ. Всѣ съ радостїю прибѣгали къ оружїю, и набрано было десять полныхъ Легїоновъ: по три поручено было каждому Консулу, а четырмя остальными предводительствовалъ Диктаторъ. Римляне пошли по разнымъ мѣстамъ на непрїятелей. Диктаторъ побилъ Сабинянъ; Консулъ Ветузїй одержалъ знатную побѣду надъ Волсками, взялъ ихъ станъ и по томъ Велитрїю (*), въ которую онъ вошелъ, рубя и гнавъ побѣжденныхъ; напослѣдокъ Анкъ Виргинїй, вторый Консулъ, разбилъ Эквовъ, и одержалъ побѣду съ малымъ кровопролитїемъ, отъ скораго побѣга слабыхъ непрїятелей. Се-

(*) Велитрїя, городъ Италїи въ Латїи, столица Волсковъ.

Сенатъ боясь, чтобъ воины по возвращенiи не потребовали исполненiя обѣщанiй отъ Диктатора, далъ оному знать и обѣимъ Консуламъ, чтобъ они держали Плебеянъ въ полѣ, не распуская подъ видомъ, что война еще не кончена. Консулы поступили по оному; но Диктаторъ, котораго власть не зависѣла отъ Сената, распустилъ свое войско. Онъ объявилъ своихъ воиновъ разрѣшенными отъ клятвы, которую они при началѣ войны учинили; и болѣ въ доказательство склонности своей къ Народу, онъ выбралъ изъ сей степени четыре ста человѣкъ наиболѣ отличныхъ, и включилъ ихъ въ степень Рыцарей. По томъ вошедъ въ Сенатъ, требовалъ чтобъ оный чрезъ Сенатусъ-Консультъ, по данному его слову, уничтожилъ всѣ долги. Старшiе Сенаторы и добрѣхотнѣйшiе, изключая Аппiя, согласились на оное, но сторона богатыхъ оспорила ихъ мнѣнiе, бывъ

подкрѣпляема молодыми Сенаторами, кои почитали власть Сената уменшенною отъ всего того, что предлагаемо было къ облегченiю Народа. Нашлось много и такихъ, кои зная чрезмѣрное мягкосердечiе Диктаторово, укоряли его, что онъ съ униженiемъ своего достоинства искалъ похвалы отъ подлаго народа. И такъ предложенiе его отвержено съ великимъ крикомъ, и дано было ему чувствовать, что естьли бы онъ не былъ вышшiй надъ законами по своему званiю, то Сенатъ принудилъ бы его дать отвѣтъ въ увольненiи имъ войска, и по тому въ преступленiи воинскихъ законовъ, особливо въ такомъ случаѣ, когда непрiятели Республики, были еще въ вооруженiи.

„Я вижу, отвѣчалъ имъ сей почтенный и старый мужъ, что я „вамъ не угоденъ, за то что люблю Народъ. Пусть благоволятъ „боги, чтобъ всѣ защитники Римскаго

„скаго Народа , кои возведутся въ „послѣдствіи , мнѣ подобились и „были бы столько же умѣренны. Не „ожидайте , чтобъ я обманывалъ „согражданъ , которые вѣря моему „слову, приняли оружіе, и проливая „кровь свою побѣдили вашихъ не„приятелей. Республика почтила „меня званіемъ Диктатора, по при„чинѣ внѣшней войны и внутреннихъ „несогласій. Внѣшній миръ возста„новленъ какъ будто для того , „чтобъ я нашелъ препятствіе въ „сыскании внутренняго. И такъ, ко„гда мое усердіе отечеству безпо„лезно , я лучше хочу сложить съ „себя великое достоинство, и видѣть „терпѣливѣе, ваше посягательство, „въ званіи простаго Гражданина , „нежели въ семъ великомъ званіи , „которое я принялъ къ огорченію„. По сихъ словахъ онъ съ досадою вышелъ изъ Сената , и велѣлъ собраться Народу.

По

По учрежденіи собранія, онъ предсталъ тамъ со всѣми знаками своего достоинства: во перьвыхъ благодарилъ народъ за усердіе, съ которымъ онъ по повелѣнію его принялъ оружіе, и хвалилъ храбрость его и мужество оказанное противу непріятелей республики. „Вы исполнили, говорилъ онъ, должность вашу какъ достойные Граждане. Я „желалъ бы взаимно исполнить данное вамъ слово; но совѣщаніе намъ „противныхъ, уничтожая власть „Диктаторскую, воспрепятствовало „нынѣ дѣйству моихъ искреннихъ намѣреній. Меня явно называютъ непріятелемъ Сената, порочатъ „мой поступокъ, называютъ преступленіемъ то, для чего я вамъ „отдалъ добычу отъ непріятелей, „а особливо для чего я васъ освободилъ отъ военной присяги. Въ силѣ моего возраста, я зналъ бы какимъ образомъ отвѣчать на такія „поношенія, но за семдесятъ лѣтъ

„преста-

„престарѣлаго человѣка безстрашно обижаютъ; и какъ я не въ „состоянїи ни мстить за обиду, ни „васъ праведно удовольствовать, то „охотно слагаю съ себя достоинство, которое вамъ не полезно. „Естьли однако кто ни будь изъ моихъ согражданъ захочетъ еще винить меня въ томъ, что я не „сдержалъ даннаго моего слова, я „отъ искреннаго сердца отдаю ему „остатокъ моей жизни: онъ можетъ „прекратить оную, безъ жалобы отъ „меня и сопротивленїя„.

Народъ выслушалъ сїю рѣчь съ чувствїемъ глубочайшаго почтенїя. Отъ всѣхъ оказана была должная Диктатору честь и справедливость; онъ препровожденъ былъ многочислїемъ Народа до своего дома, съ такими похвалами, какъ бы онъ всѣ ихъ долги уничтожилъ. Но всю свою досаду Народъ обратилъ противу Сената, который толь много разъ его обманывалъ. Тогда не

было болѣе никакой мѣры въ предпріятіяхъ: Плебеяне собираются явно, и самыя жестокія мнѣнія наиболѣе имъ нравятся. Оба Консулы, которые содержали еще войска свои въ присягѣ, выступили въ поле согласясь съ Сенатомъ, и увѣря народъ что будто получено извѣстіе о вооруженіи вновь непріятеля. Народъ проникнувъ ихъ хитрость, вышелъ разъярѣнъ изъ города. Самые отважнѣйшіе предлагали, чтобъ не ходя далѣе заколоть Консуловъ, и тѣмъ вдругъ освободиться отъ присяги, которая ихъ подъ повелѣніями удерживала; но разсудительные и помнящіе страхъ боговъ представили, что не льзя освободиться отъ клятвы чрезъ преступленіе: по чему сіи воины прибѣгли къ другому способу. Они вознамѣрились оставить свое отечество, и завести внѣ Рима новое поселеніе. Немедлѣнно несутъ знамена, перемѣняютъ Начальниковъ; напослѣдокъ по совѣту и предводи-

водительству одного Плебеянина, именемъ Сицинія Белута, они уходятъ и располагаются на одной высотѣ, названной по томъ священною горою, находящейся за три мили отъ Рима, не далеко отъ рѣки Теверона.

Толь общій побѣгъ, который казался быть началомъ междоусобной войны, причинилъ великое безпокойство Сенату. Немедлѣнно поставлена была стража къ воротамъ города, какъ для безопасности онаго, такъ и для удержанія оставшихъ Плебеянъ, когда они захотятъ присоединиться къ бѣжавшимъ. Но упрямѣйшіе мятежники и заводчики, на которыхъ долги были, вырвались не взирая на сію предосторожность. Римъ видѣлъ подъ городомъ ужасное войско, составленное изъ своихъ сограждан, которое могло дать справедливый страхъ, чтобъ они не обратили напослѣдокъ оружія противу оставшихъ въ городѣ.

Патрикїи немедлѣнно построились въ военный порядокъ. Иные послѣдуемы своими Клїентами, и Плебеянами, кои не были сообщниками въ возмущенїи, занимаютъ передовыя мѣста; другїе укрѣпляются при входѣ въ городъ. Старики употребляются къ защищенїю стѣнъ, и всѣ равно показываютъ твердость и мужество.

Сенатъ по сихъ предосторожностяхъ, посылаетъ къ неудовольствованнымъ сказать, что онъ отпускаетъ ихъ виновный побѣгъ, только чтобъ они возвратились въ городъ, или въ поле къ ихъ прежде бывшимъ Начальникамъ. Но сїе рано отправленное посланїе, въ первомъ жару возмущенїя, служило только къ пущей дерзости бѣглыхъ воиновъ. Посланные отправлены были назадъ съ пренебреженїемъ, и не получили другаго отвѣта, какъ только сказано имъ, что Патрикїи скоро узнаютъ, съ какими непрїятелями они имѣютъ дѣло.

Воз-

Возвратъ сихъ посланныхъ умножилъ смятенїе въ городѣ. Консулы, такъ какъ годъ ихъ былъ тогда въ исходѣ, назначили собранїе для выбора другихъ на ихъ мѣста̀. Въ толь мятежныхъ обстоятельствахъ, никто не представился просить сего достоинства; а многїе отъ него отка- 260 или
зались. Напослѣдокъ всѣ обще принудили Постумїя Коминїя и Спурїя Кассїя Виселина, кои оба были прежде Консулами, вступить еще въ то же званїе. Сенатъ выбралъ ихъ по тому, что они оба равно были прїятны Вельможамъ и Плебеянамъ, и что Кассїй особливо съ великимъ искусствомъ угождалъ всегда обоимъ. 261 год.

Перьвыя попеченїя новыхъ Консуловъ были собрать Сенатъ, для разсужденїя о скорѣйшихъ и удобнѣйшихъ средствахъ, къ возстановленїю мира и согласїя между спорящими частьми въ Государствѣ.

Мененїй Агриппа, бывшїй также прежде Консуломъ, и который

славился правотою своего разума, перьвый долженствовалъ сказать свое мнѣнїе. Онъ присуждалъ послать вновь къ неудовольствованнымъ и дать полную мочь посланнымъ, чтобъ кончить сей развратъ по ихъ благоразсужденїю на договорахъ, какїе могутъ быть въ сихъ обстоятельствахъ полезнѣйшими республикѣ. Нѣкоторые Сенаторы мнили, что не прилично было унижать достоинство Сената, посылая вновь къ бунтовщикамъ, кои и перьвыхъ посланныхъ отправили назадъ съ поношенїемъ. Но Мененїй представилъ, что позно было сохранять тщетные обряды; что спасенїе республики и необходимая нужда, которой сами боги уступали, принуждали Сенатъ примириться съ Народомъ; что Римъ ужасный своимъ сосѣдямъ, былъ почти въ осадѣ отъ своихъ собственныхъ гражданъ, и что хотя они не учинили еще никаковой наглости, но по сей самой причинѣ надле-

надлежало предупредить начало междоусобной войны, которая всегда будетъ бѣдственна Государству, какой бы конецъ отъ нея ни послѣдовалъ.

Онъ прибавилъ, что Сабиняне, Волски, Эквы и Герники, всѣ непримиримые непрїятели Риму, уже бы соединились съ противниками, естьлибъ по видимому не находили за лучше, оставить Римлянъ ослабѣть и истребиться своими собственными несогласїями; что не можно было надѣяться великой помощи отъ союзныхъ областей; что Кампанїйскїе и Тосканскїе народы въ дружбѣ сомнительны и всегда подвластны обстоятельствамъ; что Латинцы не болѣ Римлянамъ вѣрны, ревнуя издавна начальству Рима, и всегда жадны къ перемѣнѣ; что Патрикїи обманываются естьли чаютъ быть сильны къ сопротивленїю съ ихъ Клїентами и невольниками, противу толь великаго числа домашнихъ

и внѣшнихъ непріятелей, кои не преминутъ соединить силы, чтобъ истребить ненавистную имъ область.

Маркъ Валерій, о которомъ упомянуто выше и который былъ озлобленъ противу Сената, прибавилъ къ словамъ Мененіевымъ, что надлежитъ всего бояться отъ предпріятія неудовольствованныхъ, кои большею частію покинули уже стараніе о ихъ наслѣдствѣ и пашнѣ, какъ люди оставляющіе ихъ отечество и желающіе поселиться индѣ; что Римъ превращался въ пустыню, и что Сенатъ отъ своей непреклонности изтреблялъ главную силу республики, принудя къ побѣгу толь великое число Гражданъ; что естьли бы напротиву того, приняты были совѣты его, во время Диктаторства, можно было бы уничтоженіемъ долговъ, сохранить тишину и согласіе между разными степенями въ Государствѣ: но что не надлежало ласкать себя, чтобъ народъ столько

ко разъ обманутый тщетными обѣщаніями Сената, удовольствовался по прежнему мнимымъ долговъ уничтоженіемъ; что чаятельно Плебеяне, бывъ настращены отъ жестокихъ съ ними поступокъ, захотятъ иныхъ залоговъ къ сохраненію ихъ правъ и вольности; что большая часть Плебеянъ, какъ должно въ томъ признаться, видѣли себя лишенными ихъ наслѣдства; что нещастныхъ ковали, какъ преступниковъ, и оные справедливо можетъ быть жаловались на то, что Вельможи и Патрикіи, противу перьвоснованнаго въ Государствѣ учрежденія, старались только быть Главными въ правленіи; что поставленіе Диктатора, вымышленное вновь Сенатомъ, учиняло законъ Валеріевъ безполезнымъ, законъ который былъ хранителемъ Народа и подпорою вольности; что сія независимая ни отъ кого власть, порученная одному человѣку, содѣлаетъ когда нибудь тирана отечеству; что та-

ковыя новости и перемѣны, проистекали отъ самолюбивыхъ правилъ Аппія Клавдія и ему подобныхъ, кои о томъ только старались, чтобъ утвердить власть Вельможъ отъятіемъ общей вольности, и чтобъ привесть напослѣдокъ свободныхъ Гражданъ къ подлому состоянію рабовъ и невольниковъ Сената.

Аппій всталъ, когда по порядку долженъ былъ сказывать свое мнѣніе, и обратясь къ Марку Валерію говорилъ: „Естьлибъ ты „удовольствовался просто изъявить „твое разсужденіе, не понося меня „толь несправедливымъ образомъ, „ты бы не подвергъ себя слышать „теперь непріятную истинну. Но „прежде, нежели предъявлю ее въ „семъ собраніи, мнѣ позволено будетъ отвѣчать на клеветы твои. „Скажи мнѣ, Валерій, кто таковы „Римляне, которыхъ я утѣснялъ „въ судѣ, принуждая заплатить мнѣ „долги ихъ? Назови Гражданъ, ко-

„торыхъ

,,торыхъ я держалъ въ оковахъ. По-
,,ди къ горѣ Веїѣ (*) и найди въ
,,толпѣ неудовольствованныхъ
,,хотя одного, который бы жало-
,,вался, что онъ оставилъ городъ,
,,страшась отъ меня истязанія. Всѣмъ
,,извѣстно напротиву того, что я
,,поступалъ съ моими должниками
,,равно, какъ съ моими Кліентами и
,,друзьями, и что я не считая ста-
,,рыхъ долговъ, помогалъ имъ въ
,,нуждахъ безповоротно; и сколько
,,зависѣло отъ меня, Граждане бы-
,,ли всегда вольны. Я не предлагаю
,,однако моего поведенія за правило
,,другимъ, и всегда буду защищать
,,силу законовъ въ пользу тѣхъ, кои
,,захотятъ къ нимъ прибѣгнуть. Я
,,увѣренъ, что въ разсужденіи
,,нѣкоторыхъ должниковъ и тѣхъ
,,людей, кои проводятъ свою жизнь
,,въ праздности и роскоши, есть
,,только справедливо принудить ихъ
къ

(*) Священная гора называлась прежде Веїя.

„къ платежу, колико похвально и „великодушно отпускать долги мир„нымъ и трудолюбивымъ Гражда„намъ, кои по нещастію впали въ „чрезвычайную бѣдность: таковъ „былъ мой поступокъ и таковы са„молюбивыя правила, которыми ме„ня укоряютъ. Но сказано еще, „что я держу сторону Вельможъ, и „что по моимъ совѣтамъ они усили„лись въ правленіи. Сіе преступле„ніе, господа мои, продолжалъ Ап„пій обратясь къ главнымъ въ за„сѣданіи, я обще съ вами раздѣляю. „И какъ вамъ принадлежитъ Прави„тельство, то вы имѣете столь„ко благоразумія, чтобъ не вру„чать его своевольному народу, симъ „дикимъ звѣрямъ, кои покорны „только гласу своихъ льстецовъ, но „коихъ ласкатели содѣлываются „часто тиранами. Сего мы долж„ны опасаться, господа мои, отъ „Марка Валерія, который учинясь „почтеннымъ въ республикѣ по

„званію,

„званїю , которымъ мы его отли-
„чили , употребляетъ нынѣ оное
„къ разрушенїю нашихъ законовъ ,
„къ урону силы нашего правитель-
„ства , и къ отверстїю себѣ пути
„къ тиранству чрезъ подлости. Вы
„слышали его слова и могли при-
„мѣтить , что зная лучше неже-
„ли мы, вредныя намѣренїя против-
„никовъ , онъ приготовлялъ насъ къ
„новымъ ихъ требованїямъ : говоря
„подъ видомъ того, что они будутъ
„требовать залоговъ Народной воль-
„ности , онъ безъ сумнѣнїя хочетъ
„ее отнять у Сената„.

„Но приступимъ къ главной ма-
„терїи , для которой мы нынѣ соб-
„раны. Я повторяю , что основа-
„нїе Государства не можетъ быть
„твердо, когда законы перемѣняют-
„ся ; что нарушенїе особенныхъ
„обязательствъ истребляетъ обще
„взаимную доверенность и сей на-
„чальный союзъ , которымъ соста-
„вились первые на земли общества.
„Не

„Не уже ли вы попустите нынѣ воз-
„мутителямъ, готовымъ обратить
„свое оружїе противу отечества,
„имѣть то, что вы благоразумно
„отказали многажды покорнымъ Гра-
„жданамъ и воинамъ, служившимъ
„подъ вашимъ предводительствомъ?
„Помыслите, что вы не можете
„сдѣлать снисхожденїя въ долгахъ,
„не подавая тѣмъ повода къ новымъ
„требованїямъ. Ибо скоро по томъ
„зачинщики возмущенїя, согласясь
„съ Маркомъ Валерїемъ, захотятъ
„взойти на перьвыя въ Государствѣ
„степени. Да избавятъ насъ боги,
„спасители Рима, отъ того чтобъ
„правленїе впало когда ни будь въ
„руки подлаго народа, чтобъ сла-
„бость ваша была тѣмъ наказана,
„чтобъ на конецъ вы сами изгнаны
„были изъ вашего отечества. Стра-
„щаютъ васъ оружїемъ противни-
„ковъ: но не имѣете ли вы ихъ
„женъ и дѣтей залогомъ? Не уже
„ли нападутъ они нещадно на го-
„родъ,

„родъ, въ которомъ заключены ми-
„лые ихъ остатки? Но полагая,
„что они не болѣе уважаютъ долгъ
„крови, какъ и законы правленія,
„спросимъ, естьли у нихъ полковод-
„цы, припасы и деньги потребныя къ
„продолженію таковаго предпріятія?
„Могутъ ли они жить зимою, ко-
„торая приближается, безъ хлѣба,
„безъ убѣжища и безъ способа отда-
„литься, не впадая въ наши руки?
„Естьли они захотятъ прибѣгнуть
„къ нашимъ сосѣдямъ, не найдутъ
„ли они тамъ, какъ и въ Римѣ,
„правленіе въ рукахъ Вельможъ та-
„мошнихъ? Бунтовщики и бѣглецы
„могутъ ли тамъ ожидать другой
„судьбы, какъ быть нещастными
„невольниками? Можетъ быть вы
„боитесь, чтобъ соединеннымъ во-
„оруженіемъ они не пошли на Римъ,
„какъ будто мы не имѣемъ болѣ на-
„рода къ защищенію, и будто си-
„лы республики состоятъ въ од-
„нихъ только возмутителяхъ. Но
„не

„не имѣете ли вы между Патри-
„кїями молодыхъ и ревностныхъ
„воиновъ, цвѣтущихъ въ мужествѣ?
„Наши Клїенты, кои составляютъ
„здравѣйшую часть республики, не
„равно ли какъ и мы къ ней при-
„вязаны? Вооружимъ такъ же, есть-
„ли надобно, вашихъ невольниковъ,
„учинимъ изъ нихъ новый народъ и
„послушный. Они научились, служа
„намъ и нашими примѣрами, воевать
„безъ робости; и естьли свобода бу-
„детъ цѣною ихъ побѣды, не должно
„ли ожидать отъ нихъ совершенной
„храбрости? Естьли же всѣ сїи спо-
„собы вамъ кажутся еще недоволь-
„ны, призовите вашихъ новопосе-
„ленныхъ. Вы знаете по послѣдней
„переписи народа, что республика
„питаетъ въ своихъ нѣдрахъ сто
„тридцать тысячь семейныхъ го-
„ловъ; но едва найдется ли седь-
„мая часть между неудовольство-
„ванными. Наконецъ, лучше чѣмъ
„принимать законы отъ сихъ про-
тивниковъ

„шивниковъ, можно дать право Рим-
„скихъ Гражданъ Латинянамъ, кои
„васъ о томъ издавна просятъ. Они
„тотчасъ придутъ къ вамъ на по-
„мощь, и вы не будете имѣть не-
„достатка ни въ воинахъ, ни въ
„Гражданахъ. Чтобъ заключить въ
„малыхъ словахъ мое мнѣнїе, я увѣ-
„ряю, что не нужно отправлять
„посланныхъ къ противникамъ, и ни-
„чего такого дѣлать что значитъ
„страхъ и торопливость. Естьли
„они сами войдутъ въ ихъ долж-
„ность, надлежитъ поступить съ ни-
„ми умѣренно; но должно смирить
„ихъ оружїемъ, естьли они упрямы
„будутъ въ противности„.

Толь твердое мнѣнїе подкрѣ-
пило его послѣдователей, имѣвшихъ
въ томъ особые виды, какъ бога-
тыхъ людей, такъ и всѣхъ молодыхъ
Сенаторовъ, напыщенныхъ своимъ
достоинствомъ. Оба Консулы, на-
противу того склонные къ Пле-
беянамъ, желая приобрѣсть любовь
И Народа,

Народа, а съ ними и старые Сенаторы, по естеству робкіе въ древности лѣтъ своихъ, утверждали что междоусобная брань сотворяетъ наивеличайшія нещастія въ Государствахъ Они подкрѣплены были еще нѣкоторыми Сенаторами, кои единственно взирали на цѣлость общей вольности, и боялись мня, чтобъ кто ни будь властолюбивый и смѣлый человѣкъ изъ ихъ общества, пользуясь сими раздѣленіями, не учинился одинъ самовластнымъ въ Правленіи; но едва ихъ слушали при шумѣ и угрозахъ. Молодшіе Сенаторы, гордясь своею породою и преимуществами степени, столь дерзновенны были, что давали знать о Консулахъ, какъ о подозрительныхъ людяхъ. Они доказывали, что Консулы представляя въ себѣ Царскую особу, имѣли подобную тому власть, и по крайней мѣрѣ должны защищать власть Сенаторскую, противу народныхъ

возму-

возмущенїй ; иные съ крикомъ заявляли , что естьли оная хотя мало претерпитъ, то они будутъ сохранять оружїемъ, въ своей степени власть, какъ получили ее отъ предковъ.

Консулы , желатели народной пользы , поговоря между собою тайно, за благо разсудили дать утихнуть разумамъ , и отложить рѣшенїе сего великаго дѣла до будущаго собранїя. А прежде нежели разстались , для воздержанїя молодыхъ Сенаторовъ впредь отъ дерзкихъ словъ , объявили имъ , что естьли они не будутъ хранить умѣренности въ толь почтенномъ засѣданїи , то должно будетъ необходимо изключить ихъ изъ онаго , чрезъ предписанїе возраста , какой долженъ имѣть Сенаторъ. Какъ о томъ не было еще надлежащаго положенїя, то молодые Сенаторы, любя свои Сенаторскїя достоинства болѣ нежели мнѣнїя , и боясь ли-

шиться оныхъ, стали быть тише и покорны Консуламъ. Сіи Начальники нашли такъ же способъ умягчить и прочихъ Сенаторовъ, суровыхъ къ Народу въ разсужденіи долговъ: они имъ сказали, что разныя мнѣнія не могли быть долѣ терпимы въ Собраніи; и естьли Сенаторы между собою не согласятся, то они предложатъ сіе дѣло Народу, который имѣетъ право рѣшить оное, и по естественному правосудію, и по примѣру, какъ бывало при самомъ правленіи Царей.

Сенаторы, кои наиболѣе утверждали мнѣніе Аппіево, увидѣли изъ Консульскихъ оборотовъ по сему дѣлу, что власть ихъ пострадетъ, естьли они не отстанутъ отъ своего перьваго мнѣнія: и такъ страхъ, чтобъ не впасть въ руки Народа, заставилъ ихъ перемѣнить оное. Прибавимъ къ тому вопль и слезы женъ съ дѣтьми объемлющихъ ихъ ноги и просящихъ о возвращеніи

нїи отцовъ ихъ и мужей: они одни могли преклонить ихъ къ милосердїю. Въ послѣдовавшемъ собранїи большая часть Сенаторовъ уже желали соединенїя. Но Аппїй, всегда непоколебимъ въ своихъ мысляхъ и неудобенъ перемѣнять оныя, остался почти одинъ въ своемъ мнѣнїи, съ нѣкоторыми только его родственниками, кои для соблюденїя благопристойности не хотѣли его въ томъ оставить.

Консулы торжествовали, принудя Сенатъ почти противу воли своей слѣдовать ихъ мнѣнїю. Аппїй же по предувѣренїю, что всякой договоръ съ бунтовщиками долженствуетъ уменьшить власть Сената, говорилъ къ Консуламъ: „Хотя вы намѣрились мириться съ Народомъ на договорахъ, какїе онъ захочетъ вамъ „предписывать, и хотя бывшїе противнаго тому мнѣнїя, перемѣнили „оное по слабости или по корысти: „я представляю еще однажды, что

„колико есть справедливо помогать „въ бѣдности послушному и вѣрному „Народу, толико всякой договоръ „опасенъ съ бунтовщиками, когда „они имѣютъ въ рукахъ оружїе„.

Но какъ уже Сенатъ утвердился по своему мнѣнїю, то рѣчь сїя выслушана была безъ вниманїя, и какъ отъ человѣка хотя въ самомъ дѣлѣ ревностнаго къ славѣ Сената, однако чрезмѣрно надѣющагося на свою способность, и упрямаго въ своемъ мнѣнїи единственно отъ тщеславїя и своенравїя.

Сенатъ не останавливаяся надъ симъ, назначилъ десять особъ изъ своего общества для переговора съ неудовольствованными, и нарочно тѣхъ, кои всегда были стороны Народа Титъ Ларцїй, Менениій Агриппа и Маркъ Валерїй были Главными въ семъ посланїи: всѣ трое прежде были Консулами, двое же изъ нихъ правили республикою и повелѣвали войсками въ чинѣ Диктаторскомъ. Они отправились

правились съ своими товарищами къ стану противниковъ. Слухъ о томъ разнесся тамъ еще прежде ихъ пришествія. Воины встрѣтили толпою сихъ древнихъ Полководцевъ, подъ предводительствомъ которыхъ они много разъ были побѣдители. Стыдъ и гнѣвъ являлись смѣшенны на лицахъ сихъ возмутителей; и при общемъ ихъ неудовольствіи видѣнъ былъ остатокъ древняго почтенія, къ особамъ Повелителей, которые привлекали оное наипаче своими достоинствами.

Единое присудствіе сихъ великихъ людей могло бы привести преслушниковъ къ ихъ должности, есть-ли бы опаснѣйшіе разумы не старались раздувать искры разврата.

Сициній Беллутъ, какъ уже сказано, приобрѣлъ всю повѣренность отъ Народа. Сей властолюбивый Плебеянинъ, искусный предводитель раздоровъ, искалъ своего щастья въ возмущеніяхъ Государства. Онъ вспо-

моществуемъ былъ въ своихъ видахъ другимъ Плебеяниномъ, подобнаго свойства, но болѣ искуснымъ, который назывался Луцїй Юнїй, какъ и освободитель Рима, хотя онъ далеко не былъ сей породы; онъ также наименовалъ себя Брутомъ, имѣя дерзкое тщеславїе подобиться сему Славному Патрикїю. Совѣтъ его съ Сицинїемъ былъ таковъ, чтобъ сперьва не допускать посланныхъ до переговоровъ, а представить имъ новыя трудности къ *соединенїю и миру*, дабы проникнуть, какїя выгоды двое они отъ того получить могутъ, и на какихъ договорахъ предложенїе можетъ быть принято. „Сенатъ боится, говорилъ Луцїй: мы теперь „господствуемъ, естьли только умѣ„емъ возпользоваться случаемъ. „Оставь меня говорить съ сими ва„жными Посланниками: я берусь отъ„вѣчать имъ отъ имени нашихъ со„участниковъ, и ласкаю себя, что „отвѣты мои будутъ имъ равно „приятны и полезны„.

Ко-

Когда оба Плебеянскіе Началь-ники согласились, какъ должно было имъ поступать и говорить, Сициній ввелъ Посланниковъ въ ставку. Все войско ихъ окружило; они сѣли по мѣстамъ, откуда можно было всѣмъ ихъ слышать: сказано имъ по томъ, чтобъ они предложили за чѣмъ были присланы. Маркъ Валерій на-чалъ говорить, что онъ имъ при-несъ щастливую вѣдомость: что Се-натъ хочетъ забыть ихъ просту-покъ, и сверьхъ того поручилъ ему обнадежить ихъ всѣми мило-стями, кои могутъ быть согла-сны съ общимъ благомъ отечества; что ни что имъ не препятствуетъ возвратиться въ городъ, увидѣть ихъ домашнихъ боговъ и наслаждать-ся въ объятіяхъ ихъ женъ и дѣтей, кои неутѣшно ждутъ ихъ возвра-щенія.

Сициній отвѣтствовалъ ему, что прежде нежели Народъ къ тому согласится, справедливо было, чтобъ

 сей

сей Народъ представилъ съ своей стороны неудовольствїя и требованїя, и узналъ бы точно, чего онъ долженъ ожидать отъ толь щедрыхъ обѣщанїй Сената. Тогда Сицинїй вызывалъ изъ своихъ воиновъ тѣхъ, кои желаютъ говорить въ защищенїе общей вольности. Но всѣ стояли въ глубокомъ молчанїи, взирая другъ на друга. Воины, не имѣя дара въ краснорѣчїи, не смѣли обще за всѣхъ надлежащимъ словомъ отвѣтствовать. По краткомъ молчанїи, сей Плебеянинъ, который взялъ себѣ имя Брутово, всталъ, какъ онъ тайно уговорился въ томъ съ Сицинїемъ, и обратясь къ воинамъ говорилъ: „Я вижу, товарищи мои, по „вашему задумчивому молчанїю, что „еще обладаетъ вами сей рабскїй „страхъ, въ которомъ Патрикїи и „ваши заимодавцы васъ долго содержали. Каждый ищетъ въ глазахъ „другаго болѣ смѣлости, нежели въ „себѣ чувствуетъ, и никто не имѣ-

„етъ

„ети великодушія говорить явно о „томъ, что слышится обыкновенно „но въ вашихъ особенныхъ разговорахъ. Не знаете ли вы, что вы „вольны? Сей станъ, сіи оружіи не „обнадеживаютъ ли васъ, что вы „не имѣете болѣ тирановъ? и естьлибъ вы могли еще въ томъ сомнѣ„ваться, теперешній боязливый по„ступокъ Сената не довольно ли „служитъ къ вашему убѣжденію? „Толь властительные и высокіе лю„ди ищутъ нашего союза. Они не „употребляютъ болѣ ни строгихъ „повелѣній, ни жестокихъ угрозъ, а „призываютъ насъ какъ своихъ со„гражданъ возвратиться въ наше об„щее отечество; и наши Властона„чальники, умилостивились пришедъ „даже въ нашъ Станъ, предложить „намъ о забвеніи всего бывшаго. Для „чего же вы молчите послѣ толь „отличныхъ знаковъ милости? Есть„ли вы сомнѣваетесь о искренности „ихъ обѣщаній, естьли вы думаете,

„что

„что подъ льстивыми словами они „кроютъ ваши прежнія оковы, для „чего же не изъясняетесь? А когда „вы не смѣете ничего сказать, то „выслушайте по крайней мѣрѣ Римлянина, который подастъ вамъ примѣръ, не боясь ничего говорить „истинну.„

Тогда обратясь къ Валерію, онъ „продолжалъ: вы призываете насъ „въ Римъ, но не сказываете съ какими договорами. Скудные Плебеяне, однако вольные, могутъ ли соединиться съ толь богатыми и „властолюбивыми Вельможами? А „когда бы мы и согласились въ томъ „на договорахъ, то какой залогъ своего слова дадутъ сіи гордые Патрикіи, которые ставятъ въ достоинство своему обществу Народъ обманывать? Вы ласкаете насъ прощеніемъ проступка и забвеніемъ всего бывшаго, какъ будто бы мы „были ваши подданные и преслушники. Разсмотримъ основаніе онаго;

„то

„то есть, разсмотримъ кто виноватъ, Народъ или Сенатъ; кто „перьвый изъ сихъ двухъ нарушилъ „общественное сожитіе, какое должно быть между Гражданами одной Республики„.

„Чтобъ судить о томъ безпристрасно, удовольствуйтесь простымъ только отъ меня пересказаніемъ нѣкоторыхъ бытностей, „въ которыхъ я не представляю другихъ свидѣтелей, какъ васъ самихъ „и вашихъ сотоварищей„.

„Наша область основана была „Царями, и никогда Народъ не былъ „болѣ воленъ, ни болѣ щастливъ, „какъ подъ ихъ правленіемъ. Самый „Тарквиній, послѣдній изъ царствовавшихъ Государей, Тарквиній ненавистный Сенату и вельможамъ, „намъ столько благопріятствовалъ, „сколько вамъ сопротивился. Онъ любилъ воиновъ, уважалъ храбрость, „и желалъ чтобъ она всегда была „награждаема. Вы знаете, что когда

„да онъ нашелъ несчетныя богат-
„ства въ Свессѣ, городѣ Волсковъ
„завладѣвъ онымъ, то оставилъ
„всю добычу своему войску, не поль-
„зуясь самъ ею; такъ что сверьхъ
„невольниковъ, лошадей, хлѣба и
„разныхъ вещей, каждому воину до-
„сталось пять минъ (*) серебра„.

„Мы однако, мстя за вашу соб-
„ственную обиду, выгнали сего Го-
„сударя; приняли оружїе противу
„владѣтеля, который защищался
„одними своими прозьбами, чтобъ мы
„отстали отъ вашей невѣрности и
„предались въ его охраненїе. Мы пору-
„били на части войска его и Веїевъ,
„которые хотѣли возвести его па-
„ки на престолъ. Но сїе ли одно
„мы сдѣлали? Ужасная сила Порсе-
„ны, голодъ претерпѣнный во время
„долгой осады, приступы, непре-
„станныя сраженїя, или что ни
„будь могло ли поколебить нашу къ
„вамъ вѣрность? Когда тритцать го-
„родовъ

(*) Мина учиняетъ фунтъ вѣсомъ.

„родовъ Латинскихъ соединились для „возстановленія Тарквиніевъ, скажи„те, чтобы вы тогда были, естьли„либъ мы васъ оставили и соеди„нились съ вашими непріятелями? „Какихъ бы наградженій не полу„чили мы отъ Тарквинія, между „тѣмъ какъ Сенатъ и Вельможи „были бы жертвою его мщенія? Кто „разбилъ сію страшную силу? Ко„му вы должны побѣдою Латинянъ? „Не самому ли сему Народу, твор„цу вашей власти, которую вы „по томъ противу его обратили? „Ибо какое наградженіе приобрѣли „мы за толь спасительную помощь „нашего оружія? Состояніе Римска„го Народа учинено ли тѣмъ ща„стливѣе? Приобщилиль вы его къ „вашимъ чинамъ и отличностямъ? „Несчастные Граждане нашлиль хо„тя малое облехченіе въ своей бѣд„ности? Сколько видѣли мы напро„тиву того храбрѣйшихъ воиновъ, „подъ игомъ лихоимства, стеня-

„щихъ

„щихъ въ оковахъ немилосердыхъ
„заимодавцевъ? На какой конецъ бы-
„ло столько пщетныхъ обѣщанiй,
„когда вы сулили уничтожить по
„окончанiи войны всѣ долги, въ ко-
„торые жестокостью Вельможъ они
„были ввержены? Едва тишина бы-
„ла возставлена, вы позабывали и
„наши услуги и ваши клятвы. Почто
„же вы пришли сюда? Хотители еще
„обманывать Народъ ласкательствомъ
„словъ вашихъ, и сыщутся ли клят-
„вы столько священныя, которыя
„были бы вами ненарушены? Ка-
„кую пользу получите вы напослѣ-
„докъ, въ недолгомъ соединенiи, при-
„обрѣтенномъ хитростью, и во все-
„гдашнемъ разрывѣ живущихъ со вза-
„имною недовѣренностiю, которая
„рано или позно должна кончиться
„междоусобною войною? Избавимъ
„себя съ обоихъ сторонъ, отъ толь
„великихъ нещастiй; возпользуемся
„спокойствомъ нашего раздѣленiя.
„Оставьте насъ удалиться изъ земли,
„гдѣ

„гдѣ насъ оковываютъ какъ неволь-
„никовъ, гдѣ мы откупая наше соб-
„ственное наслѣдство, принуждены
„работать въ прибыль нашихъ ти-
„рановъ. Мы сыщемъ свое отече-
„ство, вездѣ гдѣ намъ позволено бу-
„детъ жить вольными; и имѣя ору-
„жїе въ рукахъ, мы знаемъ найти
„путь къ болѣе щастливымъ кли-
„матамъ„.

Толико дерзновенная рѣчь возоб-
новила въ людяхъ жестокое воспо-
минанїе бывшихъ нещастїй. Всѣ
приносили жалобы, и каждый пред-
являлъ примѣры немилосердїя Па-
трикїевъ. Иные жаловались, что
лишились ихъ имѣнїя; другїе что со-
держались долгое время въ тюрьмахъ
отъ своихъ заимодавцевъ; многїе
показывали еще видные знаки отъ
батоговъ, которыми они были му-
чены; словомъ, не было ни одного,
кто бы сверьхъ общественной оби-
ды, не находилъ еще особой причи-
ны къ жалобѣ.

Тит Ларцій, главный из посланных, имѣл должность отвѣтствовать на сіи жалобы, и говорил с совершенным безпристрастіем и правотою, кои были ему свойственны: что естьли люди давали свое имѣніе в займы, вѣря что оно им возвращено будет, то не льзя было запретить им требовать должнаго платежа; что ни в каком благоустроенном Государствѣ не найдется примѣра, чтоб Правители отказывали помощь законов просящим оной, по колику сіи законы и добрый обычай учреждают порядок в правительствѣ; что однако Сенат благоволил войти в подробность народных недостатков, и исправить оные новым учрежденіем; но что при том справедливо было отличить тѣх, кои благоразумным поведеніем заслуживали помощь республики, от нѣкоторых людей вошедших в бѣдность единственно от лѣности и невоз-

невоздержанія; что возмутители, старающіеся только о умноженіи разврата между Сенатомъ и Народомъ, не заслуживали такъ же милости, и что Республика къ истинной своей пользѣ не жалѣетъ потерять таковыхъ гражданъ.

Титъ Ларцій еще бы продолжалъ рѣчь свою, болѣ искренную нежели пристойную въ тогдашнемъ обстоятельствѣ, естьлибъ Брутъ тронутый словомъ о возмутителяхъ, не перебилъ съ досадою онаго, говоря къ Народу: „Вы видите, товари„щи мои, изъ гордой рѣчи сего Па„трикія, чего вы должны ожидать „отъ его переговоровъ, и какое удо„вольствіе готовится вамъ въ Ри„мѣ, естьли только однажды вы бу„дете въ волѣ Сената„. По томъ вдругъ обратясь къ посланнымъ: „Или предлагайте, сказалъ имъ, „прямые договоры для нашего воз„вращенія, или выступите сей часъ

„изъ нашего Стана, гдѣ вы не мо-
„жете быть терпимы долѣе„.

Мененій видя, что таковыя изъясненія служили только ко взаимному озлобленію, предпринялъ говорить. Онъ простиралъ рѣчь къ Народу, что они пришли въ станъ не для того только, чтобъ оправдать поступокъ Сената, но увѣрить ихъ, что благоразумные Правители, попечительные объ общемъ благосостояніи, прилѣжно изыскивали нещастныя причины ихъ раздѣленія; что они нашли сущій тому источникъ, въ чрезвычайной бѣдности Плебеянъ и въ суровости ихъ законодавцевъ, и что для исправленія того единожды, они опредѣлили общимъ согласіемъ и врученною имъ Самодержавною властію, уничтожить всѣ обязательства, объявляя бѣдныхъ гражданъ отъ всѣхъ долговъ свободными; что для будущихъ долговъ выданъ будетъ новый уставъ, какъ о томъ Народъ съ Сенатомъ согласно разсудятъ;

дятЪ; что сіе утверждено будетЪ по томЪ, чрезЪ СенатусЪ-КонсультЪ, и будетЪ имѣть силу законовЪ; что всѣ они посланные предЪ НародомЪ, вручали ему свой животЪ, и предавали себя и дѣтей своихЪ адскимЪ богамЪ, естьли отступятЪ отЪ своего слова.

Сей искусный НачальникЪ, видя что недовольные укрощались обѣщаніями, и стараясь уменьшить ревность между бѣдными и богатыми, представилЪ имЪ, сколь нужно для Государства, чтобЪ одна часть ГражданЪ была болѣе богата, нежели другая. ПишутЪ такЪ же, что для вразумленія сего правила грубому Народу, онЪ представилЪ вЪ примѣрЪ извѣстную басню, о вознегодовавшихЪ нѣкогда членахЪ человѣческаго тѣла противу желудка, кои всѣ не хотѣли работать для его удовольствія, и что отЪ того послѣдовало. СимЪ прилогомЪ кЪ Народу и Сенату, онЪ доказывалЪ, что сіе

 досто-

достопочтенное общество, подобно какъ желудокъ разливаетъ во всѣ соединенные къ нему члены, туже пищу, которую получаетъ, но лучше приуготовленную, и что отъ него единаго укрѣпляются ихъ жизнь и силы. Не Патрикіи ли, продолжалъ онъ, перьвые были къ установленію вольности? Кому вы должны учрежденіемъ республики? Въ самыхъ величайшихъ бѣдствіяхъ къ кому вы обращались? Отъ кого вы получали великодушные и спасительные *Государству* совѣты? Сему благоразумному обществу всего драгоцѣннѣе было сохраненіе ваше и союзъ. Сенатъ васъ любитъ съ разсудительною отеческою склонностію, но не унизитъ себя предъ вами льстивымъ и невѣрнымъ притворствомъ. Вы требуете уничтоженія долговъ: онъ на то соизволяетъ; но соизволяетъ только для того, что находитъ сіе справедливымъ и нужнымъ ко благу оте-

„чества.

„чества. Возвратитесь надежны въ „нѣдра сей общей матери, которая „всѣхъ насъ воспитала съ великоду„шными и свободными чувствами. „Возпріимите наши объятія пер„вымъ плодомъ мира; войдемъ всѣ „вмѣстѣ въ Римъ; принесемъ туда „согласно первую вѣдомость нашего „соединенія; пусть благоволятъ бо„ги содѣлать его славнымъ въ по„слѣдствіи, чрезъ множество побѣдъ „надъ нашими непріятелями„.

Народъ не могъ не проливая слезъ слышать толь убѣдительныя увѣщанія. Всѣ сіи Плебеяне, какъ будто согласясь, вдругъ вскричали къ Мененію, что они довольны, и чтобъ онъ велъ ихъ обратно въ Римъ. Но сей ложный Брутъ, который съ ожесточеніемъ говорилъ противу Сената, остановилъ народное стремленіе рѣчью: что хотя въ самомъ дѣлѣ они должны быть довольны уничтоженіемъ долговъ, для настоящаго времени, но что не скры-

 ваетъ

ваетъ онъ, справедливаго своего опасенія, чтобъ Сенатъ не отомстилъ когда ни будь, за сдѣланное принужденно отъ себя правосудіе. развѣ, продолжалъ онъ, будутъ найдены средства ко всегдашнему охраненію Государства и народной вольности, противу предпріятій толь властолюбиваго общества.

„Какихъ другихъ средствъ можете вы требовать, спрашивалъ Мененій, кромѣ самыхъ вѣрныхъ, которыя даны вамъ *нашими законами и состояніемъ* республики? Поставте надъ нами, отвѣчалъ ему Брутъ, Начальниковъ, которые бы выбирались изъ самаго нашего общества Плебеянскаго. Мы не просимъ, чтобъ они отличены были почтенными знаками Правителей, ни одежды для нихъ съ красными по краямъ обшивками (*), ни кре-

„селъ

(*) Верьхняя одежда Консульская обшита была по краямъ краснымъ заворотомъ.

„селЪ Курульскихъ (*), ни Ликто-
„ровъ; всю сїю пышность оставля-
„емъ Патрикїямъ гордящимся своею
„породою и своими степенями. Мы
„довольны будемъ, естьли можемъ
„избирать ежегодно нѣсколько Пле-
„беянъ, которымъ бы позволено бы-
„ло отвращать чинимыя Народу не-
„правосудїя и защищать какъ об-
„щую, такъ каждаго особливо поль-
„зу. Естьли вы пришли сюда съ
„чистосердечнымъ желанїемъ мира,
„то вы не можете отринуть толь
„справедливаго предложенїя„.

Народъ, который соглашается всегда съ послѣднимъ мнѣнїемъ, похвалилъ тотчасъ рѣчь Брутову. Посланные чрезвычайно удивились таковому требованїю. Они отдалились немного отъ Собранїя, для разсуж-

(*) Курульскїя кресла бывали изъ слоновой кости, и на нихъ сажались въ Римѣ Едилы или Главные Строители, Ценсоры и Жрецы. Они ставились также на колесницу для вѣзда въ Трїумфъ.

денія о томЪ между собою. Возвратясь же Мененій говорилЪ: что они требовали необыкновенной вещи, которая также можетЪ быть послѣ источникомЪ новыхЪ несогласій, и для которой они не имѣли ни наставленія, ни власти; что однако МаркЪ Валерій сЪ нѣкоторыми изЪ посланныхЪ, пойдутЪ доложить о томЪ Сенату и не замедлятЪ принести имЪ вѣдомость.

Сіи Посланные прибыли сЪ поспѣшностію вЪ РимЪ. ТотчасЪ собранЪ былЪ СенатЪ, которому они представили новыя требованія Народа. МаркЪ Валерій обЪявилЪ себя покровителемЪ онаго: онЪ предлагалЪ, что не льзя было надѣяться, такЪ владѣть храбрымЪ НародомЪ, гдѣ являлся ВоинЪ и ГражданинЪ вмѣстѣ, какЪ можно было бы управлять мирными мѣщанами, кои никогда не выходили изЪ своего города; что война и безпрестанное употребленіе оружія вселили вЪ нихЪ смѣлость не

соот-

соотвѣтствующую рабской зависимости, какая отъ сихъ гордыхъ Воиновъ была требована; что по самой справедливости надлежало оказывать всякое снисхожденіе великодушному Народу, который своею кровію свергъ съ себя иго тиранства; что его мнѣніе было дать имъ особыхъ Начальниковъ по ихъ прозьбѣ, и что можетъ быть таковые Надзиратели не будутъ безполезны въ вольномъ Государствѣ, для воздержанія Вельможъ, кои захотятъ разпространять власть свою неограниченно.

Аппій не могъ слышать сихъ словъ безъ гнѣва и ужаса. Онъ клялся богами и человѣками въ непремѣнномъ послѣдованіи лютыхъ бѣдъ, кои республика возчувствуетъ отъ вводимыхъ въ Правленіе новостей; и такъ какъ бы ревность его и гнѣвъ служили ему нѣкимъ вдохновеніемъ, онъ предсказывалъ Сенату, что онъ чрезмѣрнымъ своимъ послабленіемъ

попу-

попустишъ возставить Трибуналъ, который нечувствительнымъ образомъ усилится противу его власти и наконецъ разрушитъ оную. Но сей защитникъ Сената былъ мало слушанъ; представленія его приняты безъ важности, какъ отъ человѣка упорнаго въ своихъ мнѣніяхъ и досадующаго видя небреженіе словъ своихъ. Противная ему сторона превозмогла; большая часть Сенаторовъ утомлены несогласіями желали мира, чего бы то ни стоило; и такъ почти всѣ въ едино слово согласились учредить сихъ новыхъ Начальниковъ, кои названы были *Народными Трибунами*.

Въ слѣдствіе того учиненъ былъ Сенатусъ-Консультъ, въ которомъ заключалось такъ же и уничтоженіе долговъ. Посланники Сената отнесли его въ станъ, какъ въ запечатлѣніе учиненнаго мира. Казалось все было кончено, чтобъ Народъ не оставался болѣ внѣ Рима;

но

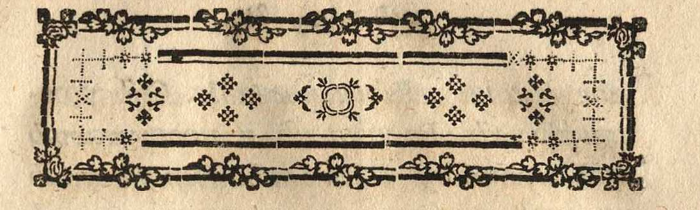
но предводители бунта не дали разойтись людямЪ прежде нежели увЂрились вЪ избранiи, самымЪ дЂломЪ, новыхЪ НародныхЪ НачальниковЪ. Собранiе было учинено вЪ самомЪ стану. При началЂ производились Авспицiи, по томЪ голоса собраны по ЦентурiямЪ; и первыми Народными Трибунами избраны были, какЪ пишетЪ Деонисiй Галикарнасскiй, Луцiй Юнiй БрутЪ и Цецилiй Сицинiй БуллутЪ, предводители возмущенiя; а сiи прiобщили тогда же себЂ вЪ товарищи Цецилiя, и Постумiя Лицинiя, и Спурiя Ицилiя Ругу. ТитЪ Ливiй сказываетЪ, что Цецилiй Лицинiй и Луцинiй АлбинЪ были первые Трибуны, и избрали вЪ помощь кЪ себЂ трехЪ другихЪ, между которыми считался Сицинiй БеллутЪ. Сей же историкЪ даетЪ знать, что находятся писатели, по которымЪ вЪ началЂ только двое избраны были вЪ семЪ собранiи.

КакЪ

Какъ бы то ни было, сїи перьвые Трибуны и предводители бунта, предупреждая наказанїе отъ Сената, нашли способъ соединить къ сбереженїю ихъ все общество Народа, который по совѣту ихъ, прежде такъ же нежели оставилъ станъ, объявилъ особы Трибуновъ Священными, и сдѣлалъ законъ запрещающїй подъ лишенїемъ живота, касаться силою къ особѣ Трибуна. Всѣ Римляне принуждены были утвердить наиторжественнѣйшею клятвою соблюденїе сего закона. По томъ на самой же горѣ, Народъ принесъ жертву богамъ; и оная названа съ того времени Священною горою, а откуда все войско слѣдовало обратно въ Римъ, въ предшествїи своихъ Трибуновъ и Посланниковъ Сената.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВОЙ КНИГИ.

КНИГА



КНИГА II.

Народные Трибуны, учрежденные для защищенія утѣсняемыхъ Плебеянъ, стараются истребить власть Сената. Начало Плебеянскихъ Едиловъ. Какимъ образомъ Трибуны получили право сзывать Собранія. Коріоланъ востаетъ крѣпко противу предпріятій Трибуновъ. Свойство сего Патрикія. Трибуны хотятъ принудить его отвѣтствовать въ дѣлахъ своихъ, предъ народнымъ Собраніемъ. Коріоланъ отрицаетъ власть сего Трибунала. Сенатъ сперьва вступается за Коріолана; но по томъ его оставляетъ и дѣлаетъ опредѣленіе, по которому судъ о немъ переносится къ Народному собранію. Коріоланъ осуждается

дается на вѣчное изгнанїе. Онъ уходитъ къ Волскамъ и вооружаетъ ихъ противу Римлянъ. Приходитъ на ихъ землю со многочисленнымъ войскомъ. Римляне не могутъ противостоять оному и городъ былъ въ опасности; но освобожденъ отъ видимой погибели благоразумїемъ и осторожностїю двухъ Римлянокъ, жены и матери Корїолановыхъ.

* * *

Римъ учрежденїемъ Трибунства перемѣнилъ въ другой разъ образъ правленїя. Сказано уже было, что Монархическое его состоянїе учинилось нѣкоторымъ родомъ Аристократїи (*), по которой вся власть была въ рукахъ Сената и Вельможъ. Но заведѣнїемъ Трибуновъ, не чувствительно, и мало по малу возстав-

(*) Аристократїя, есть политическїй образъ правленїя, въ которомъ вышшая власть принадлежитъ числу знатнѣйшихъ особъ породою, богатствомъ, разумѣя къ тому и достоинствами. Венецїанское правленїе можетъ назваться Аристократическимъ.

ставлена нѣкоторая Демократїя (*), по которой Народъ подъ разными видами присвоилъ себѣ лучшую часть правленїя.

Въ началѣ, казалось, Сенатъ не могъ ничего опасаться отъ Трибуновъ, коихъ сила простиралась только, что они потребны были къ защищенїю Плебеянъ. Сїи новые Правители не имѣли въ началѣ ни достоинства Сенаторовъ, ни особеннаго Трибунала, ни расправы надъ ихъ согражданами, ни власти сзывать Народныя собранїя; въ простомъ одѣянїи провожаемы простымъ городскимъ служителемъ, который назывался *Вїаторъ*, они сидѣли на прилавкѣ передъ Сенатомъ, и не впускались туда, какъ развѣ когда Консулы призывали ихъ для требованїя отъ нихъ мнѣнїя, о какомъ

К либо

(*) Демократїя есть образъ Правленїя, въ которомъ власть принадлежитъ Народу не терпя никаковой особой власти.

либо дѣлѣ касающемся до Народа. Вся ихъ власть состояла въ томъ, что они могли спорить Сенатскимъ определенїямъ, когда находили ихъ противными Народной вольности, подписывая внизу определенїя *Вето*, Латинское слово, которое значитъ: *Я въ томъ препятствую*; и сїя власть заключалась только въ стѣнахъ Рима, а по большой мѣрѣ за милю въ окружности. Не позволено было Трибунамъ отлучаться на цѣлый день изъ Города, развѣ для Ферїй Латинскихъ (*), дабы Народъ имѣлъ всегда покровителей въ городѣ готовыхъ къ его защищенїю. Для сей же причины, ворота домовъ ихъ долженствовали быть отворены денно и нощно для приходящихъ Гражданъ съ жалобами, и просящихъ

ихъ

(*) Ферїи Латинскїя назывались праздники въ Римѣ, кои два или три дни продолжались: перьвая, другая и третья Ферїя, то есть перьвый, другїй и третїй день, составляли одинъ праздникъ съ попразднествами.

ихъ покровительства. Таковые Начальники, казалось, учреждены были единственно для защиты утѣсненныхъ; но они не долго были въ семъ умѣренномъ положенiи. Властолюбивые ихъ виды простерлись напослѣдокъ до самой высоты и величества. Мы скоро ихъ увидимъ въ равенствѣ съ перьвыми Начальниками Республики, такъ какъ подъ видомъ сохраненiя Народной вольности, ихъ предмѣтъ былъ разрушить нечувствительно власть Сената.

Между перьвыми требованiями Трибуновъ представлено было, чтобъ Сенатъ позволилъ имъ выбрать въ помощники двухъ Плебеянъ подъ именемъ *Едилопъ*, для облегченiя ихъ во множествѣ дѣлъ, которыми, они сказывали, отягчены были въ толь пространномъ городѣ, и особливо при началѣ новой должности.

Сенатъ, во всегдашнемъ раздѣленiи потерявъ точную цѣль своего

намѣренія, исполнилъ вновь волю требующихъ. Таково было начало Плебеянскихъ Едиловъ, подчиненныхъ исполнителей перьвыхъ Трибуновъ, и которымъ въ послѣдствіи поручено смотрѣніе городскихъ строеній, храмовъ, бань, водяныхъ каналовъ и вѣдомство другихъ многихъ дѣлъ, кои прежде подлежали Консуламъ. Трибуны причинили тѣмъ новой ущербъ Сенатской власти.

Наиболѣ склонные къ Народу Сенаторы, уступая часть своихъ правъ, ласкались возстановить по крайней мѣрѣ тишину въ республикѣ. Въ самомъ дѣлѣ Римъ, по видимому наслаждался покоемъ, и казалось, что примиреніе Народа съ Патрикіями было искренно и долговременно. Но искра, раздоровъ таящаяся въ сердцахъ, скоро воспламѣнѣла. Голодъ воспослѣдовавшій въ текущемъ по томъ году, въ Консульство Туллія Гeганія и Публія Минуція, подалъ способъ Трибунамъ

261 годъ Рим.

намъ взволноваться вновь противу Вельможъ и Сената. Въ семъ году Спурій Ицилій былъ перьвый Трибунъ. Брутъ же и Сициній, дабы имѣть всегда участіе въ дѣлахъ, послѣ Трибунства вступили въ должность Едиловъ. Сіи возмутители усиливаясь всегда несогласіемъ, которое они производили между двумя обществами республиканъ, умышленно разглашали, что Патрикіи, наполня ихъ закромы хлѣбомъ, нарочно причинили общій въ немъ недостатокъ, дабы дорогою его продажею поворотить упущенные Народу долги; что то былъ новый родъ лихвы, вымышленный сими Тиранами, для притяжанія отъ бѣдныхъ Плебеянъ остаточныхъ земель.

Между тѣмъ Плебеяне вѣдали, что самъ Народъ былъ причиною сего голода; ибо во время его побѣга на Священную гору, вознамѣрясь поселиться индѣ, неудовольствованные упустили дни посѣва и оставили

вили земли безплодными. Но сіи предводители раздоровъ искали только причинъ къ возмущенію, зная, что самыя легкія могли привести къ неудовольствію Народъ безъ хлѣба; и охуждали правленіе для того, чтобъ сдѣлаться въ немъ самимъ господами, или по крайней мѣрѣ, чтобъ перемѣнить его въ свою пользу.

Сенатъ опровергалъ сіи подлоги всегдашнимъ великодушнымъ стараніемъ, къ удовольствованію Народныхъ надобностей. Онъ повелѣлъ закупать хлѣбъ отвсюду; а по тому, что сосѣди Римлянъ, завидуя ихъ распространенію, отказывали снабдѣвать ихъ онымъ, надлежало посылать искать хлѣба даже въ Сицилію. Публій Валерій, сынъ славнаго Публиколы и Луцій Геганій братъ Консульскій, отправлены были для сей купли.

Но какъ Трибуны не переставали охуждать поступокъ Сената, и озлоблять противу его народъ, то

Консулы созвали народное Собранїе, дабы вывести Плебеянъ изъ заблужденїя, показавъ несправедливость и лукавство ихъ Трибуновъ, особливо при старанїяхъ, кои Сенатъ употребляетъ для общаго пропитанїя. Трибуны начали спорить, что имъ надлежало говорить перьвымъ; и какъ при семъ споре говорили народу тѣ и другїе, то никого не льзя было выслушать. Вотще представлено Трибунамъ, что они не имѣли никаковой власти вступать въ переговоры прямо съ Народомъ; что ихъ должность состояла только въ противорѣчїи Сенату, когда бы и въ самомъ дѣлѣ оный учинилъ какое либо предложенїе противное Народной пользѣ: Трибуны отсылали Консуловъ къ Сенатскому присудствїю, какъ единственному мѣсту, гдѣ они могутъ начальствовать; Консулы однако твердо спорили, что имъ принадлежало, преимущественно передъ другими начальниками, говорить въ народномъ Собранїи. Сїи

Сїи взаимныя требованїя усугубили смятенїе. Спор҇ нечувствительно умножался, и самые вспыльчивые с҇ обоих҇ сторон҇ едва не начали драки, когда Брут҇, бывшїй в҇ сем҇ году Едилом҇, как҇ сказано выше, находя чрез҇ сїе замѣшательство случай разпространить власть Трибунов҇, предложил҇ Консулам҇, что он҇ обѣщает҇ усмирить смятенїе, естьли позволено ему будет҇ говорить народно.

Консулы, почитая требуемое от҇ Плебеянина позволенїе, в҇ присудствїи своих҇ Трибунов҇, новым҇ доказательством҇ права, которое они имѣли начальствовать при всяком҇ Собранїи Римскаго народа, позволили ему свободно сказать свое мнѣнїе. Они не сумнѣвались, что под҇ именем҇ Народнаго Собранїя разумѣлись Сенаторы и Рыцари равно как҇ Плебеяне; и так҇ чаяли что он҇ уговорит҇ Трибунов҇ отстать от҇ их҇ требованїя. Но Брут҇ имѣл҇ не то намѣ-

намѣренїе: вмѣсто того, чтобъ говорить къ Народу или Трибунамъ, онъ обратился къ Консулу Геганїю, который былъ изъ числа посыланныхъ отъ Сената на Священную гору. „Помнишь ли ты, говорилъ онъ „ему, что когда мы старались вмѣ„стѣ о примиренїи обоихъ частей „Республики, ни одинъ Патрикїй не „перебивалъ говорить тѣмъ, кои „представляли въ народную пользу? „Помнишь ли, что оное особливо „было уставлено для того, чтобъ „каждая сторона могла предлагать „свои мнѣнїя съ надлежащимъ поряд„комъ и тишиною? Помню, отвѣ„чалъ Геганїй. Для чего же, про„должалъ Брутъ, перебиваете вы „нынѣ рѣчь нашихъ Трибуновъ, ко„торыхъ особа Священна и почтена „народнымъ Начальствомъ? Мы, пе„ребиваемъ оную справедливымъ об„разомъ, сказалъ Геганїй, по тому „что созвавъ мы сами Собранїе по „силѣ нашего званїя, должны гово-

„рить за чѣмъ оное созвано. Къ тому Консулъ прибавилъ; безъ размышленія въ словахъ и не предвидя слѣдствія оныхъ: „Что естьли бы „Трибуны созвали Собраніе, то я „не толькобъ не перебивалъ ихъ, но „ниже пришелъ бы ихъ слушать; „хотя въ званіи простаго Гражда„нина Римскаго, имѣю право при„судствовать при всѣхъ Народныхъ „Собраніяхъ„.

Брутъ какъ скоро услышалъ сіи послѣднія слова, то вскричалъ въ безмѣрной радости: „Плебеяне! вы „торжествуете. Трибуны, уступи„те мѣсто Консуламъ: пусть они „говорятъ нынѣ, сколько имъ угод„но; завтре же вы можете явить „достоинство и власть вашего зва„нія. Сдѣлайте только, чтобъ по „вашему призыву завтре Народъ со„брался сюда рано. Естьли я упо„треблю во зло его и вашу ко мнѣ „довѣренность, то я готовъ загла„дить сію дерзость лишеніемъ жи„вота моего„.

Для возпослѣдовавшей ночи между сими спорами, должно было распустить Собранїе. Народъ разошелся въ нетерпѣливости видѣть на завтре дѣйство Брутовыхъ обѣщанїй. Патрикїи возвратились также къ себѣ, презрѣвъ рѣчь простаго мѣщанина, немогущаго, по ихъ мнѣнїю, распространить власть Трибунскую болѣ, какъ оная состояла: то есть, что они могутъ только просто противурѣчить Сенату, по силѣ того какъ положено на Священной горѣ.

Но Брутъ поступилъ съ большимъ искусствомъ, нежели Сенатъ отъ него чаялъ. Онъ тою же ночью учинилъ совѣтъ съ Ицилїемъ и другими Трибунами, и сообщилъ имъ о своемъ намѣренїи. „Нужно только „для успѣха, говорилъ онъ имъ, „дать разумѣть Народу, что Трибунство было бы ему безполезно, „естьлибъ Трибуны не имѣли власти сзывать Собранїя, гдѣ они

„дол-

„должны представлять Народу въ „его пользу. Народъ никогда не откажетъ учредить законъ могущій „быть къ его выгодамъ; дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ „предварить утромъ Сенатъ и Патрикіевъ, кои конечно тому воз„противятся. Для сего надлежитъ „собраться какъ можно ранѣ и за„хватить всѣ мѣста, кои окружа„ютъ витійственный Трибунъ (*). Трибуны похваля его мысли, разослали по городу къ Главнымъ Плебеянамъ повѣстки, чтобъ они собрались на разсвѣтѣ сколько можно въ большемъ числѣ. Они и сами явились тамъ до восхожденія солнца, и по совѣту Брутову заняли тотчасъ Вулкановъ храмъ, гдѣ обыкновенно становились долженствовавшіе говорить

(*) Трибуномъ такъ же называлась Каѳедра, или возвышенное мѣсто, на которое всходили тѣ, кои должны были въ Римѣ витійствовать передъ Народомъ.

рить къ народу. Скоро площадь наполнилась безчисленною толпою людей. Ицилій началъ рѣчь; а дабы возобновить въ Плебеянахъ неудовольствіе и злобу, онъ началъ напоминовеніемъ, сколько претерпѣлъ Народъ отъ скупости и безчеловѣчія Вельможъ до возстановленія Трибунства. Онъ представилъ по томъ, что утѣсненіе бѣдныхъ никогда бы не кончилось, естьлибъ не сыскались тогда двое смѣлыхъ Гражданъ, кои возпротивились тиранству Вельможъ; что по уничтоженіи долговъ, Патрикіи хотятъ поморить Народъ голодомъ, дабы тѣмъ привести его вновь къ раболѣпству, и хотятъ запретить Трибунамъ говорить въ Собраніяхъ, боясь чтобъ Народъ не узналъ чрезъ нихъ истинную свою пользу; что такое видимое тиранство дѣлало Трибунство безполезнымъ, и что надлежитъ или уничтожить сіе начальство самимъ народомъ, или новымъ закономъ уполномочить

Трибуновъ сзывать Собранія, для предложенія Народу, всего что можетъ утверждать его право; но чтобъ тогда запрещено было подъ строгостью перебивать рѣчи Трибуновъ и тревожить ихъ въ отправленіи должности.

Рѣчь сія принята была по обыкновенію съ засвидѣтельствованіемъ удовольствія. Народъ тогда кричалъ, чтобъ онъ самъ предложилъ законъ. Оный уже былъ изготовленъ ночью, въ страхѣ что естьли не будетъ обнародованъ до будущаго Собранія, то Сенатъ и Патрикіи не возпрепятствовали бы сему намѣренію. И такъ онъ прочелъ въ слухъ законъ слѣдующаго содержанія: ни„кто да не дерзаетъ перебивать „рѣчь Трибуна, который будетъ „говорить въ Собраніи Римскаго На„рода; а естьли кто нарушитъ „сей законъ, то долженъ безвыход„но дать порукъ въ платежѣ сум„мы, какую взыскать съ него за

„вину

„вину опредѣлено будетъ; въ слу-
„чаѣ же его въ томъ сопротивленія,
„осужденъ будетъ къ смерти и имѣ-
„ніе его да опишется въ общую
„казну„.

Народъ одобрилъ сей законъ. Консулы думали оный опровергнуть, говоря, что такой законъ учиненъ хитрымъ принужденіемъ, въ тайномъ собраніи, безъ Авспицій и безъ надлежащаго созыва; но Трибуны смѣло объявили, что они равно не будутъ почитать Сенатусъ-Консультъ, естьли Сенатъ не захочетъ уважать ихъ Плебиситовъ. Сіе произвело многіе споры и взаимныя укоренія, между коими дѣло не могло быть кончено. На послѣдокъ Сенатъ, какъ добрый отецъ, уступилъ упрямству Плебеянъ, которыхъ онъ всегда хранилъ какъ дѣтей своихъ. Законъ былъ принятъ общимъ обоихъ сторонъ согласіемъ. Народъ довольствуясь приумноженною властію своихъ Трибуновъ, сносилъ съ терпѣніемъ недо-

недостатокъ хлѣба, и въ бѣдности своей сохранялъ еще нѣсколько правосудія, дабы почитать великихъ мужей, сопротивившихся ему съ толикою смѣлостію и твердостію.

Городъ былъ спокоенъ нѣсколько времени; но изобиліе произвело слѣдствія болѣ опасныя, нежели могли быть отъ голода. Когда суда наполненныя хлѣбомъ въ Римъ прибыли, то Трибуны нашли новый случай къ разпространенію ихъ силы, и случай къ возмущенію.

Публій Валерій и Луцій Геганій, которыхъ Сенатъ отправилъ въ Сицилію, какъ о томъ было упомянуто, возвратились оттуда съ великимъ числомъ кораблей хлѣба, въ
262 годъ Рим. Консульство Марка Минуція и Анка Семпронія. Гелонъ, Сицилійскій Тираннъ, отпустилъ большую долю хлѣба безденежно. Посланные же отъ Сената, прикупили еще къ тому знатную часть на общія деньги.

Надле-

Надлежало тогда установить цѣну въ продажѣ; для того Трибуны призваны были въ Сенатъ дать на то ихъ мнѣніе. Сенаторы, кои желали видѣть Народъ во всегдашнемъ союзѣ съ Сенатомъ, предлагали, чтобъ раздать даромъ бѣднымъ Гражданамъ хлѣбъ, полученный отъ щедрости Гелона; купленный же на общія деньги, продавать низкою цѣною. Но когда должно было Коріолану сказывать свое мнѣніе, то сей Сенаторъ, ненавидѣвшій Трибуновъ, спорилъ, что такое снисхожденіе отъ Сената къ народнымъ нуждамъ поощритъ болѣ ихъ продерзости; что народъ не инако надлежитъ приводить къ должности, какъ содержа его во всегдашнемъ недостаткѣ; что на конецъ время уже было отмстить за нарушенное величество Сената, симъ возмутителямъ, которыхъ начальники новымъ преслушаніемъ получили достоинства, какъ будто въ

награ-

награжденіе за самовольство. Симъ образомъ изъяснялся Коріоланъ въ присутствіи Трибуновъ.

Но прежде нежели я войду въ послѣдствіе сего дѣла, за необходимо нахожу сдѣлать особое описаніе о весьма отличившемся человѣкѣ въ семъ мѣстѣ Исторіи: о Коріоланѣ, который имѣлъ болѣ славы нежели щастія.

Кайй Марцій Коріоланъ произходилъ отъ славнаго рода Римскихъ Патрикіевъ. Онъ наименованъ Коріоланомъ съ того времени, какъ взялъ храброю силою Коріоланъ, одинъ изъ главныхъ городовъ у Волсковъ. Въ дѣтствѣ еще онъ лишился своего отца, но Ветурія мать воспитала его съ великимъ попеченіемъ. Ветурія хранила въ жизни строгую добродѣтель, и употребила всѣ способы, чтобъ равно поселить ее въ сынѣ.

Коріоланъ былъ благоразуменъ, воздерженъ, безкорыстенъ, правдивъ

и

и строго наблюдалЪ законы. СЪ сими мирными добродѣтелями соединялась вЪ немЪ превосходная храбрость, и особливая способность кЪ войнѣ. Казалось, что онЪ былЪ рожденЪ предводительствовать войскомЪ, но былЪ жестокЪ, самовластенЪ сЪ подчиненными, строгЪ столько кЪ другимЪ, какЪ и кЪ самому себѣ, великодушный другЪ, но непримиримый непрїятель и чрезмѣрно гордый республиканинЪ. БывЪ чрезмѣрно наполненЪ правотою своихЪ мыслей, онЪ достигалЪ ко благу безЪ гибкости и ласки нужной вЪ такомЪ Государствѣ, котораго основанїемЪ были равенство и умѣренность. ВЪ прошедшемЪ году, когда онЪ просилЪ Консульства, большая часть СенаторовЪ, бывЪ увѣрены, что онЪ вЪ семЪ достоинствѣ покажетЪ знатныя услуги республикѣ, домогались ему исходатайствовать оное; но старанїя ВельможЪ, во мнѣнїи Народа, были до-

воль-

вольною причиною, чтобъ не удостоевать его на степень Консульства. Трибуны зная чрезмѣрную предпріимчивость и твердость Коріоланову, внушили Плебеянамъ, что желаніе Сената имѣть таковаго Консула, ясно открываетъ отдаленныя предпріятія противу вольности Народа; по чему Народъ не одобрилъ его въ Консулы; а сіе воспрепятствованіе было весьма чувствительно Коріолану, и поселило въ его разумѣ жестокое мщеніе, которое онъ изъявилъ въ семъ послѣдовавшемъ случаѣ. „Естьли Народъ „желаетъ, говорилъ онъ въ полномъ „собраніи, пользоваться нашею ще„дростію, естьли требуетъ, чтобъ „хлѣбъ продаваемъ былъ низкою цѣ„ною; то пусть возвратитъ Сена„ту древнія его правы, и уничто„житъ всѣ установленія, бывшія по „послѣднемъ его бунтѣ. Для чего „должны мы видѣть на площади „предводительствующихъ Народъ

„На-

„Начальниковъ, противу уставовъ „нашихъ предковъ, и видѣть внутри одного города подобно какъ „двѣ различныя Республики? Должны ли мы терпѣть, чтобъ Сициній или Брутъ царствовали сомовластно въ Римѣ, когда мы не могли терпѣть прежде самихъ Царей „и ихъ отрѣшили? Принуждены ли „мы трепетать передъ Трибунами, „кои получили свою силу отъ нашей собственной слабости? Перестанемъ сносить толь недостойное „насъ униженіе, и возвратимъ Консуламъ сію законную власть, которую они должны имѣть надъ „всѣмъ Римомъ. Естьли Сициній „тѣмъ не доволенъ, пусть идетъ „отсюда съ своими сообщниками, „ободряющими его дерзость и тиранство; пусть удалится опять „на Священную гору, куда свободный путь ему отворенъ. Намъ надобны только мирные и послушные подданные; но лучше и тѣхъ

„лишиться, нежели раздѣлять съ „подлымъ народомъ правленїе и дол„жности Государственныя„.

Старшїе Сенаторы, особливо тѣ, кои старались о соединенїи, находили болѣ высокомѣрїя, нежели благоразумїя въ толь ожесточительной рѣчи. Молодые же напротиву того, не мысля о слѣдствїяхъ, возносили Корїолана похвалами, и кричали что онъ одинъ показывалъ смѣлость прямаго Римлянина. Каждый раскаявался, называя неизвиняемою своею слабостїю, что согласился прежде къ установленїю Трибунства; по чему разсуждаемо было его отставить, и большая часть голосовъ клонились къ возстановленїю Республическаго правленїя на прежнемъ основанїи.

Трибуны, которыхъ Консулы допустили въ Сенатъ, какъ выше упомянуто, видя сей заговоръ противу ихъ общества, вышли оттуда въ неутолимой ярости. Они призывали

зывали боговъ, мстителей невѣрности и свидѣтелей всенародной клятвы, съ которою Сенатъ утвердилъ возстановленіе Трибунства. Тотчасъ собрали они Народъ съ великою тревогою, и кричали съ верьху Трибуна, что Патрикіи сговорились погубить Плебеянъ съ женами и дѣтьми, естьли они не выдадутъ Трибуновъ скованныхъ въ руки Коріолану; что сей дѣлался новымъ тираномъ въ республикѣ, и желалъ или смерти ихъ, или рабства.

Народъ свирѣпѣетъ отъ сей вѣдомости, производитъ великій шумъ со гнѣвомъ и угрозами. Римъ едва успокоившись видитъ начинающееся возмущеніе опаснѣе прежняго. Народъ не о томъ помышляетъ, чтобъ уходить на Священную гору, но испытавъ уже свои силы, мнитъ не уступать Римской области Патрикіямъ, среди самаго Рима. Слышно было, чтобъ не останавливаясь итти вытащить Коріолана изъ Сена-

та на жертву общей ненависти. Но Трибуны ища вѣрнѣйшей погибели онаго, подъ видомъ сохраненія правосудія, послали объявить ему, чтобъ онъ предсталъ предъ Народнымъ Собраніемъ дать отвѣтъ въ своемъ поступкѣ. Видъ ихъ былъ, что естьли онъ повинуется ихъ призыву, то имѣть въ волѣ жизнь своего непріятеля; естьли же не признаетъ ихъ власти, то представить его болѣ ненавистнымъ Народу.

Гордый и дерзостный Коріоланъ поворотилъ присланнаго съ презрѣніемъ, какъ Трибуны то предвидѣли. Сіи тогда велѣли слѣдовать за собою самымъ наглымъ изъ Плебеянъ, и ждали Коріолана при выходѣ изъ Сената, дабы взять его силою. Онъ встрѣтился имъ, по обыкновенію окруженъ толпою своихъ Кліентовъ, и великимъ числомъ молодыхъ Сенаторовъ ему преданныхъ, кои ставили себѣ въ честь

послѣдовать его мнѣнїю въ Сенатѣ, и его примѣрамъ въ войнѣ. Трибуны при сей встрѣчѣ велѣли Бруту и Ицилїю, отправлявшимъ въ томъ году должность Едиловъ, вести Корїолана въ тюрьму. Но трудно было исполнить такое повелѣнїе: предпрїятїе было столь отважно, какъ чрезвычайно. Корїоланъ съ своими обороняется, отталкиваетъ Едиловъ ручнымъ боемъ; ибо въ то время не носили на себѣ оружїя въ городѣ, а употребляли его только выходя противу непрїятеля. Трибуны раздраженные симъ сопротивленїемъ призываютъ Народъ на помощь. Патрикїи съ своей стороны прибѣгаютъ защищать почтеннѣйшихъ особъ ихъ сообщества. Смятенїе умножается и слышатся поносительныя слова и укоры. Трибуны жалуются, что особенный Гражданинъ отваживается нарушать Священное властительство. Сенаторы съ своей стороны спрашива-

 ютъ

ютЪ ихЪ, какою властїю смѣютЪ они брать Сенатора и Патрикїя вышшей степени надЪ ними, и не уже ли они хотятЪ быть Трибунами Сената по Трибунству народному? Между симЪ споромЪ приходятЪ Консулы, отдаляютЪ толпу, и властїю и прозьбами уговариваютЪ ПлебеянЪ разойтись по домамЪ своимЪ.

Но Трибуны тѣмЪ неудовольствовались, и на завтре учредили Собранїе. Консулы и СенатЪ видя народЪ, *идущїй сЪ свѣтомЪ вдругЪ* на площадь, сошлись немедлѣнно туда сами, дабы предупредить злыя намѣренїя сихЪ мятежныхЪ Начальниковъ, и возпрепятствовать управляемому ими народу поступить на какое либо наглое дѣло, противу достоинства Сената и спасенїя Корїоланова. Присудствїе ихЪ не помѣшало ТрибунамЪ ожесточиться вЪ словахЪ, по ихЪ обыкновенїю, противу всего общества Патрикїевъ. Обратя напослѣдокЪ всю вину

на

на Коріолана, они переговорили отъ слова до слова слышанную отъ него въ Сенатѣ рѣчь и мнѣніе о раздачѣ хлѣба.

Новымъ же преступленіемъ почтено ему было то, что онъ имѣлъ великое число друзей, привязанныхъ къ нему по его добродѣтели, коихъ Трибуны называли спутниками тирана. „По его повелѣнію, говорили „они къ Народу, Едилы ваши были „безчестно растолканы; онъ старался „ся завести тѣмъ драку, и естьли „бы мы не были его умѣреннѣе, то „можетъ быть Граждане ваши въ „междоусобной войнѣ истребили бы „другъ друга„. Обвиняя Коріолана такимъ образомъ, дабы привести его болѣ въ ненависть, они вызывали, что естьли кто изъ Патриціевъ хочетъ его защищать, то взошелъ бы на Трибунѣ говорить къ Собранію.

Предсталъ туда Минуцій, перьвый Консулъ, и изъясня жалобу во

обще

обще и съ великою умѣренностїю на тѣхъ, кои для самыхъ малѣйшихъ причинъ старались производить новыя смятенїя въ республикѣ, доказывалъ народу, что не Сенатъ и Патрикїи виновны были въ недостаткѣ хлѣба, но что, какъ извѣстно всѣмъ, нещастїе оное послѣдовало отъ побѣга Плебеянъ и виною тѣхъ, кои въ предслѣдующемъ году оставили ихъ поля непахаными; что онъ также можетъ опровергнуть и другїя клеветы, противу ихъ общества, какъ то, что будто Сенатъ намѣренъ уничтожить Трибунство и поморить народъ голодомъ; что для несумнительнаго ихъ увѣренїя въ несправедливости толь бездѣльныхъ оклеветанїй, онъ имъ объявляетъ вновь Сенатское подтвержденїе Трибунскаго достоинства со всѣми правами, какїя были на Священной горѣ прибавлены къ оному; что въ раздачѣ хлѣба, онъ даетъ волю народу собою уста-

вить такую цѣну, какую онъ положить за благо разсудитъ.

Консулъ по таковомъ предисловіи, какое нужно было къ утишенію разумовъ и приобрѣтенію народной благосклонности, прибавилъ кротко ихъ укоряя, что не похвально было стремленіе, съ которымъ они слѣдовали перьвому слуху, разглашенному подговорщиками; что къ великому его удивленію они ставятъ въ преступленіе Сенату разныя предлагаемыя мнѣнія, и еще прежде нежели что ни будь по онымъ уставлено. „Помните ли вы, „говорилъ онъ имъ: что во время „вашего пребыванія на Священной „горѣ, желанія ваши и прозьбы со„стояли только въ уничтоженіи „долговъ. Вы не удовольствовались „толь великою милостію отъ Се„ната, надѣясь на его къ вамъ сни„схожденіе: вы требовали двухъ На„чальниковъ изъ вашего общества, „которыхъ власть по вашему соб-

„ствен-

„ственному исканію , долженство-
„вала состоять только въ томъ ,
„чтобъ они могли защищать Пле-
„беянъ , въ случаѣ когда кто изъ
„нихъ утѣсненъ будетъ Патрикія-
„ми. Вамъ и то не было отказано,
„дабы исполнить всѣ ваши желанія.
„Во время самаго вашего жестокаго
„возмущенія, вы не смѣли требовать
„чтобъ власть Сената была убав-
„лена , и чтобъ перемѣненъ былъ
„образъ нашего правленія. По какому
„же праву ваши Трибуны нынѣ вмѣ-
„шиваются въ наши совѣты и ихъ оху-
„ждаютъ? Когда бывало, чтобъ Се-
„наторы были осуждаемы, сказывая
„свободно ихъ мнѣніе въ Сенатѣ? Ка-
„кой законъ даетъ вамъ волю опредѣ-
„лять съ жестокостію его смерть или
„изгнаніе? Но положимъ , что по ка-
„кому либо неслыханному испровер-
„женію всякаго порядка , цѣлое об-
„щество Сената подлежало бы суду
„вашихъ Трибуновъ; положимъ также,
„когда вы хотите , что Коріоланъ,
„сказы-

„сказывая свое мнѣніе , говорилъ
„противу васъ съ нѣкоторою жесто-
„костью : при всемъ томъ, не дол-
„жно ли справедливо забыть нѣсколь-
„ко пустыхъ словъ , выговоренныхъ
„безъ всякаго дѣйствія, за дѣйстви-
„тельныя его услуги , отъ кото-
„рыхъ вы сами получили всю поль-
„зу? Сохраните жизнь славнаго Граж-
„данина , сохраните отечеству ве-
„ликаго Полководца ; и естьли вы
„не хотите щадить его какъ не-
„виннаго , то по крайней мѣрѣ от-
„дайте его какъ преступника Сена-
„ту , который васъ о томъ моимъ
„языкомъ проситъ. Сіе будетъ уз-
„ломъ нашего соединенія , и дастъ
„Сенату новую обязанность продол-
„жать вамъ свои благодѣянія. На-
„противу того упрямо желая погу-
„бить сего Сенатора, можетъ быть
„чрезъ сопротивленіе въ томъ отъ
„Патрикіевъ , вы найдете неудо-
„вольствія , которыя заставятъ
„васъ разкаеваться въ неумѣренномъ
„вашемъ мщеніи„.

рѣчь

Рѣчь сія возчувствована была въ народѣ, и склонила разумы къ миру и соединенію. Сициній отчаявался въ успѣхѣ своихъ намѣреній, но скрывая оныя хвалилъ Минуція и всѣхъ Сенаторовъ за снисхожденіе, что они оправдали передъ Народомъ свой поступокъ, и не погордились употребить ихъ прозьбы и исканія для спасенія Коріолана. Обратясь по томъ къ сему Сенатору: „А ты „славный Гражданинъ, говорилъ онъ „ему подсмѣятельнымъ голосомъ, „утвердишь ли нынѣ передъ Плебе„янами свои полезныя мнѣнія для „Республики, которые толь смѣло „ты предлагалъ въ Сенатѣ? Но луч„ше для чего не прибѣгаешь къ ми„лосердію Римскаго Народа? Видно „Коріоланъ чаетъ унизить свою смѣ„лость, естьли будетъ просить про„щенія у тѣхъ, коихъ онъ желалъ „погибели„.

Хитрый Трибунъ говоря ему такимъ образомъ былъ увѣренъ, что

Коріоланъ по свойственной ему непоколебимости и упрямству въ своихъ мнѣніяхъ, озлобитъ вновь Народъ гордыми своими отвѣтами. Онъ не обманулся въ своемъ чаяніи; ибо Коріоланъ не только не признавалъ себя виноватымъ и не старался о примиреніи, какъ искалъ Минуцій; но напротиву того уничтожилъ дѣйствіе словъ сего Консула, невременною своею твердостію и жестокостію своихъ выраженій. Онъ вооружился еще болѣе прежняго противу предпріятій Трибуна, и объявилъ, что Народъ не имѣлъ никаковой законной власти судить Сенатора; но естьли кто не доволенъ сказаннымъ въ Сенатѣ отъ него мнѣніемъ, тотъ бы звалъ его передъ Консуловъ и Сенаторовъ, которыхъ онъ признавалъ своими единственными судьями, и передъ которыми онъ былъ готовъ въ дѣлахъ своихъ отвѣтствовать.

Молодые Сенаторы, любя его непоколебимость, и быв довольны что нашелся между ими человѣкъ, который дерзалъ говорить въ слухъ то, что всѣ они мыслили, вскричали, что представленія Коріолановы прямо согласны съ законами. Но Народъ видя себя отъ него презираема, вознамѣрился дать ему возчувствовать свою силу. Тотъ же часъ Коріоланъ былъ судимъ какъ преслушникъ, и какъ гражданинъ который не признаетъ власти Римскаго Народа. Сициній поговоря тайно съ своими товарищами, и не потребовавъ голосовъ отъ собранія, приговорилъ его къ смерти: то есть свергнуть съ верьху каменной горы Тарпеянской, такъ какъ казнь сія опредѣляема была врагамъ отечества.

Едилы обыкновенные исполнители всѣхъ насильствъ Трибунскихъ, подступили было взять Коріолана; но Сенатъ, и всѣ сколько находилось Патрикіевъ въ собраніи, прибѣжали спа-

спасать его. Они поставили его въ срединѣ, и взявъ вмѣсто оружїя все, что въ досадѣ и злобѣ ни попалось имъ въ руки, намѣревались одолѣвать силу силою.

Народъ, который боится всегда, когда его не боятся, отказалъ помогать Едиламъ и остановился какъ будто въ изумленїи: или отъ того что не смѣлъ подняться противъ цѣлой кучи людей, кои всѣ были его Начальники и Полководцы, или отъ того, что находилъ свирѣпость Трибуновъ безмѣрною, въ осужденїи гражданина къ смерти за одни только рѣчи. Сицинїй, не желая чтобъ Корїоланъ отъ рукъ его избавился, подозвалъ Брута своего совѣтника, который былъ столько же хитръ но менѣ вспыльчивъ, и котораго виды были болѣ пространны; подозвавъ его, Сицинїй спрашивалъ тайно у него мнѣнїя, при сей Народной нерѣшимости, которая останавливала всѣ его намѣренїя.

 Брутъ

Брутъ ему говорилъ, что не можно было ласкать себя Коріолановою погибелью, пока онъ будетъ окруженъ Вельможами его охраняющими; что въ собраніи такъ же нѣкоторые негодуютъ за то, что Сициній хотѣлъ быть вмѣстѣ и судья и истецъ; что Народъ, который въ одну минуту отъ самаго яраго гнѣва переходитъ къ жалости, находитъ чрезвычайную жестокость въ опредѣленіи смертной казни; что по видимому расположенію разумовъ, не льзя было силою дѣйствовать, но надлежало, подъ видомъ наблюденія должнаго по законамъ порядка, прежде истребовать отъ Сената, чтобъ Коріоланъ былъ судимъ Народнымъ собраніемъ, и особливо надлежало испросить, чего бы то ни стоило, чтобъ собраніе учреждено было по Трибамъ, гдѣ Вельможи и богатые смѣшены съ бѣдными; что естьли голоса, вмѣсто того, собираемы будутъ по Центуріямъ,

туріямЪ, то опасно было, чтобЪ богатые граждане, составляя собою большее число Центурій, не спасли Коріолана.

Сициній предпріявЪ слѣдовать сему мнѣнію, далЪ знакЪ Народу, что онЪ хочетЪ говорить; и когда оный готовЪ былЪ ко вниманію: „Вы видите Римляне, говорилЪ онЪ имЪ, „что Патрикіи были бы одни причиною нынѣ пролитія многой крови, и что они готовы начать междоусобную войну, спасая отЪ правосудія, явнаго непріятеля Римскаго Народа. Но мы имЪ подадимЪ „лучшіе примѣры, и такЪ какЪ они „не употребимЪ невоздержнаго стремленія. Хотя преступникЪ довольно изобличенЪ своимЪ собственнымЪ „признаніемЪ, мы еще дадимЪ ему „нѣсколько времени приготовиться „кЪ извиненію. Мы назначаемЪ тебѣ срокЪ, говорилЪ онЪ Коріолану, „явиться кЪ суду передЪ НародомЪ, „чрезЪ двагцать семь дней отЪ

 „нынѣ

„нынѣ. Что надлежитъ до раздачи „хлѣба, естьли Сенатъ не приметъ „о томъ должнаго старанія, то „Трибуны сами сдѣлаютъ учреж„деніе„. По сихъ словахъ онъ распустилъ Собраніе.

Сенатъ тѣмъ временемъ, чтобъ удобрить Народъ, уставилъ продажу хлѣба еще болѣ низкою цѣною, нежели оная была до смятенія. Консулы совѣтовали съ Трибунами о Коріоланѣ, въ намѣреніи, какъ можно, укротить и принудить сихъ Народныхъ Начальниковъ согласоваться съ древними обычаями Правленія. Минуцій представлялъ имъ, что съ самаго основанія Рима, всегда Сенату отдавалась сія часть, что никакое дѣло не отсылалось на судъ къ Народу инако какъ чрезъ Сенатусъ Консультъ; что сами Цари подобнымъ образомъ сохраняли сіе почтенное общество въ уваженіи; но естьли они имѣли важные доносы противу Коріолана, то чтобъ пред-

предложили о томъ Сенату, который окажетъ свое въ томъ Правосудіе, и который по существу преступленія и по точному изобличенію, отошлетъ его чрезъ Сенатусъ-Консультъ на судъ къ Плебеянамъ; и тогда только Народъ будетъ имѣть право осуждать Гражданина.

Сициній противился сему предложенію съ обыкновенною своею наглостію, объявляя что онъ никогда не будетъ терпѣть, чтобъ о власти Римскаго Народа рѣшилъ Сенатусъ-Консультъ; однако товарищи Сициніевы, которые столько же были злоумышленны, но болѣ искусны въ произведеніи своихъ намѣреній, усматривали что Сициній будетъ ненавистенъ самимъ Плебеянамъ, естьли станетъ такъ явно отдаляться отъ обыкновенныхъ обрядовъ Правосудія; для того принудили его, чтобъ онъ болѣ тому не противорѣчилъ, подъ видомъ уваженія совѣтовъ Консульскихъ. Сіе наружное

ное уваженіе тѣмъ менѣ имъ стоило, что они твердо вознамѣрились, въ случаѣ когда Сенатусъ-Консультъ не будетъ имъ полезенъ, прибѣгнуть къ закону *Валерїепу*, для пересуда о томъ въ Народномъ Собранїи. И такъ сїе дѣло не могло минуть ихъ Трибунала; только оставалось знать что прежде или послѣ, они судить будутъ.

Трибуны не спорили въ томъ, чтобъ Сенатъ слѣдуя обычаю рѣшилъ сперьва, *долженъ ли Народъ* войти въ судъ Корїолана, и просили чтобъ они могли быть выслушаны въ Сенатѣ по доносамъ, кои они имѣютъ предложить противу обвиняемаго.

Когда же Консулы и Трибуны согласны были въ предслѣдующемъ обрядѣ, то на другой день сїи Народные Начальники введены были въ Сенатъ. Децїй младшїй изъ Трибуновъ началъ рѣчь; честь сїя оставлена была ему для его краснорѣчїя

и

и свободности, съ которою онъ изъясняся народно. Такое качество необходимо нужно во всякомъ Народномъ Правленіи, паче же потребно было въ Римѣ, гдѣ дарованіе языка не менѣ способствовало къ щастію, какъ смѣлость и храбрость. Сей Трибунъ обратился къ Сенату и говорилъ: „Вы знаете Совмѣстные „Отцы (*), что по изгнаніи Царей „нашею помощію, уставленъ въ Ре„спубликѣ образъ Правленія, проти„ву котораго мы не жалуемся. Но „вы знаете также, что бѣдные „Плебеяне во всѣхъ тяжбахъ, кои они „имѣли въ послѣдствіи съ Вельможа„ми и Патрикіями, были всегда по „суду обвиняемы, по тому что ихъ „истцы и отвѣтчики были ихъ судьи, „и что всѣ Трибуналы наполнены

 „были

(*) Въ Римѣ давалось Сенаторамъ почтенное названіе, Совмѣстные Отцы, *Patres Conscripti*; точнѣе же совписанные отцы, по тому что они были вписаны въ книгу Сенаторскихъ имянъ.

„были Патрикіями. Сіе злоупотребленіе принудило благоразумнаго „Консула и славнаго Гражданина учредить законъ, по которому оставляется вершить Народу, Сенатскія определенія и судъ Консуловъ. Таковъ „есть законъ названный *Валеріевъ*, „который почитался всегда твердымъ основаніемъ общей вольности. „Къ сему закону мы должны прибѣгнуть нынѣ, естьли не найдемъ у „васъ Правосудія, противу человѣка „изобличеннаго въ наивеличайшемъ „преступленіи какое только можетъ „оказаться въ республикѣ. Не Плебеянинъ одинъ только приноситъ „вамъ жалобы, но цѣлое общество „римскаго Народа требуетъ суда на „тирана, который хотѣлъ поморить „согражданъ своихъ голодомъ, который нарушилъ право нашего Начальства, отогнавъ силою нашихъ „служащихъ Едиловъ республики. „Мы Коріолана обвиняемъ въ томъ, „что онъ предлагалъ уничтожить

„Три-

„Трибунство, не взирая что сїе
„Начальство утверждено наисвящен-
„нѣйшими клятвами. Нуженъ ли по
„томъ Сенатусъ-Консультъ для су-
„да явнаго преступника? Не правда
„ли, что сїи особые приговоры Се-
„ната надлежатъ только до внеза-
„пныхъ и чрезвычайныхъ дѣлъ, о
„которыхъ въ законахъ нѣтъ ника-
„коваго положенїя? Но въ предлежа-
„щемъ случаѣ, когда законъ точно
„предаетъ адскимъ богамъ наруши-
„телей онаго, можно ли сомнѣвать-
„ся въ преступленїи, не учиня себя
„участникомъ сего преступленїя?
„Отлагая же наказанїе преступнику
„подъ вымышленнымъ видомъ, что
„будто нуженъ по томъ Сенатусъ-
„Консультъ, не должны ли вы опа-
„саться мнѣнїя Народнаго, кото-
„рый легко себѣ представить мо-
„жетъ, что Корїоланъ былъ толь-
„ко истолкователемъ вашихъ об-
„щихъ мыслей„?

„Я знаю, что многіе между ва-
„ми жалуются, что вы насильно
„принуждены были согласиться къ
„уничтоженію долговъ и установ-
„ленію Трибунства. Правда, я при-
„знаюсь, по отрѣшеніи Царей бывъ
„на толь великой степени власти,
„какую вы имѣли, вы не приобрѣ-
„тали ни пользы ни чести, когда
„уступили Народу часть сей вла-
„сти; но вы уже то сдѣлали, и Се-
„натъ утвердилъ наисвященнѣйшими
„клятвами. А сдѣлавъ толь нена-
„рушимый законъ для почтенія Три-
„буновъ, не уже ли вы захотите,
„въ угожденіе какому ни будь гор-
„дому самовольнику, опровергнуть то,
„что утверждаетъ безопасность и
„тишину Государства? Вы конеч-
„но того не захотите, какъ я твер-
„до надѣюсь, пока буду видѣть
„между вами почтенныхъ Правите-
„лей, толь много способствовавшихъ
„къ соединенію, во время пребыванія
„нашего на Священной горѣ. Можетъ
„ли

„ли одно то быть терпимо, чтобъ
„преступленіе толикой важности
„отлагаемо было впредь на разсмо-
„трѣніе? Коріоланъ перьвый дер-
„знулъ возмутительными совѣтами
„разрывать Священный узелъ, со-
„единяющій подъ покровительствомъ
„законовъ, разныя части Государ-
„ства. Онъ одинъ, который хочетъ
„истребить власть Трибунскую, сіе
„прибѣжище Народа, сію ограду
„вольности, и сей залогъ нашего со-
„гласія; онъ порабощая Народъ, хо-
„четъ получить успѣхъ въ преступ-
„леніи наибольшимъ еще преступ-
„леніемъ; онъ отваживается въ Свя-
„щенномъ мѣстѣ посреди Сената
„предлагать, чтобъ поморить Пле-
„беянъ голодомъ! Не могъ ли сей
„жестокій и суемысленный человѣкъ
„себѣ представить, что самый тотъ
„Народъ, которому онъ желалъ толь
„безчеловѣчной погибели, находясь
„въ большемъ числѣ и въ большей
„силѣ, нежели онъ хочетъ, отъ от-

„чая-

„чаянія бросился бы въ домы богатыхъ, напалъ бы на ихъ закромы „и погреба, дабы раздѣлить съ ними изобиліе; и чаятельно, что какъ „Патрикіи не могли бы тогда изтребить Народа, то сами были „бы изтреблены онымъ въ ярости, „и подверглись бы закону, который предписывается нуждою и мщеніемъ.

„Будьте увѣрены, что мы не „стали бы ожидать голодной смерти по желанію нашихъ непріятелей; но призвавъ въ помощь Боговъ, „мстителей неправосудія, наполнили бы Римъ кровію и ужасомъ. Таковы были бы успѣхи совѣтовъ сего „вѣроломнаго Гражданина, естьлибъ „Сенаторы, болѣ любящіе отечество, „не предъупредили слѣдствіе оныхъ. „Вамъ, почтенные отцы! мы приносимъ наши справедливыя жалобы. „Мы просимъ помощи отъ вашего „безпристрастія, дабы принудить „сего общаго врага предстать на

„судъ

„судЪ всему Римскому Народу, и „дать оному отвѣтЪ вЪ его зло-„умышленныхЪ совѣтахЪ. ТамЪ Ко-„ріоланЪ, ты долженЪ утверждать „твои перьвыя мнѣнія, естьли смѣешь, „или извинять ихЪ невоздержною „скороспію твоего языка. Оставь, „естьли мнѣ вѣришь, твои высоко-„мѣрныя и Тиранскія правила. Унизь „себя, будь равенЪ сЪ нами; кЪ то-„му возложи на себя печальную одеж-„ду (*), приличную теперешнему „твоему состоянію. Склони кЪ жа-„лости твоихЪ согражданЪ, и мо-„жетЪ быть ты получишь милость „и прощеніе вЪ твоихЪ поступкахЪ„.

Когда сей ТрибунЪ кончилЪ рѣчь, то Консулы спрашивали мнѣній отЪ Собранія, во первыхЪ же отЪ старшихЪ СенаторовЪ; ибо вЪ то время сказываетЪ Діонисій Галикарнаскій, млад-

(*) ВЪ Римѣ готовившіеся на судЪ вЪ преступленіяхЪ, одѣвались вЪ печальное платье вЪ знакЪ своего разкаянія и признанія.

младшїе не имѣли высокомѣрїя чаять себя способными къ предложенїю мнѣнїя, но по умѣренности ихъ и воздержности, не говоря ни слова, довольствовались изъявлять свои мысли, или какимъ либо знакомъ, или переходя на ту сторону, которая имъ казалась справедлива. По сему образу подаваемыхъ мнѣнїй, они были названы Сенаторы *Педеры*, или молчащїе; такъ какъ мнѣнїе ихъ узнавали только по сторонѣ, на которой они садились.

Всѣ Сенаторы, по разнымъ ихъ видамъ, иные съ нетерпѣнїемъ, другїе съ безпокойствомъ, ожидали какое Аппїй Клавдїй предложитъ мнѣнїе. И когда дошла до него чреда: „Вы знаете почтенные отцы, говорилъ онъ имъ, что я долго и часто одинъ сопротивлялся чрезмѣрному снисхожденїю, съ которымъ „вы исполняли всѣ Народныя требованїя. Можетъ быть я тогда и „надокучилъ, предвѣщая вамъ неща-

„стїя

,,стія отъ соединенія съ сими бѣгле-
,,цами Республики. Послѣдствіе до-
,,вольно оправдало мои основатель-
,,ныя подозрѣнія. Нынѣ вооружает-
,,ся противу васъ та самая часть
,,Правительства, которую вы усту-
,,пили возмутителямъ. Народъ на-
,,казываетъ васъ вашими собствен-
,,ными благодѣяніями; ваши щедрыя
,,милости употребляетъ на разру-
,,шеніе вашей власти. Тщетно вы
,,сами отъ себя скрываете гибель,
,,въ которой Сенатъ находится; вы
,,ясно видите, что вы принуждаетесь
,,перемѣнить древній образъ нашего
,,Правленія. Трибуны, дабы успѣть въ
,,тайныхъ своихъ намѣреніяхъ, посте-
,,пенно доходятъ къ тиранству. Они
,,требовали уничтоженія долговъ
,,только для своего начала. Сей гор-
,,дый Народъ, который хочетъ само-
,,державно судить Сенаторовъ, казался
,,тогда умѣренъ, для того что почи-
,,талъ нуждою утишиться на время,
,,дабы привести въ забвеніе противни-

„чьи поступки, коими онъ домогался
„къ полученію перьвой милости„.

„Ваша слабость побудила ихъ
„къ новымъ требованіямъ: Народъ
„возжелалъ имѣть своихъ особыхъ
„Начальниковъ. Вы знаете, сколь
„твердо я сопротивлялся введенію
„сихъ новостей; но не взирая на мое
„сопротивленіе, они удовольство-
„ваны были равно по сему вторич-
„ному ихъ требованію. Даны были
„Плебеянамъ Трибуны, или лучше
„сказать *заводчики* безконечныхъ
„развратовъ. Народъ въ необуздан-
„ной наглости, желалъ еще, чтобъ
„сіе новое Начальство свято и не-
„нарушимо утверждено было, хо-
„тя не было толико утверждено
„ни самое Консульство, первое до-
„стоинство въ республикѣ. Сенатъ
„и на то согласился, болѣ по сла-
„бости нежели по милосердію: осо-
„бы Трибуновъ объявлены священны-
„ми, и въ силу того учиненъ былъ
„законъ. Народъ требовалъ, чтобъ

„сей законъ укрѣпленъ былъ наиторжественнѣйшими клятвами: въ тотъ „день, господа мои, вы клялись на олтаряхъ лобзать вашу собственную „погибель и погибель дѣтей вашихъ. „Скажите, что напослѣдокъ произвели всѣ ваши милости? Вы заслужили вашимъ снисхожденіемъ отъ „Народа презрѣніе, а отъ Трибуновъ наглость и непочтеніе. Они „сами дали себѣ новыя правы; сіи „новосотворенные Начальники, кои „долженствовали бы жить какъ простые граждане, сзываютъ нынѣ „Народныя собранія, и безъ нашего „вѣдома составляютъ законы, по одобренію подлаго сборища Плебеянъ„.

„На судъ къ сему гнусному Трибуналу требуютъ Патрикія, Сенатора, равностепеннаго съ вами гражданина, я хочу сказать Коріолана, великаго Полководца, добродѣтельнаго мужа, почтеннаго своею „храбростію, и еще болѣ почтеннаго прилѣпленіемъ своимъ къ пользѣ

„Сената. Отваживаются обвинять „его въ томъ, что онъ въ полномъ „Сенатѣ говорилъ свое мнѣнїе такъ „свободно, какъ прилично говорить „прямому римлянину; и естьли бы „вы сами не защитили его въ опа„сности, то при вашихъ бы гла„захъ умертвили достойнѣйшаго и „любезнѣйшаго вамъ гражданина. Ве„личество Сената не могло бы быть „болѣ нарушено, ни болѣ уронено „должное почтенїе къ вашему до„стоинству, когда бы сїе убивство „было исполнено, и вы всѣ чрезъ „то теряли вольность и власть. „Но твердость и смѣлость оказан„ные вами въ семъ случаѣ, подобно „какъ бы возбудили неистовыхъ отъ „бѣшенства. Стыдясь, какъ кажет„ся, недоконченнымъ своимъ злодѣй„ствомъ, они не хотятъ болѣ дѣй„ствовать силою, только для того „что не получили въ ней успѣха, и „наружно прибѣгаютъ къ правосу„дїю и уставленному порядку„.

„О безсмертные боги! какое „вводятъ правосудїе сїи кровожаж„дущїе люди. Они домогаются „покорнымъ образомъ, чтобъ учи„ненъ былъ Сенатусъ-Консультъ, для „попущенїя повлечь на казнь до„стойнѣйшаго гражданина; предста„вляютъ вамъ законъ *Валергепъ* за „правило вашего поступка; но не „вѣдаютъ ли, что сей законъ, позво„ляя переносить судъ къ Народному „Собранїю, касается только до бѣд„ныхъ Плебеянъ, кои безъ покрови„тельства могли бы быть утѣсняе„мы доступомъ и совѣщанїемъ силь„ныхъ? Законъ гласитъ только, „что гражданинъ, обвиненный Консу„лами можетъ, естьли востребуетъ, „быть вторично судимъ передъ На„родомъ. Публикола чрезъ сей законъ „давалъ убѣжище нещастнымъ, кои „могли жаловаться, естьли были „осуждены по предупрежденїю. Пред„мѣтъ закона состоялъ только въ „единственномъ отвращенїи подоб-

„ныхъ случаевъ; и когда вы согла-
„сились къ учрежденїю Трибуновъ,
„ни вы, ни самъ Народъ, уставли-
„вая сихъ новыхъ Начальниковъ, не
„имѣли другаго намѣренїя какъ толь-
„ко, чтобъ сей законъ имѣлъ своихъ
„покровителей, а бѣдные имѣли бы
„стряпчихъ, могущихъ защищать
„ихъ отъ утѣсненїя Вельможъ. Ка-
„сается ли такой законъ до дѣла
„высокостепеннѣйшаго Сенатора, ко-
„торый подсуденъ одному только Се-
„нату? Къ *доказательству*, что
„законъ Валерїевъ надлежитъ къ од-
„нимъ простымъ Плебеянамъ, я спро-
„шу у Децїя, пусть онъ во всѣ се-
„мнатцать лѣтъ съ начала уста-
„новленїя сего закона, найдетъ од-
„ного Гражданина, который бы по
„силѣ онаго отданъ былъ на судъ
„Народу, и тогда я болѣ спорить не
„буду. Гдѣ тутъ правосудїе, чтобъ
„предать Сенатора злобѣ Трибуновъ,
„и чтобъ Народъ былъ судьею въ
„своей собственной тяжбѣ, такъ какъ
„бы

„бы сей Народъ въ мятежныхъ сво-„ихъ собранїяхъ подъ предводитель-„ствомъ развращающихъ Начальни-„ковъ, былъ безъ предубѣжденїя, „безъ ненависти и безъ пристрастїя? „И такъ, господа мои, я васъ про-„шу, прежде нежели что ни будь „вы положите, помыслить прилѣж-„нѣе, имѣя въ семъ случаѣ нераз-„дѣльную вмѣстѣ съ Корїоланомъ тя-„жбу. Впротчемъ я не мню отнять „назадъ милость, которую вы явили „Плебеянамъ, какимъ бы образомъ они „ее ни получили; но не могу преми-„нуть вамъ совѣтывать, чтобъ не-„премѣнно отказывать впредь все то, „что они ни возтребуютъ противу „собственной вашей власти, или про-„тиву образа нашего Правленїя„.

Спорныя рѣчи Децїя и Аппїя ясно доказываютъ, что дѣло Корїоланово служило только приступомъ къ важнѣйшимъ предпрїятїямъ. Справедливая причина ссоры и озлобленїя съ обоихъ сторонъ состояла въ

 томъ,

томѣ, что Вельможи и Патрикіи по отрѣшеніи Царей хотѣли быть наслѣдниками ихѣ власти, и учинить Правленіе точно Аристократическимѣ; Трибуны же сѣ ихѣ стороны старались новыми законами сдѣлать оное Демократическимѣ и привлечь всю власть вѣ Народное Собраніе, которымѣ они управляли по своей волѣ. Симѣ образомѣ властолюбіе, корысть и ревность дѣйствовали вѣ разныхѣ частяхѣ Народа, и подавали страхѣ или новаго раздѣленія, или междоусобной войны между Гражданами.

Сіе предѣупреждая Маркѣ Валерій, который толь много способствовалѣ кѣ примиренію на Священной горѣ, представилѣ Сенату страхѣ свой вѣ сильныхѣ и убѣдительныхѣ словахѣ. Онѣ былѣ истинный республиканинѣ, и не терпѣлѣ чтобѣ Вельможи и его равностепенные превозносились отличностію, и властію всегда ненавистною вѣ вольномѣ Государ-

сударствѢ. ОнЪ говорилЪ сЪ пріятнымЪ и проницательнымЪ краснорѢчіемЪ. Перьвыя его слова касались вообще до пользы и преимущества мира, равно до соблюденія нужнаго союза вЪ республикѢ. По томЪ онЪ привелЪ рѢчь кЪ Коріолану и подавалЪ мнѢніе, что разсмотреніе о немЪ принадлежало кЪ Народному Собранію. ОнЪ утверждалЪ, что СенатЪ, уступя нѢсколько своей власти, можетЪ болѢ надѢяться вЪ ея продолженіи, и болѢ укрѢпитЪ ее своею умѢренностію; что сіе самое обезоружитЪ озлобленный НародЪ противу Коріолана, когда онЪ отдается на судЪ его Собранія: ибо НародЪ, возчувствуя сіе снисхожденіе, удержится произрѢчь погибель такого человѢка, о которомЪ знаетЪ, сколь онЪ любезенЪ Сенату; что кЪ послѢднему укрощенію людей, онЪ также находилЪ за полезно, чтобЪ всѢ Сенаторы повсюду раздѢлились вЪ Собраніи и стара-

лись бы, каждый съ своей стороны, ласковымъ и обходительнымъ образомъ, уговаривать знакомыхъ имъ Плебеянъ къ сохраненію Коріолана.

Валерій обратясь по томъ къ Коріолану, заклиналъ его въ наичувствительнѣйшихъ словахъ подать тишину республикѣ. „Поди Коріо„ланъ, говорилъ онъ ему, предстань „самъ великодушно къ суду Народа; „симъ только образомъ ты можешь „достойно оправдаться; и сіе есть „удобнѣйшее средство заградить „уста тѣхъ, кои обвиняютъ тебя „тиранствомъ. Народъ увидя толь „бодрую смѣлость, повинную напо„слѣдокъ власти своихъ Трибуновъ, „не будетъ имѣть силы изрѣчь что „либо противу Коріолана: вмѣсто „того, естьли ты твердо станешь „презирать сей Трибуналъ, естьли „будешь отмѣтать его Правосудіе, „и естьли возжелаешь не повиновать„ся кромѣ какъ только одному „суду Консуловъ, то приведешь въ

смя-

„смятенїе Сенатъ съ Народомъ, и во-
„спалишь жестокое пламя разврата.
„Ты одинъ будешь причиною сего
„бѣдства; и кто знаетъ, сколь да-
„леко оное простираться можетъ?
„Представь себѣ ужасныя слѣдствїя
„междоусобной брани, законы безъ
„силы, Начальниковъ безъ власти,
„наглость и насилїе повсюду цар-
„ствующїе, мечь и огонь пожирающїе
„Гражданъ возставшихъ другъ на
„друга, женъ взыскивающихъ мужей
„своихъ, отцевъ плачущихъ о ча-
„дѣхъ, всѣхъ купно тебя клянущихъ.
„Напослѣдокъ представь себѣ Римъ,
„которому боги толь отличную
„судьбу обѣщали, сей Римъ разру-
„шенный междоусобною ягостїю, и
„величество онаго обращенное въ
„прахъ и пепелъ„.

Валерїй любя чистосердечно свое отечество и пришедъ въ жалость мыслїю сихъ великихъ нещастїй, не могъ удержаться отъ слезъ, кои противу воли его проливались; а сїи

сїи слезы стараго и почтеннаго мужа, проницающїя сердца болѣ всякаго краснорѣчїя, тронули почти всѣхъ Сенаторовъ и склонили разумы къ миру.

Тогда Валерїй видя поверьхность свою надъ Собранїемъ, возвысилъ голосъ, подобно какъ бы новыя силы въ него влїялись, или какъ бы иной человѣкъ въ немъ явился. Онъ оказалъ, такъ сказать, всего себя въ наружѣ, и говорилъ къ Собранїю съ сею властїю, *которую возрастъ и долгїе опыты ему давали.*

„Представляютъ намъ, вскричалъ онъ, общую вольность въ „опасности, естьли мы дадимъ нѣ„которую власть Народу, и на судъ „ему тѣхъ изъ нашего общества, „кои обвинены будутъ Трибунами. „*Я* увѣренъ на противу того, что „тѣмъ самымъ общая вольность бу„детъ сохраняема. Республика со„ставлена изъ двухъ частей, то „есть, изъ Патрикїевъ и Плебеянъ:

„раз-

„разсмотримЪ, которой изЪ сихЪ двухЪ „частей лучше можно препоручить „соблюденiе и залогЪ драгоцѣнной „нашей вольности. Я утверждаю, „что она безопаснѣе будетЪ вЪ ру„кахЪ Народа, желающаго только „не быть вЪ утѣсненiи, нежели вЪ „рукахЪ ВельможЪ, кои всѣ страстно „хотятЪ властвовать. Сiи первона„чальствующiе Патрикiи, отлич„ные своею породою, богатствомЪ „и знатностiю, останутся всегда „довольно сильны дабы удержать На„родЪ вЪ его должности; а НародЪ, „ненавистникЪ по естеству всякаго „самовластнаго возвышенiя, усилясь „законами противу покушенiй Вель„можЪ, строгостiю своего суда при„нудитЪ бояться тѣхЪ ПатрикiевЪ, „кои склонны кЪ тиранству. Вы уни„чтожили, почтенные отцы, Царство „для того, что власть единаго была „неумѣренна. Вы не удовольствова„лись и тѣмЪ, чтобЪ она раздѣле„на была между двумя ежегодными

„На-

„Начальниками, но дали имъ въ со-
„вѣтъ триста Сенаторовъ, дабы
„сіи надзирали надъ поступками
„первыхъ и власть ихъ умѣривали.
„Одинъ только сей Сенатъ страш-
„ный Царямъ и Консуламъ, не на-
„ходитъ ничего въ республикѣ, чтобы
„власть его ограничивало. Мы дол-
„жны воздать хвалу Богамъ, что
„донынѣ довольны его умѣренностію,
„хотя можетъ быть причиною то-
„му внѣшній страхъ и безпрестан-
„ныя войны, *въ коихъ* мы *упраж-
„нены были. Но кто* можетъ за бу-
„дущихъ послѣ насъ отвѣтствовать.
„Можетъ быть преемники наши чрезъ
„долгій миръ столько возмѣрятся,
„и столько сильны будутъ, что за-
„хотятъ похитить вольность свое-
„го отечества; можетъ быть въ
„самомъ Сенатѣ составится какое
„ни будь отпадшее общество, ко-
„тораго предводитель содѣлается
„тираномъ области, естьли внѣ Се-
„ната не будетъ никакой противо-
„постав-

„поставленной ему власти, ко-
„торая бы по приносимымъ жало-
„бамъ и обвиненіямъ въ Народномъ
„Собраніи, могла опровергнуть са-
„мовольныя предпріятія первосте-
„пенныхъ„.

„Скажутъ мнѣ въ возраженіе,
„что должно того же опасаться съ
„стороны Народа, и что можетъ
„быть выйдетъ нѣкогда между Пле-
„беянами какой ни будь предводи-
„тель общества, который употре-
„битъ во зло власть свою надъ легко-
„вѣрнымъ Народомъ, и который,
„подъ видомъ защищенія Народной
„пользы, равно похититъ у него и
„у Сената вольность: но вы знае-
„те, что при малѣйшей таковой
„опасности, когда только покажет-
„ся, что Республика угрожаема оною,
„наши Консулы имѣютъ право на-
„звать Диктатора, выбравъ его изъ
„вашего общества. Сей державный
„Начальникъ, самовластитель надъ
„жизнію своихъ Сограждань, одинъ
„мо-

„можетъ своею волею пресѣчь Народ-
„ные умыслы; наши же мудрые зако-
„ны поручаютъ ему сїю страшную
„мочь на шесть только мѣсяцевъ,
„въ предосторожность чтобъ онъ не
„употребилъ во зло оную, и чтобъ
„тою же властїю, порученною ему
„для изтребленїя всякой другой
„приносящей вредъ обществу, онъ
„не могъ достигать къ тиранству.
„Чрезъ сїе взаимное надзиранїе, Се-
„натъ умѣритъ поступки Консуловъ,
„а Народъ поступки Сената; Дик-
„таторъ же, когда нужда дѣлъ воз-
„требуетъ имѣть онаго, воздер-
„житъ властолюбїе перьвыхъ и по-
„слѣднихъ. Чѣмъ болѣ поступки
„каждаго будутъ слѣдуемы, тѣмъ
„надежнѣе мы останемся въ нашей
„вольности, и тѣмъ будетъ совер-
„шеннѣе образъ нашего Правленїя„.

Другїе Сенаторы равнаго мнѣнїя, представили еще сколь полезно для общей вольности, дать каждому Римскому Гражданину вольность до-

носить

носить предЪ НароднымЪ СобранїемЪ противу нарушителей законовЪ, и говорили, что таковое право ГражданЪ, не только удержитЪ ВельможЪ вЪ границахЪ, но дастЪ еще способЪ Народу прямо жаловаться вЪ обидахЪ, не дѣлая изЪ того тайныхЪ заговоровЪ, ни смятенїй.

И такЪ по большинству голосовЪ рѣшено было, отдать сїе дѣло на судЪ Народу. СенатЪ склонился тѣмЪ охотнѣе, что находилЪ вЪ томЪ новый знакЪ своего могущества и власти: поколику Трибуны искали, дабы учиненЪ былЪ прежде СенатусЪ-КонсультЪ, которой бы позволилЪ имЪ судить виноватаго. Хотя Сенаторы чувствовали, что вручали невиннаго на жертву его непрїятелямЪ, однако общая польза предпочтена была особенной; и тотчасЪ изготовленЪ былЪ СенатусЪ-КонсультЪ Но прежде подписанїя онаго, КорїоланЪ видя себя оставленнымЪ отЪ Сената,

пата, просилъ позволенія говорить, и когда ему было позволено: „Вы „знаете, почтенные отцы, сказы„валъ онъ обратясь къ Сенаторамъ, „какъ я поступалъ до нынѣ; вы знае„те, что непримиримая ненависть „Народа и несправедливыя гоненія, „кои я отъ него претерпѣваю, имѣ„ютъ свой источникъ отъ непоколе„бимой ревности мною всегда ока„занной въ пользу вашего общества. „Я не говорю о награжденіи, кото„рое я нынѣ получаю; послѣдствіе „окажетъ слабость, или можетъ „быть лукавство данныхъ вамъ со„вѣтовъ къ моему обвиненію. Но „какъ уже превозмогло Валеріево мнѣ„ніе, то пусть мнѣ скажутъ по „крайней мѣрѣ, въ чемъ состоитъ „мое преступленіе, и на какой ко„нецъ предаютъ меня злобѣ моихъ „непріятелей„.

Коріоланъ говорилъ такъ для того, чтобъ узнать отъ Трибуновъ, не обвинятъ ли его за слова толь-

ко

ко выговоренныя противу ихъ въ полномъ Сенатѣ. Въ самомъ дѣлѣ, прямою причиною злобы Трибуновъ противу сего Сенатора было то, что онъ предлагалъ о уничтоженіи Трибунства; но они боялись сдѣлать себя ненавистными Сенату, естьли почтутъ виною, вольное мнѣніе каждаго Сенатора, сказываемое между общими разсужденіями; для того посовѣтовавъ нѣсколько прежде, объявили Коріолана виновнымъ просто въ тиранствѣ.

„Естьли, продолжалъ Коріоланъ, „я долженъ защищать себя только „противу сего видимаго оклеветанія, то я свободно отдаюсь на „судъ Народу и не препятствую въ „томъ, чтобъ Сенатусъ-Консультъ „былъ подписанъ„.

Сенатъ былъ доволенъ, что дѣло рѣшилось симъ образомъ, и что не будетъ упомянуто о произшествіи въ послѣднемъ Собраніи, ибо сіе касалось до чести и власти се-

го общества. И такъ съ согласія обоихъ сторонъ опредѣленіе было подписано, и дано обвиненному двадцать семь дней времени, чтобъ онъ между тѣмъ приготовилъ отвѣтъ къ своему защищенію. Опредѣленіе сіе отдано въ руки Трибунамъ; а чтобъ они въ Народномъ Собраніи не вздумали противу своего слова, вновь обвинять Коріолана за сказанное мнѣніе о Трибунствѣ и хлѣбной продажѣ, то Сенатъ учинилъ другой Сенатусъ-Консультъ, по которому Коріоланъ свободенъ былъ отъ всякаго иска, могущаго быть по сему его мнѣнію. Сенатъ учинилъ оный въ собственную свою предосторожность, дабы не было разсуждаемо Народомъ о вольности Сенаторовъ, какую они должны имѣть въ своихъ мнѣніяхъ.

Трибуны прочтя Сенатское опредѣленіе, въ первомъ Народномъ Собраніи, приглашали всѣхъ гражданъ Республики, какъ пребываю-

вающихъ въ Римѣ, такъ и сельскихъ жителей, собраться на площадь въ назначенный день для поданія своихъ голосовъ. Большая часть Плебеянъ ожидали сего дня съ нетерпѣливостїю, въ желанїи удовольствовать свою ненависть противу Корїолана. Они такъ на него злились, какъ бы спасенїе Ресъпублики зависѣло отъ его погибели.

Насталъ по томъ нещастный день, назначенный для рѣшенїя сего великаго дѣла. Площадь наполнилась безчисленнымъ множествомъ Народа. Трибуны къ исполненїю своего намѣренїя раздѣлили оный по Трибамъ до прибытїя Сенаторовъ, хотя отъ царствованїя Сервїя Туллїя всегда собирались голоса по Центурїямъ. Сїя единая разность предрѣшила въ семъ случаѣ, какъ и всегда послѣ предопредѣляла несумнѣнно рѣшенїе или въ пользу Народа, или въ пользу Патрикїевъ. Консулы прибывъ на мѣсто Собранїя, хотѣли собирать

голоса прежнимъ обычаемъ. Они крѣпко надѣялись спасти Коріолана, естьли оные собраны будутъ по Центуріямъ, которыхъ главная часть состояла изъ Патрикіевъ и богатѣйшихъ Гражданъ. Но Трибуны вѣдая то, упрямо представляли, что въ дѣлѣ таковаго рода, особливо для рѣшенія о Народныхъ правахъ и общей вольности, справедливо надлежало, чтобъ всѣ Граждане, безъ отличенія чиновъ и богатства, могли каждый давать свой голосъ съ равнымъ правомъ рѣшенія. И такъ Трибуны отнюдь не соглашались собирать голоса инымъ образомъ, какъ поголовно и по Трибамъ. Сіе произвело по обыкновенію великой споръ. Напослѣдокъ Сенаторы, чтобъ не показать себя сообщниками Коріолановыми, и боясь подвергнуть спорамъ ихъ собственную власть, такъ же по обыкновенію, уступили верьхъ Народнымъ Начальникамъ.

Между тѣмъ Минуцїй перьвый Консулъ, дабы прикрыть нѣкоторымъ образомъ слабость и стыдъ Сената въ семъ случаѣ, возшелъ на Трибунъ для слова. Онъ началъ оное, преимуществами отъ союза и мира и нещастїями слѣдуемыми отъ несогласїя. По семъ обыкновенномъ увѣщанїи, онъ распространилъ благосклонность Сената къ Народу и благодѣянїя въ различныя времена ему оказанныя. Въ награду же за оныя, онъ не требовалъ отъ Народа болѣ, какъ только чтобъ Корїоланъ былъ прощенъ, и уговаривалъ Плебеянъ, чтобъ они не уважали выговоренныхъ противу ихъ досадныхъ словъ безъ всякаго дѣйствїя, а вспомнили бы знатныя услуги, которыя сей великодушный Гражданинъ оказалъ Республикѣ: „Удовольствуйтесь Римляне, прибавилъ онъ, покорностїю сего великаго мужа; „пусть не будетъ сказано, что „толь славный Гражданинъ отданъ

 „былъ

„былъ на судѣ, какъ преступникъ„. Сициній отвѣчалъ: что естьли бы такое послабленіе терпимо было въ правленіи Государствѣ, то не было бы нигдѣ спокойнаго людямъ жилища; что такое снисхожденіе подастъ поводъ и всѣмъ, кои оказали великія услуги, отягчать не наказанно Народъ по тому самыми несправедливыми предпріятіями; что одни только Цари въ Монархіяхъ могутъ прощать вины, въ Республикѣ же сами законы властвуютъ; и что сіи законы, не пріемля заступленія, наказываютъ проступки столь правдиво, какъ награждаютъ добродѣтели.

„Когда всѣ наши прозьбы, говорилъ тогда Минуцій, не сильны „освободить Коріолана отъ Народнаго суда, то я требую, чтобъ „по вашему согласному съ Сенатомъ „слову, вы не показывали на него „другой вины, кромѣ объявленнаго „тиранства, которое вы должны „доказать точнымъ свидѣтельствомъ.

„Что

„Что же надлежитъ до мнѣнія его „въ нашемъ Собраніи, то кромѣ то„го, что вы не властны о томъ „судить, Сенатъ уже освободилъ его „отъ отвѣта„. Въ увѣреніе сказаннаго, онъ прочелъ въ слухъ Сенатусъ-Консультъ, гласящій силу онаго; по томъ сошелъ съ Трибуна. И въ томъ только состояла вся помощь, которую сей славный осужденникъ получилъ отъ робкой политики Сената.

Сициній начавъ рѣчь, представлялъ Народу, что Коріоланъ, происходя породою отъ Римскихъ Царей, еще издавна покушался быть тираномъ своего отечества; что сія его порода, смѣлость и великое число сообщниковъ, кои были равно какъ его подданные, довольно дѣлали его подозрительнымъ; что надлежало опасаться сей самой храбрости превозносимой Патрикіями, могущей обратиться въ пагубу согражданамъ; что онъ уже много сдѣ-

дался преступникомъ въ разсужденіи страха отъ него и подозрѣнія; и что по Государственнымъ причинамъ, малѣйшій признакъ въ покушеніи къ тиранству, почитается злодѣяніемъ достойнымъ смерти, или по меньшей мѣрѣ достойнымъ изгнанія.

Сициній не хотѣлъ болѣ откровенно изъясняться, не услыша прежде, что скажетъ Коріоланъ въ свое защищеніе, дабы послѣ обвинять его сильнѣе въ томъ, въ чемъ онъ слабо защищаться будетъ. Онъ умыслилъ сію хитрость вмѣстѣ съ Деціемъ, который долженствовалъ послѣ по тому говорить къ Народу.

Коріоланъ предсталъ напослѣдокъ въ Собраніи толь смѣло, какъ бы ожидалъ тамъ своего щастія. Противу хитро разглашаемыхъ Трибунами подозрѣній, онъ представилъ въ оправданіе, просто только свои услуги. Начавъ отъ перьвыхъ своихъ военныхъ дѣйствій, онъ представилъ

всѣ

всѣ случаи, въ которыхъ онъ сражался; представилъ полученныя имъ раны, воинскія награжденія, кои онъ приобрѣлъ отъ своихъ Полководцевъ; напослѣдокъ разные чины, по которымъ онъ происходилъ въ воинствѣ. Онъ показалъ, предъ очьми всего Народа, множество разныхъ вѣнцовъ, кои ему даны были за то, что иногда при осадѣ онъ перьвый въ проломъ пустился, иногда перьвый бросился на непріятельскій станъ, во многихъ же сраженіяхъ спасъ великое число Гражданъ отъ предстоявшей имъ смерти. Онъ всѣхъ ихъ по имянамъ выкликалъ, и представлялъ въ свидѣтели заслугъ своихъ. Сіи люди, большею частію Плебеяне, вставъ тотчасъ свидѣтельствовали Народно, сколь они ему обязаны. „Мы много разъ, кричали „они, видѣли Коріолана когда онъ „одинъ пробивался сквозь крѣпкія „непріятельскія войска, дабы спасти Гражданина погибающаго по-

„среди

„среди непріятелей. Отъ него еди-
„наго мы жизнь имѣемъ, покоимся
„нынѣ въ своемъ отечествѣ и въ
„объятіяхъ нашихъ ближнихъ. На-
„ше къ нему признаніе ставятъ ему
„злодѣйствомъ, обвиняютъ сего ве-
„ликаго человѣка и сего славнаго
„Гражданина въ злоумышленіи, для
„того, что получа отъ него жизнь,
„мы преданы ему равно какъ его
„Кліенты. Можемъ ли мы посту-
„пать инако не бывъ неблагодарны-
„ми? Можемъ мы раздѣлять его
„пользу отъ нашей собственной?
„Естьли вы его подвергаете денеж-
„ному наказанію, мы вамъ отдаемъ
„за него всѣ наши имѣнія; естьли
„вы его опредѣляете въ изгнаніе,
„мы готовы всюду за нимъ послѣ-
„довать; естьли неумолимые непрі-
„ятели Коріолановы ищутъ его смер-
„ти, пусть лучше всѣ мы за него
„животъ свой скончаемъ. Жизнь на-
„ша принадлежитъ ему справедли-
„вѣйшимъ образомъ; мы отдадимъ
„только

„только то, что каждый изъ насъ „имѣетъ отъ его храбрости, и со- „хранимъ нужнаго Гражданина Рес- „публикѣ.„

Сіи великодушные Плебеяне, произнося сіи слова, проливали слезы, простирали руки къ Собранію, какъ просящіе милосердія, и старались склонить Народъ къ жалости. Тогда Коріоланъ разодравъ на себѣ одѣяніе, показалъ рубцы на тѣлѣ и множество ранъ имъ полученныхъ. „Для сихъ добродѣтель- „ныхъ людей, говорилъ онъ, для „ихъ жизни, спася ихъ отъ рукъ „непріятельскихъ, я подвергалъ себя „на смерть многажды. Пусть Трибу- „ны согласятъ, естьли могутъ, та- „ковыя дѣйствія съ вѣроломнымъ вымы- „сломъ, чрезъ который они хотятъ „меня представить подозрительнымъ. „Вѣроятно ли, чтобъ тотъ былъ „непріятель Народа, который пре- „небрегъ множество въ войнѣ погибе- „лей для спасенія самаго того На- „рода,

„рода, и нынѣ въ мирѣ искалъ бы „его погибели.„

Рѣчь сія, произнесенная съ благороднымъ видомъ, и сею надеждою, которую вливаетъ невинность и истинна, заставила Народъ устыдиться въ его свирѣпости. Тѣ изъ мѣлкихъ людей, кои имѣли болѣ добросердечія, вскричали что надлежало объявить невиннымъ толь добродѣтельнаго Гражданина. Но Трибунъ Децій, возмущенный сею перемѣною, началъ тотчасъ рѣчь, какъ въ *томъ согласился* прежде съ Сициніемъ своимъ товарищемъ.

„Хотя Сенатъ не позволяетъ „намъ, говорилъ онъ, доказать зло„умышленій сего Народнаго непрія„теля, чрезъ произнесенныя имъ въ „полномъ Сенатѣ ненавистныя слова, „но мы имѣемъ другія столько же важ„ныя доказательства къ его изобли„ченію. Я представлю его дѣла, „гдѣ стремленія Тиранства и само„властія не мѣнѣ видимы. Вы знае-

„те,

„те, что по законамъ нашимъ,
„непріятельскіе остатки принадле-
„жатъ Римскому Народу; что ни
„воины, ни самъ полководецъ, не мо-
„гутъ присвоевать оныхъ, но что
„все должно быть продано, день-
„ги же за то полученныя должны
„быть отданы Квесторамъ въ общее
„сокровище; таковъ бывалъ всегда
„обычай и образъ нашего правленія.
„Однако въ противность сихъ древ-
„нихъ законовъ, уставленныхъ отъ
„созданія Рима, Коріоланъ получа
„знатную добычу на земляхъ Ан-
„тіатовъ, собственною своею вла-
„стію, роздалъ ее друзьямъ своимъ;
„и сей Тиранъ вручилъ имъ Народ-
„ное богатство, такъ какъ первое
„награжденіе ихъ общаго съ нимъ
„умысла.

„И такъ должно, чтобъ онъ или
„отперся отъ извѣстнаго всѣмъ дѣ-
„ла, и сказалъ бы что онъ никуда
„не употреблялъ сей добычи, или бы
„оправдалъ себя доказательствомъ,
„что

„что онъ употреблялъ ее безъ на-
„рушенія законовъ. По чему не
„останавливаясь надъ пустыми во-
„склицаніями его сообщниковъ, и ра-
„нами которыя онъ выказываетъ
„съ чрезмѣрнымъ самохвальствомъ,
„я спрашиваю теперь, чтобъ онъ
„отвѣчалъ прямо на сіе предлагае-
„мое противу его изобличеніе.„

Правда, что Коріоланъ роздалъ сію добычу, или лучше сказать, позволилъ своимъ воинамъ раздѣлить оную. Но онъ не только не употребилъ ее въ пользу друзей своихъ или сообщниковъ, какъ его обвиняли, а должно знать, что тотъ самый Народъ, который его гналъ, то есть тѣ, кои служили при немъ въ войскѣ, воспользовались всею добычею. Къ изъясненію сего надлежитъ вѣдать, что въ предслѣдствіи сего времени, Антіаты вознадѣясь на голодъ въ Римѣ, и несогласіе между народомъ и Сенатомъ, набѣгали грабить Римлянъ, почти къ

воротамъ

воротамЪ города; но ничто не могло принудить ПлебеянЪ выйти противу непріятеля. Коріоланъ тогда не могЪ терпѣть сей наглости, и сЪ дозволенія КонсуловЪ принялЪ оружіе. За нимЪ слѣдовали его друзья, и чтобЪ принудить кЪ тому же ПлебеянЪ, онЪ обѣщалЪ имЪ раздѣлить всю отЪ войны добычу. Воины, зная его храбрость и искуство вЪ сраженіи, понуждаемы наиболѣ голодомЪ, шли охотно кЪ его повелѣніямЪ. И такЪ КоріоланЪ сЪ нѣкоторымЪ числомЪ самыхЪ храбрыхЪ ПлебеянЪ, вышелЪ изЪ Рима, напалЪ на разстроенныхЪ вЪ полѣ непріятелей, побилЪ ихЪ вЪ разныхЪ мѣстахЪ, гналЪ на самыхЪ ихЪ земляхЪ, и принудилЪ на послѣдокЪ заключиться вЪ Антіумѣ ихЪ городѣ. ОнЪ отплатилЪ наглость взаимною наглостію; ибо между тѣмЪ, какЪ Антіаты не смѣли выходить изЪ города, страшась оружія и имени Коріоланова, воины его вЪ разъѣздахЪ покосили

 хлѣбЪ,

хлѣбъ, чтобъ снабдить себя онымъ, рубя тутъ же Антіатовъ, которымъ поля принадлежали. Сей Полководецъ отдалъ воинамъ весь сей хлѣбъ, дабы они спасли отъ голоду женъ и дѣтей своихъ, и дабы по ихъ примѣру другіе Плебеяне шли храбро, искать прокормленія на земляхъ своихъ непріятелей.

Но тѣ Плебеяне, кои не имѣли участія въ сей войнѣ, съ завистію смотрѣли на Коріолановыхъ воиновъ, вошедшихъ въ Римъ съ изобиліемъ хлѣба. Децій, зная въ нихъ сію ревность, употребилъ ее къ успѣху своихъ предпріятій. Онъ зналъ къ тому, что Плебеяне завидливые въ щастіи своихъ ближнихъ, причтутъ Коріолану злодѣяніемъ великодушный поступокъ, которымъ они съ другими не пользовались.

И такъ сей наглый и скоропостижный Трибунъ, не дая отвѣтствующему Коріолану времени на раз-

размышленіе, спрашивалъ его укорительно, Царь ли онъ Римскій, и какою властію смѣлъ раздавать то, что принадлежало Республикѣ? Коріоланъ удивясь обвиненію, противу котораго онъ не предмыслилъ защищаться, чаялъ оправдать себя простымъ донесеніемъ бытности, такимъ образомъ какъ выше описано. Онъ представлялъ, что всемъ пограбленнымъ отъ непріятеля воспользовалась часть Народа бывшая въ войскѣ: къ чему выкликалъ Центуріоновъ и главныхъ Плебеянъ съ нимъ воевавшихъ, дабы свидѣтельствовать истинну. Но тѣ, кои не имѣли участія въ добычѣ отъ Антіатовъ, превозходя въ числѣ Коріолановыхъ воиновъ, столько тогда шумѣли, что свидѣтели не могли быть выслушаны. Трибуны видя, что Народъ вновь свирѣпѣть началъ, воспользовались сею минутою для собранія Народныхъ голосовъ, и Коріоланъ по томъ былъ осужденъ на вѣчное изгнаніе.

 Боль-

Большая часть Вельможъ и Патрикiевъ огорчились тѣмъ, подобно какъ бы они были изгнаны съ симъ великимъ мужемъ, который всегда былъ защитникомъ и подпорою ихъ общества. Нѣсколько минутъ обладала ими жалость единственно, но скоро за нею послѣдовала досада и неудовольствiе. Иные укоряли Валерiя, для чего онъ обольстилъ Сенатъ лукавыми словами, другiе сами на себя негодовали за безмѣрное снисхожденiе къ Народу, и всѣ раскаявались въ томъ, что лучше было бы поступить на самыя крайности въ спорѣ, нежели предать толь славнаго Гражданина наглому суду необузданнаго Народа.

262 год. Рим. Одинъ только Корiоланъ являясь нечувствителенъ къ нещастiю, вышелъ изъ Собранiя съ такимъ спокойнымъ видомъ, какъ бы онъ не былъ обвиненъ въ ономъ. Онъ сперва шествовалъ въ свой домъ, гдѣ нашелъ мать свою Ветурiю и Волум-

лумнїю жену свою не утѣшно рыдающихъ, въ перьвыхъ чувствїяхъ ихъ оскорбленїя. Онъ ободрялъ ихъ въ малыхъ словахъ, сносить терпѣливо ударъ нещастїя, и препоруча имъ малолѣтныхъ дѣтей своихъ, не умѣшкалъ выйти изъ своего дома, а по томъ изъ Рима, одинъ, и не желая быть провождаемъ ни кѣмъ изъ друзей своихъ, ниже имѣя за собою кого либо изъ служителей или невольниковъ. Нѣкоторые Патрикїи и молодые Сенаторы проводили его до воротъ города, *но не* услышали отъ него никакой жалобы. Онъ разстался не благодаря ихъ за прошедшее, ниже прося о будущемъ.

Никогда Народъ не оказывалъ толикой радости въ побѣдѣ самыхъ главныхъ непрїятелей Рима, какова являлась въ немъ при его верьхѣ, который онъ одержалъ надъ Сенатомъ и благороднымъ обществомъ. Образъ правленїя совершен-

но перемѣнился обвиненїемъ и ссылкою Корїолана. Народъ, зависѣвшїй прежде отъ Патрикїевъ, видѣлъ себя могущимъ рѣшить судьбу самыхъ тѣхъ людей, кои наиболѣ составляли величество Государства.

Въ самомъ дѣлѣ Самодержавная власть перешла отъ Сената въ Народное Собранїе, или лучше сказать въ руки Трибуновъ, кои подъ видомъ сохраненїя Народной пользы учинялись посредниками правленїя. Одни только Консулы высочайшїе Правители Республики имъ были страшны. Но чтобъ умалить ихъ власть и важность, они всегда старались поручать сїе достоинство Патрикїямъ имъ преданнымъ, или столь мало почитаемымъ, что сїи не могли сдѣлаться опасными. И дабы заранѣе приготовить Народъ къ выборамъ по ихъ намѣренїю, они искусно внушали ему во всѣхъ Собранїяхъ, что способность править Республикою не въ томъ со-

состоитъ, чтобы быть великимъ Полководцемъ; что сiи гордые Полководцы, обыкая въ войскѣ повелѣвать самовластно, возвращались съ побѣдами столь высокомѣрны, какъ и опасны въ вольномъ Государствѣ; что въ нещастной необходимости избирать Консуловъ точно изъ общества Патрикiевъ, важно было для Народа избирать самыхъ умѣренныхъ, способныхъ къ дѣламъ, и кои бы наименѣ оказывали тщеславiя и гордости.

Народъ не преминулъ поступать 263 год. Рим.
по внушенiю сихъ Начальниковъ, въ бывшихъ по томъ Комицiяхъ въ Консульство Квинта Сулпицiя и Спурiя Ларцiя; ибо при избранiи на ихъ мѣсто не удостоилъ самыхъ великихъ людей въ республикѣ. Обыкновенно до сего времени Сенатъ и Патрикiи вручали кому хотѣли главное сiе достоинство, по колику Консулы избирались всегда въ Собранiяхъ по Центурiямъ, и знат-

ные составляли большую часть голосовъ во оныхъ; но въ семъ предлежащемъ случаѣ Народъ первенствовалъ надъ Патрикїями искусствомъ своихъ Трибуновъ, кои иныхъ поманкою, а иныхъ страхомъ преклонили на свою сторону. По тому объявлены Консулами Каїй Юлїй и Пу-
264 год. Рим. блїй Пинарїй руфъ, которые не были храбры, ниже уважаемы въ Сенатѣ, и никогда не были бы возведены на сїю степень, естьлибъ были того достойны.

Можно сказать на сей случай, что Сенатъ и Народъ во всегдашнемъ другъ другу противословїи, оба поступали противу собственной своей пользы, и казалось желали совокупить двѣ несовокупляемыя вещи. Всѣ римляне, Патрикїи и Плебеяне стремились къ завоеванїю Италїи. Предводительство войскъ препоручалось однимъ Патрикїямъ, коимъ принадлежали всѣ чины въ Государствѣ. Подчиненные же воины были одни

Плебеяне. Полководцы желали найти въ нихъ сїе кроткое повиновенїе и сїю рабскую зависимость, къ которой они едва могли привести самыхъ подлыхъ работниковъ и безгласную часть жителей воспитанныхъ въ невѣденїи. Напротиву того мужественный и многочисленный Народъ, свирѣпый отъ безпрестаннаго упражненїя въ оружїи, желалъ къ умаленїю власти, имѣть Консуловъ и Полководцевъ снисходительныхъ, смирныхъ, благосклонныхъ къ Народу, такихъ которые бы обращались съ своими Воинами съ видомъ нѣкотораго равенства, и повелѣвали бы ими безъ презрѣнїя и надмѣнности. Надлежало къ пресѣченїю несогласїя между сими двумя степенями республики, чтобъ одни и другїе согласно желали, пребывать спокойно въ тѣсныхъ границахъ малой своей области, не стремясь къ дальнимъ завоеванїямъ; или чтобъ Патрикїи, желая покорить своихъ со-

сосѣдей, приобщили къ Правленію военный Народъ, который являлъ зимою мѣщанъ и Гражданъ, а лѣтомъ Воиновъ: но чтобъ Народъ съ своей стороны избиралъ въ Предводители себѣ искуснѣйшихъ Полководцевъ въ Республикѣ.

Я включилъ сіе разсужденіе для слѣдующихъ произшествій, которыя покажутъ, что Народъ не въ долгомъ времени раскаялся, поручивъ Правленіе Государства и Предводительство войскъ двумъ человѣкамъ неспособнымъ ни къ тому ни къ другому.

Коріоланъ, странствуя по выходѣ изъ Рима, искалъ не убѣжища и спокойства, но средствъ и случая къ отмщенію. Сей бывшій по видимому великодушный и твердый Римлянинъ, не могъ вдавшись своей страсти, сопротивиться тайнымъ сердца движеніямъ, и принявъ намѣреніе погубить своихъ непріятелей, не устыдился опредѣлить рав-

ную съ ними судьбу цѣлому своему отечеству. Онъ провелъ перьвые дни по изгнанїи въ одномъ сельскомъ домѣ. Волнуемъ жестокою страстїю, разумъ его представлялъ ему разные одинъ за другимъ способы. Напослѣдокъ обозрѣвъ мысленно различные Народы, кои были сосѣди и непрїятели Рима, именно же Сабиняне, Эквы, Тосканцы, Волски и Герники, изъ всѣхъ сихъ Народовъ онъ не нашелъ болѣ злобныхъ противу Римлянъ, ни болѣ могущихъ предпринять съ ними войну, какъ Волсковъ обитавшихъ въ древней Латїи.

Сїи Народы учиняли республику или общество, составленное изъ разныхъ малыхъ городовъ, соединенныхъ взаимнымъ вспоможенїемъ, и управляемыхъ собственными отъ каждой округи Депутатами (*). Область сїя, въ сосѣдствѣ съ Римомъ

(*) Депутатъ, посланный отъ какого либо общества для исправленїя дѣлъ.

момЪ завидуя его разпространенію, всегда храбро ему вЪ томЪ препятствовала, хотя безЪ щастливаго вЪ войнѢ успѢха. Римляне отняли у сихЪ НародовЪ множество селЪ и часть земли, такЪ что вЪ послѢдней войнѢ Волски, побитые всюду, принуждены были просить перемирія на два года, вЪ намѢреніи симЪ временемЪ поправить свои силы. Молчащая же ихЪ злоба не менѢ вЪ сердцахЪ кипѢла: они во всей Италіи проискивали возбудить новыхЪ непріятелей РимлянамЪ. И такЪ зная неукротимое ихЪ мщеніе, КоріоланЪ надѢялся вооружить ихЪ самихЪ вновь противу Рима. Но онЪ былЪ менѢ удобенЪ, нежели кто другой побудить ихЪ кЪ сему великому намѢренію; ибо онЪ одинЪ болѢ причинилЪ имЪ вреда, нежели всѢ Римляне: онЪ не однажды посѢкЪ на части ихЪ войска, опустошилЪ земли, взялЪ и разграбилЪ города. Имя Коріоланово было столь ненавистно,

вистно, какъ и страшно во всемъ обществѣ Волсковъ.

Сверьхъ того сїя малая республика управляема тогда была Туллїемъ Аттїемъ, полководцемъ сей области, ревнующимъ славѣ Корїолановой, такъ какъ сей всюду его побѣждалъ, гдѣ только они встрѣчались. Таковую досаду полезно скрывать отъ самаго себя, естьли можно, но неудобно простить оную; по чему, казалось бы весьма опасно отдать себя въ руки непрїятеля, который для прикрытїя своего стыда могъ увѣрить Гражданъ своихъ о Государственной въ томъ нуждѣ, чтобъ заключить навсегда такого страшнаго человѣка, или погубить вовсе. Но непреодолимая жадность къ мщенїю дѣлала отважное Корїоланово сердце паче неустрашимымъ; и онъ вознамѣрился явиться прямо къ самому Туллїю.

Корїоланъ въ незнакомомъ образѣ вышелъ изъ своего убѣжища, и

при наступленіи ночи, вошелъ въ Антіумъ, главный городъ общества Волсковъ. Пришедъ прямо къ дому Тулліеву, и не открывая лица, онъ сѣлъ не говоря ни слова на дворовомъ прилавочкѣ. Должно знать, что мѣсто сіе почиталось Священнымъ въ домахъ у древнихъ идолопоклонниковъ. А сей необыкновенный поступокъ пришедшаго, къ тому нѣкоторый видъ надежды, соединенный всегда съ великими людьми, удивилъ бывшихъ при томъ служащихъ, кои не умедлили донести о томъ своему господину. Туллій пришелъ видѣть странника, и спрашивалъ, кто онъ таковъ и чего отъ него желаетъ?

Коріоланъ тогда открылъ лице и говорилъ: „Естьли ты еще меня „не узнаешъ, я Кай Марцій, про„зываюсь Коріоланъ, и кромѣ сего „прозвища не имѣю ничего въ на„гражденіе за мои услуги. Я из„гнанъ изъ Рима Народною ненави-

„стію

„стію и слабостію Вельможъ, кото-
„рымъ я долженъ за себя отмстить.
„Ты можешъ употребить мой мечь
„противу моихъ непріятелей и не-
„пріятелей твоей области. Ежели
„твоя республика не возжелаетъ
„услугъ моихъ, то я тебѣ вручаю
„мою жизнь. Погуби прежняго тво-
„его соперника, который со време-
„немъ можетъ причинить новыя бѣд-
„ства твоему отечеству„.

Туллій удивленъ толь великою смѣлостію, простеръ ему руку, „не
„бойся Марцій, говорилъ онъ ему,
„твоя довѣренность есть залогъ тво-
„ей безопасности; вручая себя, ты
„даешъ намъ болѣ нежели у насъ
„отнялъ. Мы умѣемъ лучше награж-
„дать услуги, нежели твои едино-
„земцы. Справедливо должно, чтобъ
„толь великій Полководецъ ожидалъ
„великихъ воздаяній отъ Волсковъ„.

Онъ отвелъ его по томъ въ свои покои, гдѣ они тайно совѣтовали о средствахъ возобновить войну. Уже упо-

упомянуто было, что продолжалось тогда перемирїе между Волсками и Римлянами; и слѣдовало уговорить Волсковъ, чтобъ прервать сїе перемирїе. Но хотя трудно было къ тому уговорить ихъ, по причинѣ недавно бывшихъ уроновъ и нещастїй претерпѣнныхъ ими въ послѣднюю войну; однако Туллїй согласясь съ Корїоланомъ, нашелъ способъ разжечь вновь ихъ злобу противу Римлянъ. Сїи послѣднїе готовились въ скоромъ времени представлять общенародныя игры, кои почитались частїю Богослуженїя. Сосѣднїе Народы сходились отвсюду, чтобъ видѣть оныя; и во время ихъ, особливо много явилось Волсковъ. Всѣ части города были гостьми наполнены, такъ что иные не нашедъ болѣ домовъ къ своему пристанищу, принуждены были ночевать на Народныхъ мѣстахъ подъ шатрами. Сїе необъятное множество чужестранцевъ привело Консуловъ

ловѣ вѣ безпокойство ; кѣ умноженію же онаго , Туллій велѣлѣ имѣ дать подложную вѣдомость , что Волски намѣрены вѣ разныхѣ мѣстахѣ зажечь городѣ. Консулы не мѣдленно сообщили о томѣ Сенату; и какѣ извѣстна была ненависть Волсковѣ противу Римлянѣ, то Правители велѣли тотчасѣ обнародовать указѣ во всемѣ городѣ , по которому всѣ Волски долженствовали выйти прежде ночи , и предписано было точно , вѣ которыя ворота имѣ надлежало отправиться. Сіе повелѣніе исполнено было сѣ строгостію. Всѣ Волски тотчасѣ были изѣ Рима выгнаны , и каждый пошелѣ вѣ свое жилище, со стыдомѣ безчестія и желаніемѣ отомстить за оное.

Туллій попался имѣ встрѣчу , какѣ будто нечаянно, и услыша сѣ какимѣ безчестіемѣ выслали ихѣ изѣ Рима : „Возможно ли , говорилѣ онѣ возжигая ихѣ мщеніе , чтобѣ

„могли васъ выгнать отъ всенарод-
„наго праздника, и справедливо дол-
„жно сказать, отъ Собранія боговъ
„и человѣковъ, какъ будто злыхъ
„и нечестивыхъ? Можете ли вы по-
„слѣ сего поруганія скрывать отъ
„васъ самихъ ненависть, которую
„противу васъ питаютъ римляне?
„Должны ли вы ожидать, чтобъ они
„первые нарушали перемиріе, чтобъ
„они первые на насъ напали и разгра-
„били вновь наши земли? Вы видите,
„сколь мало они уважаютъ перемирі-
„емъ, поступя съ вами толь безчест-
„но? Вы ли должны ожидать ихъ„?

Наискорѣе учреждено было Собраніе всѣхъ чиновъ; тѣ, кои были болѣ непримиримы, давали мнѣніе, чтобъ вооружиться немедлѣнно къ отмщенію, и чтобъ изтреблять огнемъ и мечемъ все, что принадлежитъ риму. Но Туллій, ведя ихъ по своему мнѣнію, совѣтывалъ прежде всякаго предпріятія, позвать Коріолана въ ихъ Собраніе.

„Сей

„Сей Полководецъ, говорилъ онъ имъ, „будучи болѣ непріятель Римлянъ „нежели Волски, и котораго храбрость мы многажды испытали, „кажется, щастливою судьбою приведенъ сюда исправить нашъ упадокъ. Мы можемъ принять его совѣты; ибо всѣ труды въ исполненіи оныхъ онъ хочетъ раздѣлять „съ нами„.

Римлянинъ призванъ былъ въ Собраніе. Онъ предсталъ тамъ съ огорченнымъ и вмѣстѣ уповательнымъ видомъ. Всѣ обратили глаза на человѣка, который былъ имъ болѣе ужасенъ, нежели всѣ Римляне совокупно, и всѣ слушали его съ почтеніемъ чувствуемымъ къ гонимому достоинству.

„Всѣмъ вамъ извѣстно, говорилъ „онъ имъ, что я былъ осужденъ на „вѣчное изгнаніе, лукавствомъ или „слабостію тѣхъ, кои погибель мою „умыслили, или были сообщники „въ умышленіи. Естьлибъ я искалъ

 „толь-

„только убѣжища, то могъ бы най-
„ти или у Латинянъ, нашихъ союз-
„никовъ, или въ нѣкоторыхъ Рим-
„скихъ поселенiяхъ. Но толь без-
„плодная жизнь была бы мнѣ въ тя-
„гость; и я всегда мню, что луч-
„ше прекратить оную, нежели жить
„не бывъ въ состоянiи ни служить
„друзьямъ своимъ, ни отмщевать
„непрiятелямъ. Таковы мои намѣ-
„ренiя. Я хочу заслужить мечемъ
„моимъ убѣжище, котораго у васъ
„прошу. Соединимъ нашу общую
„месть: вы знаете, что сiи небла-
„годарные Граждане, толь неправед-
„но меня изгнавшiе, вамъ наивоз-
„можнаго зла желаютъ. Гордый
„Римъ угрожаетъ вамъ оковами, и
„вы имѣете главную причину уни-
„зить сихъ страшныхъ сосѣдей. Я
„радуюсь, что вы намѣряетесь во-
„зобновить войну, и могу увѣрить
„васъ, что нѣтъ кромѣ сего друга-
„го средства, прекратить распро-
„страненiе властолюбиваго Народа.
„Но

„Но для успѣха сей войны должно
„оправдать ее предъ богами, или
„по крайней мѣрѣ должно, чтобъ
„люди въ ней находили справедли-
„вость; должно, чтобъ причина
„войны сей, хотя и наружная, за-
„ставила вашихъ сосѣдей принимать
„въ томъ участїе, и привлекла вамъ
„новыхъ союзниковъ. Пошлите спер-
„ва объявить Римлянамъ, что вы
„желаете, вмѣсто краткаго пере-
„мирїя, возставить между двумя
„Народами всегдашнїй миръ; но на
„единственномъ договорѣ отъ По-
„словъ вашихъ, чтобъ вамъ возвра-
„щены были всѣ отнятыя у васъ
„земли, по нещастїю войны, или по
„принужденной отъ васъ уступкѣ.
„Вы знаете, что Римская земля въ
„началѣ своемъ не болѣ простира-
„лась, какъ на пять или на шесть
„стадїй. Сїя малая округа нечув-
„ствительно здѣлалась обширною об-
„ластїю чрезъ завоеванїе, или луч-
„ше сказать чрезъ насильства Рим-

 „лянъ.

„лянъ. Волски, Сабиняне, Эквы,
„Албинцы, Тосканцы, всѣ въ со-
„сѣдствѣ ихъ Народы, обидами отъ
„Римлянъ, потеряли города и часть
„земель своихъ. Всѣ они соединят-
„ся съ вами, будучи въ равныхъ об-
„стоятельствахъ и равно обижены„.

„Естьли Римляне устрашась ва-
„шего оружїя возвратятъ похищен-
„ные у васъ города, села и земли,
„тогда по вашему примѣру и дру-
„гїе Народы Италїи востребуютъ
„каждый, чтобъ отдано было на-
„задъ отнятое у нихъ силою, и
„тогда вдругъ сей гордый Народъ
„останется толь безсиленъ, какъ
„былъ въ своемъ началѣ. Естьли
„же они захотятъ, какъ чаю, удер-
„жать заграбленное насильствомъ,
„то вы будете имѣть въ справед-
„ливой вашей войнѣ Боговъ и людей
„помощниками. Союзники ваши крѣп-
„че соединятся съ вами; а толь
„многочисленнымъ соединенїемъ силъ,
„удобно будетъ истребить, или по

„край-

„крайней мѣрѣ унизить гордую Рим-
„скую Республику. Я не буду го-
„ворить вамъ о себѣ и о малой спо-
„собности, которую я приобрѣлъ
„въ войскѣ. Простымъ воиномъ или
„Полководцемъ, словомъ, какую дол-
„жность вы мнѣ ни назначите, я
„равно не буду щадить моей жизни,
„для отмщенія общимъ нашимъ не-
„пріятелямъ„.

Слова сіи выслушаны были съ удовольствіемъ, такъ какъ они обыкновенно бываютъ пріятны, когда льстятъ и угождаютъ страстямъ нашимъ. Война была по тому предпринята. Предводительство силъ поручено Туллію и Коріолану. А дабы болѣ привязать Римлянина къ Народу Волсковъ, онъ былъ почтенъ званіемъ Сенатора; немедлѣнноже по совѣту его отправлены были въ Римъ Послы. Сіи прибывъ, тотчасъ предложили Римскому Сенату, что ихъ Начальники по примѣру Латинянъ, желаютъ быть въ союзѣ съ Рим-

скимЪ НародомЪ. Но дабы учинить сей союзЪ невредимымЪ. „Мы тре„буемЪ, говорили Послы, чтобЪ ре„спублика возвратила намЪ города „и земли, коихЪ мы лишились не„щастною войною. Сїе будетЪ вѣр„нымЪ залогомЪ ненарушимаго и про„должительнаго мира. ВЪ против„номЪ же случаѣ, мы будемЪ прину„ждены возвращать ихЪ силою „оружїя.„

По выходѣ ПословЪ изЪ Собранїя, СенатЪ не долго разсуждалЪ о предпрїятїи. Римляне не знали уступать по угрозамЪ: такЪ какЪ главный уставЪ Правленїя ихЪ былЪ, чтобЪ не уступать ничего самымЪ торжествующимЪ непрїятелямЪ. И такЪ Послы скоро опять введены были. Первый КонсулЪ отвѣчалЪ имЪ вЪ краткихЪ словахЪ, что страхЪ никогда не принудитЪ РимлянЪ возвратить завоеваннаго ихЪ храбростїю; и что естьли Волски первые начнутЪ войну, то Римляне послѣднїе ее оста-

оставятъ. Съ симъ отвѣтомъ Послы отпущены были. По возвращеніи ихъ послѣдовало войны объявленіе. Туллій и Коріоланъ, которые предвидѣли отвѣтъ Сената, были уже готовы съ войсками выступить къ дѣйствію. Туллій при запасномъ войскѣ остался внутри области, для защищенія входа отъ непріятеля. Между тѣмъ Коріоланъ повелѣвая главнымъ войскомъ, наступилъ на земли Римлянъ и ихъ союзниковъ, грабя ихъ прежде нежели Консулы успѣли принять какія ни будь мѣры къ сопротивленію. По сказанію Тита Ливія, онъ во перьвыхъ выгналъ изъ Цирцеи, заведенныхъ тамъ Римскихъ поселянъ; но Деонисій Галикарнаскій пишетъ, что жители, не смѣя сопротивляться приближающемуся непріятелю, сами отворили ворота, и что Коріоланъ удовольствовался взять отъ нихъ только харчь и платье воинамъ. Онъ отнялъ по томъ у Римлянъ города

именуемые: Сатрикумъ, Лонгулъ, Полуску и Коріоль, кои они недавно завоевали у Волсковъ; взялъ еще Корбіонъ, Вителлію, Требію, Лабикъ и Педумъ; городъ же Волы отважась защищаться, покоренъ былъ мечемъ, и жители его остались жертвою побѣдоноснаго и раздраженнаго непріятеля. Разсѣянные повсюду воины Коріолановы, огнемъ и мечемъ опустошали земли; но при семъ общемъ разграбленіи и пожарѣ, они имѣли тайныя повелѣнія щадить *домы и земли* Патрикіевъ. Коріоланъ оказывалъ толь видимую отличность, или по прежней его привязанности къ обществу своихъ равностепенныхъ, или какъ кажется вѣроятнѣе, чтобъ привесть тѣмъ Сенатъ въ подозрѣніе къ Народу, и умножить несогласіе между ими.

Въ самомъ дѣлѣ хитрость сія произведена была съ успѣхомъ. Народъ не преминулъ явно обвинять Сенатъ, что будто онъ былъ согла-

сенъ

сенъ съ Коріоланомъ, и что призвалъ его нарочно съ сильнымъ войскомъ, въ намѣреніи истребить власть Трибунскую. Патрикіи съ своей стороны упрекали Народу, что онъ жестокостію своею принудилъ великаго Полководца отъ отчаянія передаться къ непріятелю. Подозрѣнія, недовѣренность и ненависть съ обоихъ сторонъ умножились; и въ семъ развратѣ Римляне болѣ старались огласить и погубить междоусобныхъ непріятелей, нежели сопротивляться Волскамъ. Консулы укрываясь за стѣнами Рима, медлѣнно готовились къ отпору. Спурій Навцій и Секстъ Фурій, вступя на мѣсто бывшихъ, не оказали лучшей храбрости и успѣшнаго предпріятія; но видимо было, что они страшились вступить въ сраженіе съ великимъ Полководцемъ. Народъ и Трибуны, гордые только на площади, не имѣли смѣлости на войну вписываться. Никто не хотѣлъ

итти

итти изъ Рима, или мало надѣясь на своихъ Полководцевъ, или видя себя оставленными отъ своихъ союзниковъ, которые съ щастїемъ ихъ перемѣнились.

Корїоланъ не находя въ полѣ никакого сопротивленїя, часъ отъ часу ближе подступаетъ, беретъ городъ Лавинїй, и учреждаетъ уже свой станъ у Клуильянскихъ рвовъ, за пять стадїй отъ Рима.

Отъ слуха щастливыхъ его успѣховъ, большая часть Волсковъ прибѣгаютъ въ *войско Корїоланово*. Воины Туллїевы въ надеждѣ взять и грабить Римъ, оставляютъ своего Полководца, и не признаютъ другаго, кромѣ Римлянина. Корїоланъ по сему преимуществу, подобно какъ бы новую побѣду одержалъ надъ Туллїемъ, который съ того времени возчувствовалъ въ сердцѣ тайную противу его ненависть. Вся Италїя обратила очи на Римлянъ и Волсковъ, которые одною только

ко перемѣною Полководцевъ, видѣли великое обращенiе въ своемъ щастiи: толь дѣйствительна сiя правда, что силы Государства состоятъ мѣнѣ въ числѣ и храбрости войска, нежели въ способности имъ повелѣвающаго. Ужасъ всѣми обладалъ въ Римѣ. Народъ видя съ высоты стѣнъ, повсюду въ полѣ господствующихъ непрiятелей, проситъ мира съ великимъ воплемъ. Въ слухъ говорятъ на площади, что надлежитъ уничтожить приговоръ Корiоланова осужденiя, и призвать назадъ изгнаннаго Полководца. Словомъ, самый тотъ Народъ, который недавно съ непреклонною жестокостiю искалъ его погибели, съ равною по томъ ревностiю и усердiемъ проситъ его возвращенiя.

Большая часть Патрикiевъ воспротивились тому, можетъ быть для показанiя, что они не были согласны съ Корiоланомъ, или единственно по сей обыкновенной у Римлянъ воин-

воинской добродѣтели, которая въ худыхъ успѣхахъ дѣлала ихъ болѣ непримиримыми. Тогда произшелъ отъ Сената сей гордый и высокїй отвѣтъ, но который не былъ наблюдаемъ въ послѣдствїи, то есть: пока Римляне имѣютъ оружїе въ рукахъ, не уступятъ никогда ничего сопротивнику.

Корїоланъ раздраженный симъ отвѣтомъ, не останавливается на мѣстѣ, идетъ прямо къ Риму, и окружаетъ Городъ осадою. Толь смѣлое намѣренїе привело Патрикїевъ и Народъ въ крайнїй ужасъ. Всѣ теряли отвагу, и не знали къ чему приступить. Страхъ преодолѣлъ ненависть: Сенатъ тогда согласно съ Народомъ желаетъ просить мира, и уже отправляетъ къ Корїолану посланныхъ. Для сего избраны были пять прежде бывшихъ Консуловъ (*), имянно тѣ, кои въ Сенатѣ наиболѣ ему благопрїятствовали. Вол-

(*) Сїи пять Консуловъ были: Маркъ Минуцїй Постумїй, Сервїй Минуцїй,

Волски провели сихъ посланныхъ промежъ дву рядовъ вооруженныхъ воиновъ, и Коріоланъ, окруженный главными военнослужителями, принялъ ихъ сидя на своемъ Трибуналѣ съ гордостію побѣдителя, который хочетъ давать законы.

Римляне увѣщевали его кроткими и убѣдительными словами, чтобъ онъ далъ миръ обоимъ Народамъ. Они заклинали Коріолана, чтобъ онъ даруя Волскамъ оружіемъ своимъ побѣду надъ Римомъ, не простиралъ ее далѣ противу своего отечества. Но на всѣ ихъ прозьбы не получили инаго, кромѣ сего жестокаго отвѣта, что Римляне могутъ вступить въ миръ на такихъ договорахъ, что они возвратятъ Волскамъ отнятыя у нихъ земли, дадутъ симъ Народамъ равное право мѣщанства, какое получили Латиняне, и переведутъ къ себѣ Римскія

Спурій Ларцій, Публій Пинарій, Квинтъ Сулпицій.

скія поселенія изъ городовъ, которыми они неправедно завладѣли. Коріоланъ будучи не преклоненъ, въ томъ что касалось до общенародной пользы, говорилъ на послѣдокъ съ посланными весьма ласковымъ образомъ. Онъ предлагалъ имъ особо отъ себя, сдѣлать все то въ ихъ удовольствіе, что они могли справедливо требовать отъ древняго ихъ друга. Но сіи великодушные Римляне не просили у него другой милости, какъ только чтобъ онъ отступилъ отъ окрестъ Рима, на время пока Сенатъ и Народъ примутъ намѣреніе къ войнѣ, или къ миру. Коріоланъ, въ уваженіе ихъ прозьбы, далъ имъ тритцать дней свободы; но съ тѣмъ, что онъ прекращаетъ войну на одной только землѣ Римской: по томъ отпустилъ посланныхъ, сказавъ имъ, чтобъ Сенатъ чрезъ тритцать дней прислалъ ему рѣшительный отвѣтъ. Симъ временемъ онъ взялъ еще многіе

города Латинскїе, и по томъ вновь явился, со всѣмъ своимъ войскомъ, подъ стѣнами Рима.

Вновь отправлены были къ нему посланные, кои заклинали его, чтобъ онъ не требовалъ ничего противу достоинства имени Римскаго. Твердъ и неумолимъ съ природы, Корїоланъ, безъ наружнаго гнѣва равно безъ жалости, отвѣчалъ имъ съ холоднымъ видомъ, что Римляне не имѣли ничего избирать, кромѣ войны или отдачи похищеннаго; что онъ оставлялъ имъ еще только три дни на размышленїе, и что по томъ не позволяется имъ въ его станъ возвращаться.

Приходъ въ Римъ безъ успѣха посыланныхъ усугубилъ Народный ужасъ. Всѣ прибѣгаютъ къ оружїю, иные на стѣнахъ ополчаются, другїе у воротъ стражу составляютъ, боясь измѣны отъ тайныхъ сообщниковъ Корїолановыхъ; другїе же укрѣпляются даже въ домахъ сво-

ихЪ, какЪ будто непрiятель уже овладѣлЪ городомЪ. ВЪ семЪ смятенiи не было ни порядка, ни послушанiя. Консулы, не зная что дѣлать вЪ страхѣ, казалось, будто отреклись отЪ должности своего званiя; не слышно было о ТрибунахЪ, и сiи тогда вЪ трепетѣ молчали. Во всеобщемЪ страхѣ каждый особо дѣлалЪ то, кЪ чему его робость нудила. Не тѣ уже являлись, прежде толь гордые и храбрые Римляне; казалось что мужество сего Народа переселилось сЪ КорiоланомЪ вЪ сердца ВолсковЪ. СенатЪ собирается совѣтовать, но не находитЪ изЪ множества совѣтовЪ ни одного полезнаго, и ни одного намѣренiя достойнаго Римскаго имени. Лучшее средство избрано отправить еще посланныхЪ кЪ непрiятелю, и для умоленiя его посылается Священный чинЪ богослуженiя.

Богослужители, Жрецы, Авгуры, блюстители Святостей, облеченные

ные въ ихъ служебныя одежды, выходятъ изъ Рима, какъ будто ради почести какому либо божеству. Они входятъ въ непріятельскій станъ, съ важнымъ и смиреннымъ видомъ, свойственнымъ къ убѣжденію Народа. Главный изъ нихъ начавъ слово, заклинаетъ Коріолана должнымъ къ богамъ почтеніемъ и наисвященнѣйшими въ законѣ вещами, даровать миръ своему отечеству; но и Священнѣйшія вещи не преклонили суроваго и неукротимаго Коріолана. Онъ имъ отвѣчалъ, что просимый ими миръ зависѣлъ единственно отъ Римлянъ, и что они его получатъ, какъ скоро примутъ мѣры, возвратить своимъ сосѣдямъ отнятыя у нихъ земли. Онъ прибавилъ къ тому, что ему извѣстно, какъ первые Римскіе Цари, единственно для побужденія Римлянъ къ завоеваніямъ и къ оправданію своихъ грабительствъ, хитро внушили Народу, что будто боги опредѣлили Римлянамъ об-

ладать вселенною; равно извѣстно что Сенатъ старался вкоренить сїе предъубѣжденїе, которое свято почтено закономъ; что предувѣренный и наглый Народъ въ своихъ Пророчествахъ, находилъ справедливыми и святыми всѣ войны къ разширенїю границъ своего отечества; но что Римскїе сосѣди не почитали себя обязанными, вѣрить такимъ подозрительнымъ и корыстолюбивымъ откровенїямъ; что видимое обстоятельство довольно показывало ложь ихъ прорицанїя; что онъ не притворяясь, совершенно былъ надеженъ, въ маломъ времени, завладѣть городомъ; что Римляне, не отдая неправедно приобрѣтенныхъ имѣнїй, подвергают себя лишенїю своихъ собственныхъ; и что надлежитъ до него, онъ свидѣтельствовался богами въ невинной необходимости проливать кровь, чрезъ собственное упрямство Римлянъ, кои сами не щадя оной, хотятъ удерживать плоды ихъ похищенїя.

щенія. По томъ оказавъ имъ нѣкоторые знаки наружнаго почтенія, которое онъ почиталъ принадлежащимъ святости ихъ чина, отправилъ ихъ назадъ немедлѣнно; но не убавилъ ничего отъ первыхъ своихъ требованій.

По возвращеніи въ Римъ Священнаго чина съ равною неудачею, республика чаяла быть при концѣ своего паденія. Храмы наполнились стариками, женами и дѣтьми, кои всѣ со слезами къ олтарямъ припадая, просили боговъ о сохраненіи своего отечества. Въ толь жалостномъ состояніи находился городъ, когда Римлянка, по имени Валерія, сестра Валерія Публиколы, какъ будто предводима нѣкимъ божественнымъ вдохновеніемъ, вышла изъ Капитоліи, во многочисленномъ послѣдованіи женъ подругъ своихъ, которымъ она открыла свое намѣреніе, и шествовала прямо къ дому Ветуріи, матери Коріолановой. Во вре-

мя, какъ жены соборомъ пришли къ ней на посѣщенїе, оная тогда съ Волумнїею, женою изгнаннаго своего сына, оплакивала вмѣстѣ общее свое нещастїе, и видимое нещастїе Рима.

Валерїя подступила къ нимъ съ печальнымъ видомъ, своиственнымъ по тогдашнему состоянїю республики. „Се римлянки, говорила она „имъ, прибѣгаютъ къ двумъ рим-„лянкамъ для спасенїя общаго наше-„го отечества. Не попустите, слав-„ныя жены, риму разориться отъ „Волсковъ, и непрїятелямъ похи-„тить нашу вольность. Пойдемъ „вмѣстѣ, въ самой станъ Корїола-„новъ, просить у него мира его со-„гражданамъ Вся наша надежда „остается на васъ, какъ вѣдомо „всѣмъ его почтенїе, и нѣжная лю-„бовь къ славной своей матери и „добродѣтельной супругѣ. Просите, „приступайте, уговаривайте: чув-„ствительное его сердце не можетъ

„воз-

„возпротивиться слезамъ вашимъ.
„Мы всѣ съ нашими младенцами по-
„слѣдуемъ за вами и упадемъ къ
„ногамъ его. Можетъ быть Боги
„призрѣвъ на скорбь нашу, сохра-
„нятъ сей городъ, который кажет-
„ся людьми оставленъ.

Слезы лїющїяся изъ очей Вале-
рїи, пресѣкли жалостную рѣчь ея,
на которую Ветурїя отвѣчала съ
равнымъ соболѣзнованїемъ: „Вы при-
„бѣгаете, Валерїя, къ слабой под-
„порѣ, ища помощи отъ двухъ жен-
„щинъ погруженныхъ въ отчаянїи.
„Съ самаго того нещастнаго дня,
„когда ожесточенный Народъ непра-
„ведно изгналъ Корїолана, прекра-
„тились сыновнее почтенїе и нѣж-
„ная любовь, прежде отъ него являе-
„мые къ своей матери и къ милой
„женѣ своей. По выходѣ изъ Собра-
„нїя, гдѣ его осудили, онъ пред-
„сталъ къ намъ не чувственъ отъ
„огорченїя, и пребывъ нѣсколько ми-
„нутъ въ задумчивомъ молчанїи:

„Быть такъ, сказалъ намъ, я обви-
„ненъ; неблагодарные Граждане из-
„гоняютъ меня навсегда изъ моего
„отечества. Сносите сей ударъ не-
„щастія съ великодушіемъ, достой-
„нымъ двухъ, каковы вы, римля-
„нокъ. Препоручаю вамъ моихъ дѣ-
„тей: простите, я ухожу и остав-
„ляю безъ сожалѣнія городъ, въ ко-
„торомъ правдивые люди не терпи-
„мы. Онъ отдалялся говоря сіи сло-
„ва. Мы предприняли за нимъ
„слѣдовать. Я вела большаго его
„сына за руку, а Волумнія облива-
„ясь слезами несла малаго на рукахъ
„своихъ. Но Коріоланъ обратя гроз-
„ное лице сказалъ намъ: не слѣдуй-
„те далѣ, и прекратите безполез-
„ныя жалобы. У тебя нѣтъ болѣ
„сына, великодушная мать, и ты
„Волумнія достойнѣйшая хвалы изъ
„всѣхъ женъ, знай что твой мужъ
„навсегда съ тобою разстался.
„Пусть богамъ будетъ угодно, чтобъ
„ты скоро нашла другова, достой-
„наго

„наго твоей добродѣтели и болѣ щастливаго нежели Корїолана! Жена его отъ толь суровыхъ и безчеловѣчныхъ словъ упала въ обморокъ; а между тѣмъ какъ я старалась подать ей помощь, онъ оставилъ насъ съ жестокостїю варвара, не давъ съ собою въ послѣднїй разъ проститься, и не явя ни малѣйшаго знака сожалѣнїя къ нещастной судьбѣ нашей. Онъ вышелъ изъ Рима одинъ, безъ служителей, безъ денегъ, ниже увѣдомилъ насъ куда свой путь предпринялъ. Со времени, какъ насъ покинулъ, онъ не освѣдомлялся о своемъ домѣ и не далъ намъ о себѣ никакой вѣсти, какъ будто бы, въ общей его ненависти противу своего отечества, мать его и жена были главные его непрїятели.

„Какихъ успѣховъ можете вы ожидать отъ нашей прозьбы къ толь неутолимому человѣку? Двѣ женщины могутъ ли умягчить то

„жестокое сердце, которое сами бо-
„гослужители не могли умилости-
„вить? Но отважась просить его,
„что я ему скажу? Что я могу
„справедливо отъ него требовать?
„То ли, чтобъ онъ простилъ небла-
„годарнымъ Гражданамъ, которые
„поступили съ нимъ какъ будто съ
„виновнымъ въ наивеличайшемъ зло-
„дѣйствѣ? То ли, чтобъ онъ имѣлъ
„жалость къ неистовому Народу,
„который не сжалился надъ его не-
„винностїю? То ли, чтобъ онъ измѣ-
„нилъ тѣмъ людямъ, которые не
„только дали ему убѣжище, но
„предпочтили его самымъ первымъ
„своимъ Гражданамъ, поручивъ ему
„предводительство войска? Съ ка-
„кимъ лицемъ предложу я ему, чтобъ
„онъ оставилъ толь великодушныхъ
„покровителей, для врученїя себя
„вновь своимъ жестокимъ непрїяте-
„лямъ? Мать и жена Римлянки, мо-
„гутъ ли принуждать съ благопри-
„стойностїю сына или мужа, къ
„без-

„безчестному поступку, противно-
„му богамъ и людямъ? Бѣдственно
„такое состоянїе, въ которомъ не
„сильны мы ненавидѣть самаго гроз-
„наго непрїятеля нашего отечества!
„И такъ оставьте насъ въ безпомощ-
„ной нашей участи, и не мѣшайте
„намъ справедливо оплакивать оную„.

Валерїя и протчїя жены ей послѣдовавшїя отвѣчали на то одними только слезами. Иныя цѣлуютъ ея ноги, другїя умоляютъ Волумнїю, соединить свои прозьбы съ ихъ общими; всѣ заклинаютъ Ветурїю, не отказать сїю послѣднюю помощь къ избавленїю своего отечества. Напослѣдокъ убѣждена неотступными прозьбами, мать Корїоланова обѣщала имъ исправить сїе новое Посольство, естьли Сенатъ будетъ на то согласенъ. Валерїя сообщила о томъ Консуламъ, а сїи предложили оное въ полномъ Сенатѣ. Долго о томъ разсуждаемо было; иные противурѣчили для страха, чтобъ Корїо-

ланъ не удержалъ всѣхъ сихъ женщинъ знатнѣйшихъ въ Римѣ, и симъ способомъ напослѣдокъ не прокрался бы безвозбранно въ городъ; иные же еще хотѣли беречь нарочно мать, жену и дѣтей Коріолановыхъ, почитая ихъ залогами, кои могутъ его принудить къ нѣкоторой пощадѣ. Но большая часть Сенаторовъ согласились къ женскому посланію, говоря, что боги наставившіе Валерію на сіе благочестивое дѣло, конечно ей въ томъ помогутъ, и что не должно опасаться Коріолановой несправедливости, который хотя былъ гордъ, суровъ и не преклоненъ, однако не свойственъ къ нарушенію права людей.

Сіе мнѣніе справедливо утверждено было; и на завтрѣ всѣ знатнѣйшія Римскія жены собрались къ Ветуріи. Консулы приказали приготовить для нихъ возницы, въ которыхъ онѣ тотчасъ отправились безъ провожатыхъ, по пути къ непріятельскому стану. Ко-

Коріоланъ увидя издали ѣдущія долгою цѣпью повозки и колесницы, послалъ о томъ развѣдать. Въ маломъ времени ему донесли, что мать его, жена и великое число другихъ женщинъ ѣдутъ точно къ стану. Въ началѣ онъ удивился, что Римскія жены, воспитанныя въ строгой неприступности къ ихъ особливой чести, могли отважиться пріѣхать безъ провожатыхъ въ непріятельское войско, гдѣ воины обыкли ко всякимъ вольностямъ. Разсуждая по сему новому посольству о видахъ Римлянъ, онъ уразумѣлъ, что сей былъ послѣдній способъ, который Сенатъ употребилъ, дабы склонить его къ миру. Онъ вознамѣрился принять ихъ съ такимъ же почтеніемъ, какое онъ явилъ Священному чину, то есть, оказать симъ отличнымъ женамъ всѣ должныя имъ почести, и ничего не исполнить по ихъ прозьбамъ. Но онъ надѣялся на твердость, ко-

торая была выше его силы. Какъ скоро онъ увидѣлъ мать и жену свою идущихъ предъ симъ строемъ Римлянокъ, то бывъ тронутъ и обрадованъ видомъ толь любезныхъ ему особъ, бросился въ ихъ объятія. Радость при свиданіи съ обѣихъ сторонъ, въ началѣ изъявлялась только слезами; но давъ нѣсколько времени перьвымъ движеніямъ природы, Ветурія хотѣла начать рѣчь Посольства. Коріоланъ, чтобъ не быть въ подозрѣніи у Волсковъ, приказалъ позвать главныхъ чиноначальниковъ своего войска, дабы они были свидѣтелями ихъ разговоровъ. По собраніи ихъ, Ветурія для уваженія предъ сыномъ будущей своей прозьбы говорила, что всѣ сіи знаемыя ему Римскія жены, и которыя были изъ перьвыхъ домовъ въ республикѣ, оказали въ его отсутствіи наивозможное стараніе и дружбу къ утѣшенію ее и Волумніи жены его; что нынѣ съ жалостію взи-

рая

рая на лютость войны, и боясь нещастныхъ слѣдствій отъ осады Рима, они пріѣхали вновь просить его объ мирѣ. Она заклинала его именемъ Боговъ дать оной своему отечеству, и обратить на другія области силу своего оружія.

Коріоланъ ей отвѣтствовалъ, что онъ прогнѣваетъ самыхъ тѣхъ же Боговъ, передъ которыми онъ клялся быть вѣрнымъ Волскамъ, естьли склонится на толь несправедливое требованіе; что онъ не можетъ измѣнить тѣмъ, кои возведя его на почтенную степень въ своемъ Сенатѣ, къ тому еще вручили ему отличную власть повелѣвать войскомъ; что онъ въ Антіумѣ пріобрѣлъ болѣ чести и добра, нежели потерялъ въ Римѣ неблагодарностію согражданъ своихъ; и что она найдетъ свое благополучіе, естьли захочетъ съ нимъ раздѣлить оное, передавшись къ справедливой сторонѣ своего сына, и наслаждаясь меж-

ду

ду Волсками почестью, какую воздадутъ они матери ихъ Полководца.

Присудствующіе при семъ разговорѣ Волски оказали, что они весьма были довольны симъ отвѣтомъ. Но Ветурія, не входя въ сравненіе Рима съ Антіумомъ, которое могло бы ихъ озлобить, сказала только своему сыну, что она не потребуетъ никогда ничего противу его чести; но что онъ могъ не нарушая обязанности своей у Волсковъ, учинить миръ равно полезный обоимъ Народамъ. „И можешь ли сынъ мой, „говорила она возвыся голосъ, отвергнуть толь справедливое пред„ложеніе, не показавъ, что ты „предпочитаешь жестокое и упря„мое мщеніе слезамъ твоей матери? „Помысли, что отъ твоего отвѣта „зависитъ моя слава и самая жизнь „моя. Естьли я возвращусь въ Римъ „съ надеждою скораго мира и съ „увѣреніемъ о твоей благосклонности,

„то

„то съ какимъ восторгомъ радости
„встрѣтятъ меня мои сограждане!
„и какихъ благодарностей не изъя-
„вятъ мнѣ за мою услугу! Оста-
„токъ жизни, который Боги мнѣ
„еще на землѣ опредѣляютъ, я про-
„веду въ чести и славѣ. Щастіе
„мое и по сей временной жизни не
„кончится. Естьли правда, что
„души наши по смерти въ различ-
„ныхъ селеніяхъ вѣчнуютъ, то я
„не буду тогда страшиться сихъ
„подземныхъ и мрачныхъ мѣстъ, ку-
„да злые отсылаются. Самыя Ели-
„сейскія поля, сладкое жилище наз-
„наченное для праведныхъ, не бу-
„дутъ довольнымъ мнѣ награжденi-
„емъ. Избавя Римъ, угодный Юпи-
„теру городъ, я смѣю уповать, что
„душа моя водворится въ ту свѣт-
„лую и горнюю обитель воздушную,
„которая уготована, какъ сказыва-
„ютъ, чадамъ боговъ безсмертныхъ.
„Но я чрезмѣрно вдаюсь толь слад-
„кому воображенiю. Чего должна я

„ожидать на противу того, естьли
„ты не преклоненъ будешь въ сей
„ненависти, которой дѣйствїе мы
„уже довольно возчувствовали? По-
„селяне наши изгнаны твоимъ ору-
„жїемъ изъ многихъ городовъ, кои
„подвластны были Риму. Свирѣпые
„твои воины, всюду по полямъ раз-
„сѣянные, всюду оставляя слѣды
„оружїя и пламени, не довольно ли
„могли напитать твое мщенїе? Ты
„имѣлъ еще жадность притти гра-
„бить ту землю, въ которой ты
„родился, и долгое время воспиты-
„вался. Когда ты приближился къ
„Риму, не уже ли отдалились отъ
„твоего сердца, не уже ли не пред-
„стали тебѣ въ мысль твои Боги,
„твой домъ, твоя мать, твоя жена
„и твои дѣти въ немъ пребывающїе?
„Чаешь ли ты, что стерпя поно-
„сный отказъ твой и нося стыдъ
„онаго, я буду спокойно ожидать,
„чтобъ твое оружїе рѣшило нашу
„участь? Римлянка не боится уме-
„реть,

„реть, когда умереть должно. Есть-
„ли я не могу склонить тебя, то
„знай, что я вознамѣрилась въ тво-
„ихъ глазахъ скончать животъ мой.
„Ты не инако въ Римъ войдешь, какъ
„наступая на бездыханное тѣло той,
„которая тебѣ жизнь дала; и есть-
„ли толь жалостное зрѣлище не-
„удобно остановить твоей люто-
„сти, помысли по крайней мѣрѣ,
„что жена твоя и дѣти въ узахъ,
„которые ты на Римъ наложишь,
„не могутъ избѣжать смерти, или
„скораго порабощенія.„

Коріоланъ колеблемый различны-
ми страстьми казался быть въ не-
доумѣніи. Ненависть и мщеніе со-
противились въ его сердце, произве-
денной толь убѣдительными слова-
ми чувствительности, противу его
чаянія. Ветурія видя, что онъ ко-
лебался, и боясь чтобъ злоба не
преодолѣла жалость, продолжала не
дая ему времени на размышленіе:
„Для чего, мой сынъ, не отвѣтству-

„ешь? Забылъ ли ты твою мать? „забылъ ли ты попеченія мои о „твоемъ дѣтствѣ? Ты, который „воюешь, отмщевая за неблагодар„ность твоимъ согражданамъ, мо„жешь ли, не впадая самъ въ нака„зываемое тобою преступленіе, от„казать мнѣ милость въ жизни пер„вую, о которой только нынѣ тебя „я просить могла? Естьлибъ я тре„бовала, чтобъ ты измѣнилъ Вол„скамъ, твоимъ великодушнымъ прі„ятелямъ, ты имѣлъ бы тогда спра„ведливую причину не внимать та„коваго предложенія. Но Ветурія не „имѣетъ свойства склонять своего „сына къ какой либо подлости, и „твоя слава мнѣ всегда болѣ драго„цѣнна, нежели жизнь моя. Я толь„ко требую, чтобъ ты отдалилъ „твое войско отъ Рима и отсрочилъ „войну на годъ, чтобъ между тѣмъ „можно было принять здравые спо„собы къ возстановленію всегдашня„го мира. Я тебя, мой сынъ, за-

„клинаю

„клинаю въ томъ именемъ всещедра-
„го и всемогущаго Юпитера главно-
„присудственнаго въ Капитолїи; за-
„клинаю тебя тѣнями твоего отца
„и твоихъ предковъ. Естьли прозь-
„бы мои и слезы неудобны смяг-
„чить тебя, зри мать у ногъ тво-
„ихъ просящую спасенїя своему оте-
„честву„. При сихъ словахъ проли-
вая слезы, она объемлетъ его ко-
лѣна; жена его и дѣти равно пада-
ютъ и лобызаютъ его ноги. Всѣ
Римлянки, за ними послѣдовавшїя,
плачутъ и вопїютъ, чтобъ явилъ
онъ имъ милость.

Корїоланъ возхищенъ, и какъ
бы внѣ себя видя Ветурїю у ногъ
своихъ, вскричалъ: О! моя мать,
что ты дѣлаешь! поднявъ же ее и
пожавъ увѣрительно ея руку: Римъ
избавленъ, сказалъ онъ, но твой
сынъ погибъ: такъ какъ предви-
дѣлъ, что Волски не простятъ ему
оказаннаго снисхожденїя на ея прозь-
бы. По томъ онъ особо отвелъ

 ее

ее съ своею женою, и согласился съ ними такъ, что онъ уговоритъ главныхъ своихъ въ войскѣ отступить отъ города; что употребитъ всѣ силы и старанія къ исходатайствованію мира отъ общества Волсковъ; естьли же бывшія въ войнѣ удачи сдѣлаютъ ихъ упрямыми, и онъ не получитъ желаемаго успѣха, то онъ сложитъ съ себя должность главноповелителя и удалится въ какой ни будь чуждый отъ войны городъ; а тогда его друзья въ Римѣ могутъ употребить старанія о его призывѣ и возвращеніи въ отечество.

Онъ разстался по томъ съ матерью и женою, обнявъ ихъ съ горячностію, и началъ помышлять о изходатайстованіи достодолжнаго мира своему отечеству.

На другой день онъ собралъ военный совѣтъ, гдѣ представилъ всѣ трудности осады подъ такимъ городомъ, который защищаемъ былъ

сильнымъ внутри войскомъ, и въ которомъ столько было воиновъ, сколько находилось жителей; по чему заключилъ, что надлежало отступить. Никто не противорѣчилъ его мнѣнію, хотя по бывшемъ произшествіи извѣстна была причина, которая его къ тому побудила. Войско слѣдовало обратно; и Волски болѣ убѣждены сыновнимъ почтеніемъ отъ Коріолана къ матери, нежели собственною ихъ пользою, разошлись каждый по своимъ жилищамъ.

Но Туллій погасилъ въ себѣ прежнее къ Коріолану доброжеланіе, ревнуя къ славѣ, которую сей приобрѣлъ между воинами; а предлежащій случай далъ ему способъ погубить своего соперника. Какъ скоро Коріоланъ возвратился въ Антіумъ, то Туллій явно возсталъ на него, разглашая, что онъ измѣнилъ Волскамъ. Обвиненный требовалъ, чтобъ позволено ему было оправ-

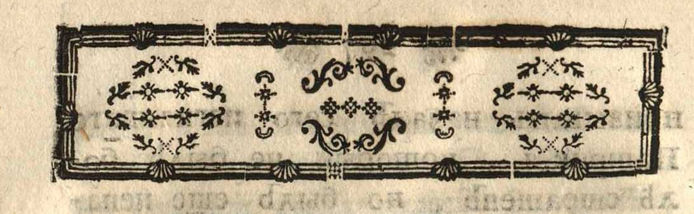
дать свой поступокъ передъ общимъ Государственнымъ совѣтомъ. Но старый Полководецъ Волсковъ, боясь не менѣ Коріоланова краснорѣчія какъ храбрости, произвелъ въ народѣ мятежъ, которымъ пользуясь сообщники Тулліевы, напали на Римлянина и его закололи. Сего на послѣдокъ ожидать было должно, и сія участь неизбѣжна почти для всѣхъ тѣхъ, кои къ нещастію вооружаются противу своего отечества.

Такъ кончилъ жизнь сей великій человѣкъ, по истиннѣ сказать, чрезмѣрно гордый для республиканина; но который, по своимъ отличнымъ достоинствамъ и заслугамъ, могъ ожидать лучшаго воздаянія отъ Волсковъ и отъ Римлянъ.

По извѣстіи въ Римѣ о его смерти, Народъ не оказалъ при томъ ни радости ни сожалѣнія; а можетъ быть доволенъ былъ, что Волски освободили его отъ труда

призывать назадъ сего изгнаннаго Патрикія, который не былъ болѣ страшенъ, но былъ еще ненавидимъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.



КНИГА III.

Каій Спурій Виселинъ, Патрикій ласкаетъ себя надеждою сдѣлаться Римскимъ Царемъ, проискивая путь къ престолу способомъ несогласій въ городѣ. Онъ хочетъ привлечь Народъ въ свою пользу, предлагая Сенату, чтобъ повелѣно было учинить размежеваніе завоеванныхъ земель, которыя бы раздѣлены были поровну между Гражданами; а сему уряду дано названіе законъ Аграрій, то есть, законъ помѣстный или межующій. Виргиній товарищъ Кассіевъ въ Консульствѣ, и Квинтъ Рабулей народный Трибунъ, равно препятствуютъ исполненію сего предложенія. Сенатъ учиняетъ приговоръ, кото-

рымъ даетъ власть Квинту Фабїю и Квинту Корнелїю, назначеннымъ впредь Консуламъ, назвать довѣренныхъ для раздѣла земель. Кассїй осужденъ на смерть. Менепїй, сынъ Агриппы и Спурїй Сервилїй подпали подъ судъ чрезъ Трибуновъ, кой мстили имъ за то, что они въ ихъ Консульство спорили противу помянутаго выбора довѣренныхъ. Первый осужденъ къ денежному взысканїю, и затворяется въ своемъ домѣ, гдѣ умерщвляетъ себя голодомъ; другїй избавляется отъ равной напасти чрезъ свою твердость. Волеро. Законъ, который онъ предлагаетъ для учрежденїя собранїй по Трибамъ. Законъ сей утверждается не взирая на Аппїя. Трибуны согласно съ Консулами требуютъ исполненїя Сенатскаго приговора, касающагося до раздѣла завоеванныхъ владѣнїй. Аппїй препятствуетъ оному. Смерть сенатора даетъ способъ Трибунамъ

начать

начать вновь ихъ требованія, но безъ успѣха.

20. Народъ ненавидѣлъ Патрикіевъ по одной только ревности, видя ихъ главными въ правленіи. Но какъ Сенатъ не имѣлъ еще отъ того дальнѣйшаго урона, кромѣ возстановленія Трибуновъ и изгнанія одного Гражданина, то ревностные Республикане въ Римѣ были довольны симъ противовѣсіемъ, которое уравнивая силу Вельможъ съ властію Народа, способствовало къ сохраненію общей вольности. При такомъ расположеніи разумовъ, нѣкто властолюбивый Патрикій чаялъ умножа несогласіе, и содѣлавшись предводителемъ надъ одною частью изъ двухъ спорящихъ, найти путь къ низведенію обѣихъ, и на ихъ упадкѣ основать свое собственное возвышеніе.

267 или 268 год. Сей Патрикій назывался Спурій Кассій Виселинъ. Онъ бывалъ главнымъ повелителемъ войскъ, полу-

чилЪ честь Трїумфа, и былЪ третїй разЪ КонсуломЪ вЪ семЪ предлежащемЪ случаѣ; однако былЪ сЪ природы тщеславенЪ и высокомѣренЪ, превозносился своими заслугами, сЪ презрѣнїемЪ другихЪ равно заслуженныхЪ людей, и присвоевалЪ одному себѣ всю славу добрыхЪ успѣховЪ. Вдавшись же своему властолюбїю, онЪ отважился простирать виды кЪ престолу, не взирая что воцаренїе общенародно и законами было уничтожено. И такЪ вЪ тайномЪ предпрїятїи, которое онЪ издавна умыслилЪ кЪ содѣланїю себя ЦаремЪ, онЪ не колебался сомнѣнїемЪ, кЪ которой сторонѣ пристать надлежало. ОнЪ прежде всего предприялЪ склонить кЪ себѣ НародЪ, который всегда слѣпо вручается тѣмЪ, кои умѣютЪ его обманывать подЪ внѣшнимЪ видомЪ попеченїя о его пользѣ.

Пристрастїе его явно было, и во время втораго его Консульства

при

при возстановленіи Трибуновъ, хотя можно было по справедливости причесть политическія его старанія къ желанію видѣть Народъ въ согласіи съ Сенатомъ; но обоюдный его поступокъ въ настоящемъ случаѣ въ разсужденіи Герниковъ и Римскаго Народа, удостовѣрилъ точно Сенатъ, что онъ имѣлъ другіе виды и другія корысти особо отъ Республики.

Герники или Герникіяне, были сіи малые сосѣдніе Риму Народы, которые, какъ мы упомянули, обитали недалеко отъ Латіи. По смерти Коріолановой они соединились съ Волсками противу Римлянъ. Аквилій, который былъ тогда Консуломъ съ Титомъ Сициніемъ, ихъ побѣдилъ. Кассій, преемникъ его въ Консульствѣ и въ произведеніи сей войны, принудилъ ихъ однимъ только страхомъ своего оружія просить мира: они предложили о томъ Сенату, который отослалъ ихъ къ Консулу.

Кассій,

Кассїй, въ упованїи на сїю ему довѣренность, не сообща Сенату о договорѣ, заключилъ миръ съ Герниками, и уступилъ имъ треть земель ихъ. Онъ имъ далъ, по силѣ того же условїя, весьма желаемое названїе *союзниковъ* и *Гражданъ Римскихъ*, такъ что побѣжденные воспользовались равными преимуществами, какъ бы они Римлянъ побѣдили. А дабы сдѣлать себѣ сообщниковъ внутри и внѣ Государства, онъ отдалъ половину взятыхъ земель у Герниковъ Латинянамъ, остатки же бѣднымъ Плебеянамъ въ Римѣ. Онъ покусился также вымогать, у нѣкоторыхъ жителей, зе́мли которыя онъ называлъ общими, и которыя еще хотѣлъ раздать бѣднымъ Гражданамъ. Предъ симъ онъ требовалъ честей Трїумфа съ такимъ надѣянїемъ, какъ будто бы онъ одержалъ преславную побѣду, и единственно по своему доступу и силѣ выпросилъ оную честь, которая

рая воздавалась только тѣмъ Полководцамъ, кои побѣдили сильнаго непріятеля, и кои оставили по крайней мѣрѣ пять тысячь побитыхъ на мѣстѣ.

На другой день своего Тріумфа онъ говорилъ слѣдуя обычаю, въ Народномъ Собраніи, простирая рѣчь о томъ, что онъ сдѣлалъ славнаго и полезнаго Республикѣ, во время своего въ полѣ предводительства. А какъ военныя его дѣйствія не были весьма славны, то онъ вычислялъ свои прежде бывшія заслуги. Онъ представилъ, что въ первое его Консульство побѣдилъ Сабинянъ, что второе было достопамятно участіемъ, которое онъ имѣлъ въ учрежденіи Трибунства, что въ третіемъ онъ присоединилъ Герниковъ въ Республику, и что намѣренъ былъ, прежде окончанія онаго своего Косульства, сдѣлать состояніе Плебеянъ толь щастливымъ, что они не будутъ завидывать

состоянію

состоянію Патрикіевъ. Къ тому прибавилъ, что онъ ласкаетъ себя благодарностію Римскаго Народа, который долженъ признаться, что онъ никогда ни отъ кого изъ своихъ Гражданъ не получилъ подобныхъ, какъ отъ него, благодѣяній.

Рѣчь сія выслушана была съ удовольствіемъ отъ Народа всегда жаднаго къ новостямъ. Сенатъ напротиву того, боясь властолюбиваго разума Кассіева, не былъ безъ подозрѣнія. Всѣ по разнымъ видамъ съ нетерпѣливостію ожидали изъясненія сихъ великихъ обѣщаній. Кассій превозносилъ по томъ Народъ похвалами. Онъ представилъ, что Римъ не только долженъ былъ ему свободою., но и пространствомъ области, каковое они приобрѣли надъ своими сосѣдями. И такъ говорилъ, что весьма несправедливо было, чтобъ толь храбрый Народъ, который всегда подвергалъ свою жизнь для разширенія границъ Рес-

публики, оставленъ былъ въ постыдной бѣдности, въ то время какъ Сенатъ, Патрикіи и все благородное общество довольствовались одни плодомъ ихъ завоеваній. Наконецъ, чтобъ открыть цѣль своихъ намѣреній, онъ прибавилъ, что по его мнѣнію для нѣкотораго уравненія бѣдныхъ Гражданъ съ богатыми, и для пропитанія перьвыхъ, надлежало произвесть точное размѣжеваніе всѣхъ земель отнятыхъ у непріятелей, и тѣхъ которыми завладѣли Патрикіи; что надлежало раздѣлить ихъ вновь безъ всякаго потворства тѣмъ, кои подъ разными видами себѣ ихъ присвоили; что сей раздѣлъ дастъ бѣднымъ Плебеянамъ способы прокормить нужныхъ для Государства дѣтей ихъ, и что справедливый раздѣлъ можетъ одинъ только возставить согласіе и равенство, какое должно быть между Гражданами одной республики. Тогда, говоритъ Титъ Ливій, въ перьвый разъ пред-

предложенъ былъ законъ *Аграрїй*, то есть, законъ владѣльческїй.

Трудно изъяснить удивленїе, негодованїе и злобу Сената, услыша таковое предложенїе. Но чтобъ точнѣе изобразить, сколь оно было раззорительно Вельможамъ, и сколь выгодно Народу, я не могу мнѣ кажется обойтись, чтобъ не повторить отчасти сказаннаго уже мною о сихъ общихъ земляхъ. Надлежитъ знать, что когда Римляне имѣли какой ни будь знатный выигрышъ надъ ихъ сосѣдями, то никогда не заключали съ ними мира, не отнявъ части земли ихъ, которая тотчасъ по томъ присоединялась къ Римской. Такова была обыкновенно цѣль ихъ войны, и въ томъ состоялъ главный плодъ побѣдъ ихъ. Упомянуто уже было, что часть сихъ завоеванныхъ земель продавалась для замѣны Государству военныхъ издержекъ; другая давана была даромъ бѣднымъ Плебеянамъ ново-

 посе-

поселеннымъ въ Римѣ, кои не имѣли никакого собственнаго имѣнія въ основаніи, иногда же нѣкоторыя земли даваны были на окладъ и образомъ оброчныхъ, по чему содержатели пашенъ и всякихъ угодьевъ платили отъ того оброкъ деньгами, плодомъ или хлѣбомъ, который продавался въ прибытокъ общей казны. На послѣдокъ, какъ главное богатство Римлянъ состояло въ то время въ скотѣ и хлѣбѣ, то излишекъ сихъ завоеванныхъ владѣній оставляемъ былъ, для всѣхъ обще, на выгонъ.

Сіе учрежденіе освобождало Республику отъ бѣдности, и побуждало Гражданъ къ защищенію. Но жадные Патрикіи похитили сіи разные способы у Народа. Пространные округи земель, которые долженствовали служить къ изобилію всего Государства, не чувствительно содѣлались отчинами нѣкоторыхъ помѣщиковъ. И когда нѣкоторая ихъ

часть продавалась въ замѣну военныхъ издержекъ, то Сенаторы одни, имѣвъ въ рукахъ богатство какъ Начальники и Самовластители продажъ, захватывали ихъ себѣ весьма низкою цѣною, такъ что общая казна не имѣла почти никаковаго прибытка. Равною же властїю они брали подъ своими именами, или подъ именами другихъ людей земли, подлежащїя на окладъ бѣднымъ Плебеянамъ для прокормленїя ихъ семейства. Часто бывало, что дая въ долгъ съ чрезмѣрною лихвою, они принуждали поступать себѣ малыя наслѣдства, которыя Плебеяне получали отъ своихъ предковъ. На послѣдокъ богатые, подвигаясь по немногу за урочищи своихъ земель, отмогли и смѣшали съ своими большую часть общихъ: такъ что они, ни Государство во обще, ни Плебеяне особо, не получали почти никакой корысти отъ сихъ прибылыхъ земель. Патрикїи завладѣвъ ими,

 обне-

обнесли во кругъ оградою и строеніями, употребляя тамъ въ работу толпы взятыхъ на войнѣ въ полонъ невольниковъ, кои служили подъ игомъ рабства у Вельможъ Римскихъ; и уже по многимъ переписямъ сіи похищенныя земли состояли за ними. Сенаторы и Патрикіи не имѣли отнюдь другихъ владѣній, кромѣ общихъ земель, кои попеременно переходили въ разные роды, наслѣдствомъ, раздѣломъ или продажею.

Сколько ни было правосудно по видимому предложеніе Кассіево, но не льзя было установить таковаго закона, не приведя вдругъ къ раззоренію Сенатъ и главныхъ Вельможъ, и не подавъ безчисленныхъ причинъ къ тяжбамъ у продавцевъ съ купцами, между всѣми Римскими домами. Большая часть Сенаторовъ возстали противу Кассія съ великимъ ожесточеніемъ, такъ что потерявъ почтеніе къ его достоин-

стоинству, явно укоряли его гордостью, властолюбіемъ и умышленіемъ, что онъ явно хотѣлъ производить смятеніе въ Республикѣ. Они въ слухъ говорили, что Кассій поступалъ не такъ какъ Консулъ, а какъ подманчивый Трибунъ.

Кассій зналъ заранѣ, что Римскіе Вельможи воспротивятся его предложенію; но онъ ласкалъ себя, что Народъ всегда жадный къ новостямъ, и обольщенный надеждою раздѣла, утвердитъ его мнѣніе. По сему онъ учредилъ другое Собраніе, гдѣ по окончаніи слова, которое онъ говорилъ къ презрѣнію Вельможъ и къ похвалѣ Народа, прибавилъ, что зависитъ отъ воли Плебеянъ выттти изъ бѣдственнаго состоянія, въ которое они ввержены скупостію Патрикіевъ; что надлежитъ для сего общенародно уставить только законъ о раздѣлѣ завоеванныхъ земель, къ чему представилъ, въ примѣръ имъ и то, что онъ

 былъ

былъ намѣренъ сдѣлать съ землями Герниковъ; что надлежитъ также возвратить бѣднымъ Плебеянамъ деньги, которые они заплатили за хлѣбъ присланный отъ Сицилїйскаго Царя въ Римъ безденежно; и что толь справедливыми законами Народъ навсегда освободится отъ бѣдности, зависти и несогласїя.

Народъ тотчасъ принялъ сїи предложенїя съ знаками великаго удовольствїя; но большая часть Трибуновъ не могли видѣть безъ ревности, чтобъ Патрикїй и Консулъ могъ, къ предосужденїю ихъ, входить въ повѣренность Народа. И какъ Народные Начальники пребывали въ глубокомъ молчанїи, то имъ слѣдуя ихъ сообщники и главные въ Трибахъ не объявили ничего къ утвержденїю таковаго закона. Тѣ и другїе хотя понимали, сколь оное выгодно Народу, какъ явно будетъ въ послѣдствїи, но не хотѣли чтобъ Народъ находился тѣмъ долженъ

женъ Патрикіямъ, ни чтобъ Консулъ въ томъ былъ законодавцемъ. И такъ они, не одобряя и не опровергая того явно, ожидали другаго случая, въ которомъ бы они могли имѣть въ глазахъ Народа, достоинство ихъ собственнаго о томъ попеченія.

Виргиній, товарищъ Кассіевъ въ Консульствѣ, не спорилъ ему прямо, и казался, будто признавалъ что вообще предложеніе его было справедливо; но къ уничтоженію дѣйствія онаго, онъ охуждалъ распоряженіе Кассіево въ томъ, что онъ неправильнымъ раздѣломъ хотѣлъ привести къ постыдному равенству побѣдителей и властоначальниковъ съ подданными и побѣжденными. Между тѣмъ онъ выговаривалъ нѣчто въ подозрѣніе своему товарищу, какъ будто бы онъ симъ чрезвычайнымъ похлѣбствомъ, въ пользу древнихъ непріятелей, старался ко вреду Государства сдѣлать себѣ сообщниковъ.

„Для чего, вскричалъ онъ, уступать Герникамъ третью часть законнозавоеванной земли? для чего такъ же жертвовать Латинянамъ лучшую часть изъ остальной? развѣ кто желаетъ того для распространенія себѣ пути къ тиранству? Римъ справедливо долженъ представлять себѣ, что сіи Народы, взирая всегда завистнымъ окомъ на его Величество и мало уважая союзы, захотятъ можетъ быть сдѣлать Кассія своимъ Начальникомъ какъ другаго Коріолана, и предпримутъ подъ его предводительствомъ усилиться въ правленіи„.

Сіе сравненіе съ Коріоланомъ возобновило въ Народѣ ненавистную память сего Патрикія; а тѣмъ погасло первое стремленіе, съ которымъ желаемо было изданіе закона. Сами Трибуны давали знать, что такой законотворитель былъ имъ подозрителемъ. Кассій видя по

томъ,

томъ, что его сторона ослабѣвала, велѣлъ призвать тайно въ Римъ великое число Латинянъ и Герниковъ, которымъ внушено было, что въ званіи Римскихъ Гражданъ они имѣли особенную причину присудствовать при первыхъ Собраніяхъ, чтобъ защищать свои правы, и установить законъ о раздѣлѣ завоеванныхъ земель, какъ предложено въ ихъ пользу.

Немедлѣнно прибыло въ городъ великое число сихъ Народовъ. Для Кассія было равно, что законъ будетъ принятъ или нѣтъ; но онъ предложилъ его въ намѣреніи возмутить Народъ и сдѣлаться главнымъ надъ частью онаго, чтобъ по томъ единовластвовать въ правленіи. А какъ спокойный поступокъ отъ Трибуновъ въ семъ случаѣ не соотвѣтствовалъ его видамъ, то онъ, чтобъ принимать къ себѣ Народъ, ходилъ завсегда въ городѣ водя за собою толпу Латинянъ и Герниковъ. Виргиній

тиній желая разрушить сіе сообщество выдалъ указъ, который повелѣвалъ всѣмъ союзникамъ, кои не имѣли тогда домовъ въ Римѣ, выпти изъ города немедлѣнно. Кассій воспротивился сему указу, и объявилъ чрезъ провозвѣстника свой указъ противный первому, который давалъ власть оставаться въ Римѣ всѣмъ тѣмъ, кои получили имя Гражданъ. Сіе разногласіе произвело новыя смятенія въ городѣ. Оба Правители требовали равнаго повиновенія. Ликторы ихъ вседневно доходили до драки; и сіе соперничество двухъ сторонъ, усиливаясь безпрестанно, едва не обратилось въ междоусобную брань, когда одинъ изъ народныхъ Трибуновъ, по имени Квинтъ Рабулей, предпринялъ возставить тишину въ Республикѣ, и какъ должно искусному Трибуну, произвесть отъ того Народную пользу.

Онъ представилъ въ общемъ Собраніи, что не трудно было примирить обо-

обоихъ Консуловъ, по колику они оба находили правосуднымъ раздѣлъ взятыхъ у Герниковъ земель, а не соглашались только въ томъ, что Кассій хотѣлъ приобщить къ сему раздѣлу Герниковъ и Латинянъ, союзниковъ Республики. И такъ онъ подалъ мнѣніе, чтобъ начать правосуднымъ удовольствованіемъ Римлянъ, какъ Консулы въ томъ согласны; по предложенію же отъ Кассія въ пользу союзниковъ, противъ чего спорилъ его товарищъ, отложить рѣшеніе до другаго времени. А что надлежало до прочихъ завоеванныхъ земель, кои составляли большую часть Римскаго владѣнія, то чтобъ Сенатъ и Народъ разсмотрѣли о томъ со временемъ, по важности толь великаго дѣла, какъ сходственнѣе съ общею пользою Республики.

Толь справедливое и умѣренное мнѣніе имѣло только одну наружность; но Трибунъ мысленно про-

стиралЪ далѣ свое намѣренїе, и ждалЪ только того, чтобЪ дѣло вышло изЪ рукЪ Кассїевыхъ. ОнЪ велЪ разумы такЪ, что Собранїе распущено было, не постановя ничего о общемЪ всѣхЪ завоеванныхЪ земель раздѣлѣ. Кассїй, не получа успѣха вЪ своихЪ намѣренїяхЪ, со стыдомЪ скрылся вЪ своемЪ домѣ, откуда болѣ не выходилЪ будто за болѣзнїю.

Между тѣмЪ СенатЪ проникнувЪ тайныя намѣренїя Рабулеевы, предвидѣлЪ, что дѣло о раздѣлѣ земель было только отсрочено. ОнЪ учредилЪ чрезвычайное Собранїе, дабы предупредить заранѣ все то, что Трибуны могутЪ предпринять кЪ исполненїю. Предложены были разныя мнѣнїя: Аппїй, который былЪ непоколебимый защитникЪ законовЪ, представлялЪ, что для прекращенїя справедливыхЪ жалобЪ вЪ Народѣ, надлежало назначить десятерыхЪ повѣренныхЪ, дабы сїи прямо изслѣ-

довали

довали о земляхъ, кои въ началѣ были общими; что надлежало продать часть ихъ въ прибытокъ казны, другую раздать самымъ бѣднымъ Гражданамъ, неимѣющимъ никаковаго помѣстья; что къ тому надлежало возставить наслѣдства и учредить вездѣ грани, отъ неимѣнія которыхъ послѣдовали въ земляхъ безпорядки; оставшія же отъ того земли не отдавать въ наемъ болѣ какъ на пять лѣтъ, и отдавать наемщикамъ по ихъ справедливой оцѣнкѣ, сумму же отъ нихъ употреблять къ снабженію хлѣбомъ и жалованьемъ Плебеянъ, служащихъ въ полѣ; что сіе установленіе не допуститъ ихъ болѣ мыслить о раздѣлѣ; что они конечно предпочтутъ предъ полосою земли, которую они должны пахать, готовый хлѣбъ, деньги и вѣрное пропитаніе во все время ихъ службы; что онъ не находитъ лучшаго средства къ пресѣченію древнихъ злоупотребленій,

какъ

какъ то, чтобъ возставить вещи въ порядокъ прежняго ихъ состоянія.

Анкъ Семпроній Атратинъ, почтенный мужъ въ Сенатѣ, велегласно утверждалъ мнѣніе Аппіево: онъ прибавилъ только, что надлежало вразумить союзникамъ и симъ Народамъ, кои недавно учинены Римскими Гражданами, сколь было бы несправедливо, чтобъ они вошли такъ же въ раздѣлъ завоеванныхъ Римлянами земель, принадлежащихъ имъ прежде ихъ союза съ ними; вразумить при томъ, что каждая область не спросясь съ союзниками, можетъ располагать по своему произволенію своими землями, и тѣмъ что завоевано; но что въ разсужденіи тѣхъ земель, кои будутъ приобрѣтены общими силами, республика при раздѣлѣ ихъ не по забудетъ помощи, которую она получитъ отъ своихъ союзниковъ.

По мнѣнію сихъ двухъ Сенаторовъ составленъ былъ Сенатусъ-

Кон-

Консульшъ; но какъ стяжаніе главныхъ состояло въ однихъ шолько завоеванныхъ земляхъ, то большая часть Сенашоровъ, кои приходили отъ того къ разоренію, стараясь по крайней мѣрѣ продлить дѣло, включили въ Сенатусъ-Консультъ: что въ разсужденіи уже окончавающагося Кассіева и Виргиніева Консульства, предоставляется назначеннымъ по нихъ Квинпіу Фабію и Сервію Корнелію дѣйствительно наименовать Децемвировъ, (*) для разсмотрѣнія и учрежденія о раздѣлѣ владѣній. Между собою же Сенаторы рѣшили, произвесть послѣ судъ надъ Касcі-

Ф емъ

(*) Децемвиры были послѣ Правители въ Римѣ, кои назывались такъ по десятеричному ихъ числу, отъ Латинскаго слова *decem* десять, *vir* мужъ. Ихъ должность была хранить законы дванадесятныхъ таблицъ, отправлять правосудіе въ отсудствіи Преторовъ, имѣть въ смотрѣніи Сивиллическія книги, отводить мѣста для поселеній, приуготовлять праздники, и проч.

емъ и приговоритъ его чему явится достоинъ, въ страхъ тѣмъ, кои впредь захотятъ всчинать помянутое дѣло.

268 год. Рим. Нѣкоторые писатели объявляютъ, что какъ скоро сіи новые Консулы вступили въ ихъ должность, то самъ отецъ Кассіевъ донесъ Сенату о умышленіи, которое имѣлъ сынъ сдѣлаться тираномъ своего отечества; что сей отецъ будучи строгій Римлянинъ, какъ вторый Брутъ, по предъявленіи доказательствъ въ полномъ Сенатѣ, отвелъ сына въ свой домъ, гдѣ умертвилъ его при всей своей роднѣ. Но Деонисій Галикарнасскій пишетъ, что доносчиками были, Цезонъ Фабій братъ перваго Консула и Валерій внукъ или племянникъ Публиколы. Оба они были тогда Квесторами, по чему имѣли главное участіе въ семъ дѣлѣ. Они по должности ихъ званія, назначили для того быть Народному Собранію, и обвиняли Кассія тѣмъ,

что

что онъ умышлялъ ввести посторонния силы въ городъ, для утѣсненія вольности сограждан своихъ.

Кассій предсталъ въ Собраніи въ печальной одеждѣ, приличной его состоянію. Онъ побуждая Плебеянъ къ своему защищенію, представлялъ имъ, что въ его особѣ Сенатъ мстилъ самому тому Народу, которому отдавалъ его на судъ какъ преступника, и что онъ сдѣлался ненавистенъ Патрикіямъ единственно за то, что хотѣлъ показать Народу услугу раздѣломъ земель, коими Вельможи усильно завладѣли. Но сей безкорыстный Народъ, который въ униженіи своемъ, почиталъ раболѣпство еще болѣ нужнымъ нежели бѣдность, пренебрегъ съ общимъ негодованіемъ, всѣ представленія отъ подозрительнаго ему человѣка. Кассій видѣлъ себя вдругъ оставлена Народомъ, гонима Сенатомъ и осуждаема общими всѣхъ согражданъ голосами. Недавный примѣръ Коріо-

 ланов,

ланов, котораго изгнанїе произвело толь страшныя слѣдствїя, заставилъ приговорить Кассїя къ смерти. Сей бывшїй Консулъ, почтенный двоекратно Трїумфами, низверженъ былъ съ высоты каменной горы Тарпеянской; и Патрикїи имѣли удовольствїе видѣть исполнену, руками самихъ Плебеянъ, жестокую казнь, надъ явнымъ Плебеянскимъ защитникомъ.

Толь смѣлое посягательство произвело въ Народѣ несмысленное удовольствїе. Нѣсколько времени не говорено было о изслѣдованїи общихъ владѣнїй. Сенатусъ-Консультъ и наименованїе Децемвировъ отложены были безъ всякаго исполненїя. Сїе великое дѣло учинилось тайною Правительства, къ которой никто не смѣлъ прикоснуться. Строптивый Народъ пребывалъ въ глубокомъ молчанїи до нѣкотораго только времени, то есть до тѣхъ поръ, какъ нужды нечувствительно заставили

его

его жаловаться. Тогда онъ жалѣлъ опять Кассія, укорялъ себя за его смерть и въ позномъ своемъ признаніи, мало различномъ отъ неблагодарности, возносилъ безполезными похвалами память того человѣка, котораго онъ самъ причинилъ погибель.

Сенатъ боясь другаго Кассія въ Консульствѣ, взялъ мѣры вручать всегда сіе высокое достоинство Патрикіямъ, на которыхъ былъ онъ болѣ надеженъ. Онъ властвовалъ нѣкоторымъ образомъ при Консульскихъ избраніяхъ, по тому что они производились въ Собраніяхъ по Центуріямъ, гдѣ Патрикіи одни имѣли силу. И такъ Луцій Эмилій и Цезонъ Фабій, 269 год.
по томъ Маркъ Фабій и Луцій Ва- или 270.
лерій удостоены одни за другими къ Консульству. Сенатъ въ намѣреніи уничтожить Сенатусъ-Консультъ, не находилъ, кому бы лучше можно было ввѣрить сію тайну, какъ Цезону Фабію и Луцію Валерію доносщикамъ Кассіевымъ, ко-

торые, такъ сказать, одни свергли его тогда съ горы Тарпеянской. Народъ возчувствовалъ хитрость, увидя что производились въ Консулы нарочно тѣ Патрикіи, кои никогда не хотѣли назначить Децемвировъ къ раздѣлу владѣній. При сихъ обстоятельствахъ Римляне почти непрестанно упражнялись въ войнѣ. Но когда главноповелители Маркъ Фабій и Луцій Валерій, хотѣли набрать еще нѣсколько воиновъ для наполненія Легіоновъ, то Трибунъ по имени Квинтъ Меній возпрекословилъ ихъ волѣ. Онъ явно говорилъ, что не допуститъ никого изъ Плебеянъ вписываться въ службу, пока Консулы не предложатъ Сенатусъ-Консультъ въ полномъ Народномъ Собраніи, и не назовутъ повѣренныхъ для надлежащаго исполненія. Консулы, чтобъ имѣть людей и боясь препятствія въ томъ отъ Народныхъ Начальниковъ, приказали учредить свой Трибуналъ

внѣ

внѣ Рима, въ такомъ отдаленіи, чтобъ Трибуны болѣ не могли тамъ имѣть права по своему Начальству, разумѣя что власть ихъ и должности заключались въ стѣнахъ города. Прибывъ туда Консулы велѣли призывать Плебеянъ, кои долженствовали итти въ поле. Но сіи, надѣясь на потачку отъ Трибуна, не являлись, и не страшились чтобъ ихъ ловили силою подъ сею защитою. Тогда Правители приняли другія мѣры, дабы привести ихъ къ послушанію; то есть не входя въ Римъ и не бывъ чрезъ то въ соперничествѣ съ Трибунами, послали ломать въ полѣ домы и рубить сады первыхъ тѣхъ Плебеянъ, кои не захотятъ явиться по повѣсткѣ.

Сіе военное понужденіе привело Народъ въ его должность. Не мѣшкавъ по томъ шли Плебеяне, и являлись предъ Консуловъ къ ихъ повелѣніямъ. Каждый принялъ оружіе; войско пошло противу непріятеля,

 и

и брань кончилась безЪ знатнаго успѣха. Консулы держали воиновЪ, столь долго какЪ могли, не разпуская вЪ полѣ, и не отлучно отЪ стана, дабы не допускать ихЪ кЪ возмущенiямЪ вЪ Римѣ.

По возвращенiи же, когда надлежало приступить кЪ избранiю новыхЪ КонсуловЪ, несогласiе возобновилось паче прежняго. Главные вЪ Сенатѣ, до коихЪ наиболѣ касалось общихЪ земель изслѣдованiе, желали вручить сiе достоинство Аппiю Клавдiю, сыну того, о которомЪ говорено выше. ОнЪ наслѣдовалЪ отЪ своего отца знатныя имѣнiя, великое число КлiентовЪ, особливо же его высокомѣрiе и твердость, чрезЪ что тотЪ былЪ наиболѣ ненавистенЪ ПлебеянамЪ. По чему НародЪ не хотѣлЪ равно слышать обЪ сынѣ, а требовалЪ вЪ Консулы нѣкоторыхЪ изЪ сихЪ старыхЪ СенаторовЪ, кои оказывались наиболѣ ему благопрiятными. Каждая

дая сторона твердо настояла въ своемъ мнѣнїи; но Сенатъ надѣялся, не смотря на Народъ, исполнить свою волю въ Собранїи по Центурїямъ. Консулы слѣдуя праву, которое принадлежало ихъ званїю, преднаписали быть Собранїю въ обыкновенный день. Но во время онаго Народъ, наущенный своими Трибунами, столь шумѣлъ, и на послѣдокъ произошли столь огорчительные и жестокїе споры, что не льзя было тотъ день кончить избранїя. Въ томъ состоялъ умыселъ Трибуновъ; въ слѣдствїе же сего новоявленнаго предпрїятїя, они созвали на завтрѣе другое Собранїе. Консулы и Сенатъ обще не преминули тамъ явиться, и спрашивали у Трибуновъ, какою властїю они отваживались начальствовать при избранїи Консуловъ. Трибуны отвѣтствовали, что польза Народа заставляла ихъ не попускать, чтобъ Тираны учинялись Правителями; и что когда

Сенатъ не избираетъ добрыхъ людей, то они умѣютъ собою препятствовать всякому избранїю, какое будетъ произходить во вредъ Народу.

Нѣкоторые Сенаторы озлоблены толикою смѣлостїю, хотѣли чтобъ первый Консулъ назвалъ Диктатора, который бы высочайшею и единоначальною властїю своего достоинства строго наказалъ зачинщиковъ сихъ новостей. Но какъ опасно было, чтобъ Народъ не взбунтовалъ явно, то наиболѣ осторожные и благоразумные изъ Сенаторовъ не находили за благо, въ подобномъ обстоятельствѣ, употреблять сумодержавную власть, къ видимому ея умаленїю, противу разъяреннаго обще народа. Надлежало изыскать болѣ умѣренное средство. Сенатъ разсудилъ удобнѣе, на сей
271 год. Рим. случай поставить намѣстника Царскаго, какъ случалось при Царяхъ, во время когда престолъ бывалъ праз-

празденъ. И такъ временное единоначальство препоручено было Анку Семпронїю Атратину ; а Семпронїй отдалъ его Спурїю Ларцїю. Сей Правитель имѣлъ съ природы миротворительный разумъ ; и какъ по видимому боялся, чтобъ Сенатъ не представилъ Аппїя въ Консулы, и чтобъ сопротивленїе Трибуновъ и Народа не произвело на послѣдокъ смятенїя, то мнилъ, для пользы Республики, отложить избранїе Аппїя до другаго болѣ спокойнаго и болѣ благопрїятнаго ему времени. Онъ велъ такъ искусно обѣ стороны, что принудилъ ту и другую отступить нѣсколько отъ своихъ требованїй. И такъ всѣ согласились, что избранїе производиться будетъ всегда обычайнымъ образомъ и по Центурїямъ, и что обѣ стороны должны представить въ Консулы, каждая прїятную ей особу.

Согласясь же во всемъ такимъ образомъ, оставалось только для вида

да слѣдовать обряду въ избраніи сихъ Правителей. Трибуны опредѣлили вручить сіе достоинство Квинту Юлію Лулу, о которомъ всѣ знали, что онъ былъ стороны Народа и похлѣбствовалъ Трибунамъ; а Патрикіи назвали товарищемъ ему Квинта Фабія Вибулана, изъ такого дома, который былъ знаменитъ почти безпрестанными Консульствами. Онъ не былъ противенъ Народу, хотя не приминулъ во всѣхъ случаяхъ защищать права и достоинство Сената.

Народъ имѣя Консула себѣ покорнаго, ласкался исполненіемъ касающимся до повѣренныхъ и раздѣла земель. Но тогда онъ узналъ разность, какая бываетъ между тѣми, кои достигаютъ къ первымъ чинамъ единственно чрезъ подлость, въ сравненіи съ сими благовоспитанными людьми, коихъ достоинства и рожденіе возводятъ на должные имъ степени. Юлій въ самомъ дѣлѣ поку-

покушался говорить, чтобЪ выданЪ былЪ СенатусЪ-КонсультЪ о раздѣлѣ; но едва смѣлЪ защищать свое мнѣнiе противу Фабiя, который ему противорѣчилЪ. КонсулЪ Сената толико первенствовалЪ надЪ НароднымЪ, хотя вЪ протчемЪ ихЪ достоинства были равны, что казалось, будто одинЪ вЪ семЪ году правилЪ Республикою. Фабiй принудилЪ своего товарища итти сЪ нимЪ вЪ поле противу ЭквовЪ и ВеiевЪ. Сiи Народы набѣгали прежде на Римскiя земли; Римляне отплатили имЪ равнымЪ образомЪ, пограбя на конецЪ поля своихЪ грабителей.

Такiя малыя войны были обыкновеннымЪ способомЪ для КонсуловЪ, кЪ утишенiю жалобЪ вЪ Народѣ. Надлежало всегда выводить НародЪ изЪ Рима, гдѣ не льзя было его удовольствовать, и чрезЪ войну прiобрѣтать добычу для воиновЪ, чтобЪ они забывали тѣмЪ прежнiя свои требованiя. Но сiи без-

безпрестанныя войны содѣлывали ихъ болѣ свирѣпыми, и тишина возобновляла въ сихъ храбрыхъ сердцахъ неудовольствїе, которое войною было только отсрочено.

Несогласїе произошло вновь по причинѣ избранїя Консуловъ. Народъ въ необходимости избирать Правителей изъ общества Вельможъ, желалъ по крайней мѣрѣ избирать тѣхъ, кои казались наиболѣ благосклонны къ Плебеянамъ. Въ собранїяхъ Плебеяне въ слухъ говорили, что Народъ довольно страждетъ отъ избранїя обоихъ Консуловъ всегда изъ общества Патрикїевъ, безъ прибавленїя сверьхъ того еще такихъ, кои наиболѣ препятствуютъ раздѣлу земель. Сенатъ стремился дѣлать Консулами тѣхъ, кои были смѣлы и не потакали Народу. Каждая сторона съ равнымъ усиленїемъ не уступала въ своихъ требованїяхъ. Напослѣдокъ споръ кончился тѣмъ, что согласились поступить

по

по примѣру послѣдняго избранія. Народъ назвалъ опять своего Консула, но всегда изъ Патрикіевъ, удостоивъ къ тому Спурія Фурія. Сенатъ же выбралъ Цезона Фабія, того самаго, который въ бытность свою Квесторомъ способствовалъ погубить Кассія. А какъ по обстоятельствамъ тогда должно было продолжать войну противу Эквовъ и Тосканцевъ, кои возобновляли свои набѣги: то новые Консулы хотѣли заставить Народъ принять оружіе. Но Трибунъ, по имени Спурій Ицилій, крѣпко тому возпротивился. Онъ говорилъ, что онъ равно будетъ противиться и всѣмъ Сенатскимъ приговорамъ, о какомъ бы то дѣлѣ ни было, пока не предложится въ Народномъ Собраніи Сенатусъ-Консультъ, и не назначутся въ слѣдствіе того повѣренные; что для Народа не было отмѣны, когда непріятели раззоряютъ земли, или когда похитители ихъ себѣ при-

своеваютъ. Между тѣмъ Эквы и Вольски истребляли все огнемъ и мечемъ во владѣніяхъ Римлянъ. Сенатъ же не могъ имѣть войска къ защищенію, терпя уронъ отъ упрямства Трибуна, который препятствовалъ набору воиновъ. Въ семъ безпорядкѣ Аппій, о которомъ упомянуто выше, подалъ мнѣніе, которое имѣло щастливый успѣхъ. Онъ представилъ, что власть Трибунская непреодолима была отъ неразрывнаго согласія Трибуновъ; но естьли, говорилъ, сопротивленіе одного Трибуна могло остановить исполненіе Сенатскаго приговора, то сія власть равно могла быть опасна силѣ другихъ Трибуновъ, его товарищей, по чему мнилъ удобно произвесть между ими ревность, чтобъ ихъ чрезъ то поссорить, и искусно привесть котораго ни будь въ согласіе съ Сенатомъ. Совѣтъ былъ принятъ съ похвалою, и по оному было слѣдовано. Сенаторы тщились сыскать

сыскать дружбу НародныхЪ Начальниковъ, и въ томъ успѣли. Четверо изъ Трибуновъ обЪявили въ Народномъ Собраніи, что они не хотятъ сносить, чтобъ непріятели, пользуясь несогласіями въ городѣ, разоряли невозбранно окрестности. Ицилій съ огорченіемъ и стыдомъ видѣлъ свои препятствіи уничтожены. Народъ принялъ оружіе и пошелъ на войну съ Консулами. И такъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, попремѣнно происходили или смятеніе въ городѣ или война въ полѣ. Народъ между тѣмъ тщетно ожидалъ, чтобъ въ его пользу законъ былъ выданъ. Онъ укорялъ въ томъ обыкновенно Консуловъ, и воины въ отмщеніе, какъ скоро возвращались въ городъ, всегда доносили и свидѣтельствовали противу своихъ Полководцевъ, что будто они не имѣли довольно храбрости и способности предводительствовать войскомъ.

277 год. Рим. Едва кто Консулъ покидалъ свое званіе, и уже видѣлъ себя судима предъ Народнымъ Собраніемъ: то есть предъ Трибуналомъ, гдѣ жесточайшіе его непріятели были его судьями. Такъ точно обвиненъ былъ Мененій, сынъ Агриппы, будто за то, что во время его Консульства, онъ допустилъ непріятелей, завладѣть крѣпостію на рѣкѣ Кремерѣ. Трибуны Квинтъ Консидій и Титъ Генутій велегласно требовали его смерти. Но Сенатъ и всѣ его друзья толь пристально за него просили, что онъ осужденъ былъ только къ денежному наказанію; именно же ко взысканію съ него двухъ тысячь Ассовъ, что учиняетъ около двадцати рублевъ. Хотя сумма сія кажется весьма мала по нынѣшнему времени, но почиталась весьма великою въ республикѣ, когда главные Правители кормились работою рукъ своихъ. Можно еще сказать, что сіе взысканіе было чрез-

чрезмѣрно въ разсужденіи Мененія, которому отецъ его оставилъ только въ наслѣдство свою славу и свою бѣдность. Друзья его великодушно желали заплатить за него взыскиваемую сумму; но онъ не допустилъ ихъ до онаго, и въ горести отъ неправосудія и неблагодарности своихъ сограждан, заперся въ своемъ домѣ, гдѣ попустилъ себѣ умереть отъ голоду и оскорбленія.

Равные нападки претерпѣлъ другой бывшій Консулъ, называемый Спурій Сервилій, который смѣнилъ въ Консульствѣ Мененія. Ему поставлено было въ преступленіе то, что онъ побѣдя Тосканцевъ, потерялъ нѣсколько войскъ, гнавшись за непріятелемъ болѣ храбро нежели благоразумно. Но то было только наружнымъ его проступкомъ; въ протчемъ одержанная имъ побѣда не менѣ честь ему приносила. Прямая же вина перваго и другаго Консула была та, что они отнюдь не 278 год Рим.

хотѣли назначить повѣренныхъ въ ихъ Консульство, для раздѣла земель.

Сервилій, зная сколько Народъ былъ противу его наущенъ, не употребилъ ни прозьбы ни старанія друзей для своего спасенія. Онъ пренебрегъ представляющуюся ему погибель, и не перемѣняя одѣянія ни вида явился въ Народномъ Собраніи по призыву; а тамъ обратясь къ Плебеянскому обществу говорилъ: „Естьли меня призвали сюда спра„шивать о томъ, что происходило „въ послѣдней битвѣ, гдѣ я былъ „повелителемъ, то я готовъ вамъ от„вѣчать. Но естьли только подъ симъ „видомъ ищутъ моей погибели, какъ „я подозрѣваю, то я не буду тра„тить напрасно словъ моихъ; а оста„вляю вамъ мое тѣло и мою жизнь: „дѣлайте, что хотите.„

Справедливѣйшіе изъ Плебеянъ кричали ему, чтобъ онъ не отчаявался и говорилъ въ свое защищеніе. „А когда я, продолжалъ онъ, дол-

„женъ

„женъ отвѣчать передъ судьями,
„а не передъ непріятелями, то я
„вамъ напомяну римляне, что я по-
„ставленъ Консуломъ съ Виргиніемъ,
„во время какъ непріятели владѣли
„окрестностію, городъ же страдалъ
„отъ несогласія и голода. Въ та-
„комъ жалостномъ обстоятельствѣ, я
„былъ призванъ къ правленію Госу-
„дарства. Я пошелъ противу не-
„пріятелей, которыхъ побѣдилъ въ
„двухъ битвахъ и принудилъ заклю-
„читься въ ихъ крѣпостяхъ; а ме-
„жду тѣмъ какъ страхъ вашего ору-
„жія запрещалъ имъ выходить от-
„туда, я разграбилъ взаимно ихъ
„земли, собралъ тамъ множество
„хлѣба, которымъ снабдилъ римъ и
„возставилъ въ немъ изобиліе. Въ
„чѣмъ же я преступилъ донынѣ?
„То ли называютъ злодѣйствомъ,
„что я одержалъ двѣ побѣды? Но
„я, говорятъ, потерялъ много лю-
„дей въ послѣднемъ сраженіи. Можно
„ли, скажите, вступать въ битвы

„противу военнаго Народа, который „храбро защищается, не пролив съ „обѣихъ сторонъ крови? Какое бо„жество может миловать столько „Римскій Народъ, чтобъ онъ приобрѣ„тал побѣды безъ всякой потери? „Не знаете ли вы, что слава сни„скивается чрезъ великія гибели? Я „сражался съ войсками, кои были „многочисленнѣе вашихъ: по долгомъ „сопротивленіи однако пробился „сквозь ряды ихъ, разстроилъ ихъ „Легіоны, и напослѣдокъ обратилъ „въ бѣгство. Долженъ ли я былъ „презрѣть побѣду, которая немину„емо глазамъ предстояла, и могъ ли „я тогда удержать вашихъ храб„рыхъ Воиновъ, когда они въ неуто„лимомъ разъяреніи сами мчались въ „слѣдъ за устрашенным непріяте„лемъ? Естьлибъ я велѣлъ отсту„пать назадъ и поворотилъ Воиновъ „въ станъ, то ваши Трибуны не об„винилиль бы меня равно нынѣ въ „согласіи съ непріятелемъ? Когда „же

„же непрїятели въ бѣгствѣ останови-
„вились, когда подкрѣплены были
„войскомъ, которое пришло къ намъ
„на помочь, когда надлежало начать
„вновь сраженїе, и когда въ семъ
„послѣднемъ дѣйствїи я потерялъ
„нѣсколько людей: не обычайная ли
„то участь войны? Найдете ли вы
„Полководцевъ, которые бы хотѣли
„повелѣвать войсками, съ уговоромъ
„возвратить въ Римъ здравыхъ всѣхъ
„вышедшихъ съ ними на смертное
„сраженїе? И такъ не вините меня,
„когда по концѣ побоища нѣсколько
„воиновъ убито; а судите о моемъ
„поступкѣ по моей побѣдѣ и по слѣд-
„ствїямъ побѣды. Вы знаете, что
„я согналъ непрїятелей съ вашихъ
„земель, что я множество ихъ по-
„билъ на двухъ сраженїяхъ, что
„остатокъ ихъ войскъ принудилъ за-
„твориться въ ихъ убѣжищахъ, и
„что я обогатилъ Римъ и вашихъ
„воиновъ полученною на непрїятель-
„ской землѣ добычею. Пусть те-

 „перь

„перь ваши Трибуны скажутъ и об-
„личатъ меня, въ чемъ я престу-
„пилъ противу должности добраго
„Полководца. Но не того я опаса-
„юсь: сіи обвиненія служатъ толь-
„ко прикрытіемъ ихъ ненависти и
„злобы, противу Сената и противу
„общества Патрикіевъ. А прямо я
„имъ досадилъ, такъ какъ и досто-
„славный Мененій тѣмъ, что мы
„оба въ наше Консульство не опре-
„дѣлили Децемвировъ, которыхъ вы
„издавна желаете. Могли ли мы
„однако то исполнить въ волненіи
„и безпокойствѣ войны, во время ко-
„гда непріятели находились подъ
„стѣнами, внутри же города цар-
„ствовали раздоры? Естьли бы мы
„и могли, то знайте Римляне, что
„Сервилій не выдалъ бы никогда за-
„кона, который неминуемо долженъ
„произвесть во всѣхъ поколѣніяхъ
„общее неудовольствіе, безчисленныя
„тяжбы, и разорить главные домы
„Республики, на коихъ сія болѣ осно-

„вы-

„вывается. Почто вы всегда тре-
„буете отъ Сената такихъ вещей,
„кои вредны общему благу отече-
„ства, и требуете ихъ чрезъ возму-
„щенія? Когда только кто изъ Се-
„наторовъ смѣетъ вамъ представить
„неправосудіе вашихъ требованій,
„когда Консулъ не говоритъ съ ва-
„ми ухищренным языкомъ вашихъ
„Трибуновъ, когда онъ защищаетъ
„по должности вышнюю власть ему
„врученную; то вопіютъ противу
„его тиранства. Едва онъ остав-
„ляетъ свое званіе и уже его обви-
„няютъ. Такъ точно, вашимъ не-
„справедливымъ Плебиситомъ, отданъ
„на казнь Мененій, не взирая что
„онъ былъ и великій Полководецъ и
„Гражданинъ полезный? Не стыди-
„тесь ли вы, явя толь жестокое го-
„неніе противу сына того Мененія
„Агриппы, кому вы должны за ва-
„шихъ Трибуновъ, за сію власть
„которая нынѣ дѣлаетъ васъ гор-
„дыми? Найдутъ, можетъ быть, что

„я говорю съ чрезмѣрною вольностїю „въ теперешнемъ моемъ состоянїи; „но я не страшусь смерти. Осудите меня, естьли вы смѣете: жизнь „тягостна Полководцу, который „долженъ извинять себя въ своихъ „побѣдахъ. Въ протчемъ равная судьба съ Менениевою не можетъ меня „обезславить.„

278 год. Рим. Сей смѣлый Патрикїй одолѣлъ опасность своею твердостїю, и Народъ устыдясь Менениевою смертїю, не смѣлъ осудить Сервилїя, но по большинству голосовъ призналъ его невиннымъ. Сей бывшїй Консулъ былъ спасенъ отъ злобы Трибуновъ; однако они не отстали отъ своихъ требованїй, касающихся до раздѣла земель, и между тѣмъ безпрестанно наущали Народъ къ усугубленїю оныхъ. На послѣдокъ одинъ изъ сихъ Трибуновъ, по имени Спурїй Генутїй, человѣкъ смѣлый, предпрїимчивый и довольно краснорѣчивый, понуждалъ при всемъ Народѣ

Луцїя Эмилїя Мамерка и Вописка Юлїя, бывшихъ въ томъ году Консуловъ, назначить немедленно повѣренныхъ, кои долженствовали исполнить учиненный давно Сенатусъ-Консультъ: то есть вступить въ раздѣлъ земель, и положить границы, дабы каждый владѣлъ своимъ безъ похищенїя чужаго. 280 год. Рим.

Консулы, чтобъ отбыть отъ исполненїя, отговаривались сперьва тѣмъ, что они имѣли мало свѣденїя о такомъ дѣлѣ, которое происходило гораздо прежде ихъ Консульства. А чтобъ отказъ ихъ имѣлъ видъ правосудїя, хотя въ самомъ дѣлѣ превозмогала болѣ корысть ихъ общества, они говорили, что помянутый Сенатусъ-Консультъ былъ уже не дѣйствителенъ по прошествїи времени, для котораго былъ сдѣланъ; что находится различїе между законами и простыми Сенатскими опредѣленїями: ибо какъ первые тверды и ненарушимы, такъ

другіе не могутъ быть произведены въ дѣйство далѣ предписаннаго срока къ исполненію.

Трибунъ оставя споръ о семъ различіи, мнилъ представить своихъ правителей злодѣями Народу; но зная, сколь трудно было погубить двухъ Консуловъ во время ихъ Консульства, восталъ на Анка Манлія и Луція Фурія, кои предъ симъ кончили годъ своего правленія. Онъ понудилъ сихъ бывшихъ Консуловъ предстать предъ Народнымъ Собраніемъ, гдѣ обвинялъ ихъ въ недоброхотствѣ къ Народу, доказывая что они не хотѣли назначить повѣренныхъ, и тѣмъ лишали бѣдныхъ Гражданъ и храбрыхъ воиновъ законнаго участія, которое они въ завоеванныхъ земляхъ имѣли. Сей злобный Трибунъ увѣщевалъ Народъ, чтобъ онъ не попускалъ обуздовать себя въ неволю, дая знать, что одно только наказаніе сихъ высокомочныхъ злодѣевъ и страхъ онаго можетъ

жетъ принудить ихъ преемниковъ, произвесть Сенатусъ-Консультъ въ дѣйство. По томъ заклявъ себя страшными клятвами, чтобъ быть въ томъ тверду до конца своей жизни, онъ назначилъ день, когда Народъ долженъ былъ произвесть судъ по сему дѣлу. Смѣлыя обвиненія и жестокія угрозы устрашили Патриціевъ. Они видѣли съ сердцемъ и огорченіемъ, что Трибуны желали лишить ихъ имѣнія и жизни, и какъ бы умыслили истребить всѣхъ Сенаторовъ однихъ за другими. Каждый укорялъ себя въ своей терпѣливости и умѣренности. Они много о томъ между собою совѣтовали; но рѣшеніе ихъ оставалось въ глубокой тайнѣ. Между тѣмъ Плебеяне торжествуя заранѣе, похвалялись, что не взирая на всѣ хитрости Сената, законъ о раздѣлѣ земель будетъ напослѣдокъ имѣть свое дѣйствіе; что они не пощадятъ крови тѣхъ, кои оному воспротивятся,

и

и что смерть Кассїева не останется безъ отмщенїя. Сенатъ скрывалъ свой страхъ и свою злобу. Но накануне дня, въ которомъ назначено быть суду по сему делу, Генутїй найденъ былъ мертвый въ постеле безъ всякаго въ протчемъ признака, чтобъ онъ былъ отравленъ или умерщвленъ насильно. Тело его вынесено было на площадь, и Народъ склонный къ суеверїю, легко возмнилъ, что боги отмещали его предпрїятїе, хотя догадливые изъ нихъ понимали, что Патрикїи имели главное участїе въ сей божеской казни. Обладающее Народомъ подобострастїе къ вере, вселило въ немъ великое почтенїе къ Сенату, какъ казалось, что сами небеса видимымъ образомъ его защищали. Несколько времени прошло безъ всякаго слуха о разделе. Трибуны должны были молчать, и Сенатъ воспрїялъ бы всю свою власть, естьли бы въ семъ положенїи не простиралъ ее надмеру.

Въ то время нужда требовала набрать войско, и составить Легіоны къ защищенію области отъ непріятеля. Консулы въ последованіи своихъ Ликторовъ учреждали обыкновенно свой Трибуналъ на Народномъ мѣстѣ, и дая чувствовать Народу ихъ власть, они осуждали къ денежному или тѣлесному наказанію, часто неправосудно, Гражданъ кои по повѣсткѣ не представлялись скоро, давать свои имена для вписанія въ службу. Плебеяне раздражены были толь строгимъ поступкомъ; паче же несправедливый и жестокій образъ, которымъ Консулы хотѣли принудить къ службѣ, какъ простаго воина, нѣкотораго Плебеянина, бывшаго прежде въ званіи Центуріона, возбудилъ въ Народѣ явное неудовольствіе.

Сей Плебеянинъ, по имени Волеро, отличенъ былъ въ войнѣ своею храбростію, и почитался весьма добрымъ Начальникомъ. Не взирая однако

нако на его заслуги и добропорядочно исполненныя имъ должности, онъ былъ понуждаемъ служить въ званіи простаго воина. Онъ не хотѣлъ въ томъ повиноваться, и жаловался предъ Народомъ, что Консулы отнимали у него выслуженую честь, для того только, что онъ былъ Плебеянинъ. Сіи Правители послали Ликтора взять преслушника силою; и какъ онъ не далъ себя взять, то приказано было сѣчь его прутьями, такъ какъ Полководцы наказывали за преслушаніе воиновъ. Но Волеро, предупреждая исполненіе толь строгаго приказанія, смѣло и храбро отталкиваетъ Ликтора, и ударя его въ лице, проситъ защищенія отъ Трибуновъ. А какъ сіи казались нечувствительны къ его жалобамъ. „Я требую чтобъ „судилъ меня Народъ, говорилъ онъ „обратясь къ Консуламъ, когда Три„буны порабощенные вами терпятъ „чтобъ въ глазахъ ихъ безчестили

„Граж-

„Гражданина, боясь конечно, чтобъ „ихъ не удушили въ постелѣ, какъ „Генутїя„. Обратясь по томъ къ Народу, который съ негодованїемъ видѣлъ сїе насильство: „Не выдайте меня товарищи, кричалъ онъ: „намъ не остается искать инаго „спасенїя противу тиранства, какъ „въ нашихъ силахъ„.

Народъ подвигнутый сими словами, раздражается, трогается и нападаетъ на Ликторовъ, окружающихъ Консуловъ. Ломаютъ ихъ прутье и самихъ расталкиваютъ. Величество Консуловъ не имѣетъ силы усмирить ярость Народа; сами Консулы принуждены бѣжать и прятаться.

Сенатъ собирается для сего немедлѣнно; Консулы представляютъ о возмущенїи, какое произвелъ Волеро, и рѣшатъ, чтобъ онъ былъ наказанъ какъ мятежникъ, то есть чтобъ свергнуть его съ горы Тарпеянской. Трибуны напротиву то-

го требовали суда на Консуловъ, и жаловались что сіи Правители пренебрегши законъ Валеріевъ и отмѣтая переносъ суда въ Собраніе Римскаго Народа, хотѣли предать безчестному сѣченію храбраго Гражданина, какъ подлаго невольника. Сіе произшествіе было новою причиною несогласія между двумя степенями Республики. Волеро, боясь могущества Консуловъ, просилъ сдѣлать его Трибуномъ, дабы чрезъ сіе свято почитаемое званіе укрыться отъ всѣхъ насилій своихъ непріятелей. Для полученія желаемаго имъ начальства, онъ хвалился въ Народномъ Собраніи, что естьли когда ни будь вручится ему Трибунское достоинство, то онъ знаетъ какъ поступить, чтобъ Народъ не былъ впредь утѣсняемъ отъ Сената.

Плебеяне, коихъ всегда главное число находилось въ сихъ Собраніяхъ, льстясь надеждою, которую подавалъ имъ Волеро, согласились

всѣ

всѣ къ его выбору. Онъ былъ избранъ Трибуномъ, не взирая на происки и совѣщанїи Патрикїевъ; а вступилъ въ должность сего Начальства при Консулахъ Луцїи Пинарїи и Публїи Фурїи. Народъ отъ его поступокъ чаялъ, что онъ будетъ мстить прежде бывшимъ Консуламъ, кои его оскорбили, и не преминетъ произвесть надъ ними судъ; но Трибунъ простиралъ далѣ свои виды. Онъ обратилъ все свое мщенїе противу цѣлаго общества Сената, и вознамѣрился лишить Сенаторовъ участїя, которое они имѣли въ избранїи Трибуновъ. 281 год. Рим.

Сказано уже выше, что Собранїя Римскаго Народа учреждались тогда двоякимъ образомъ, то есть или по Курїямъ или по Центурїямъ. Оные различествовали въ томъ, что въ Собранїяхъ по Курїямъ голоса считались поголовно; и сїе давало преимущество Народу, вмѣсто того въ Центурїонныхъ Собранїяхъ,

гдѣ богатые составляли большую часть Центурій, сіи тогда первенствовали. Въ протчемъ образъ въ учрежденіи того или другаго Собранія былъ одинаковъ. Сенатъ имѣлъ всегда главное въ томъ участіе, по колику одни только Патрикіи могли быть Авгурами, и они производили Авспиціи. Волеро примѣтя, что тайна сихъ Авгуровъ по согласію съ Сенатомъ, дѣйствовала много въ обѣихъ Собраніяхъ, вознамѣрился лишить ихъ сей власти при избраніи Трибуновъ.

Онъ представлялъ Народу въ общемъ Собраніи, что Сенатъ и Патрикіи дѣлались одни самовластными въ Правленіи; ибо всѣ первыя достоинства Республики, чины Гражданскіе, военные и такъ же духовные принадлежали одному ихъ обществу; что сверьхъ сихъ особыхъ выгодъ они имѣли еще преимущество опредѣлять чрезъ ихъ Сенатусъ-Консультъ, когда должно

быть

быть Собраніямъ; что они имѣли право въ нихъ первоначальствовать, и передъ тѣмъ производить Авспицiи, которыя, въ священнодѣйствiи Патрикiями природными ихъ сообщниками, толкуются всегда по намѣренiямъ и пользѣ ихъ общества; что къ тому еще долженъ произойти отъ нихъ другой Сенатусъ-Консультъ, безъ котораго рѣшенiе Народа не можетъ быть дѣйствительно; что помощiю сихъ присвоенныхъ ими себѣ правъ, они не менѣ имѣли власти въ Собранiяхъ по Курiямъ, хотя голоса въ нихъ собирались поголовно, какъ и въ тѣхъ, гдѣ голоса числились по Центурiямъ; что время уже было разорвать всѣ сiи узы, которыми хитрый Сенатъ нечувствительно оковалъ свободу голосовъ Плебеянскихъ; что онъ требуетъ, дабы избранiе Трибуновъ происходило отъ нынѣ въ Собранiи по Трибамъ, гдѣ всѣ Римскiе Граждане, составляющiе тритцать Три-

 бовъ,

бовъ, какъ городскіе такъ и полевые жители, имѣли равное въ голосахъ участіе; но дабы Сенатусъ-Консультъ и содѣйствіе Авгуровъ не имѣли болѣ стеченія съ ними.

Всѣ Плебеяне ревностно ухватились за сіе предложеніе, которое, извлекая ихъ Начальниковъ и ихъ самихъ изъ зависимости отъ Консуловъ, прибавляло вновь могущество Народа и уменьшало власть Сената. По чему Консулы, Сенатъ и все общество Патрикіевъ сопротивлялись тому всѣми силами. Они представляли въ разныхъ Собраніяхъ учрежденныхъ по сему дѣлу, что толь гибельный законъ сопротивенъ богамъ и святости богослуженія; что онъ разрываетъ союзы, соединяющіе Гражданъ однихъ съ другими, и истребляетъ повиновеніе, весьма нужное къ сохраненію мира и согласія между разными степенями Государства. Обѣ стороны утверждали свое мнѣніе съ

равнымъ

равнымЪ усиленїемЪ; и сїе было обыкновеннымЪ источникомЪ всѣхЪ споровЪ между двумя частьми Республики. Забыто было о раздѣлѣ земель; виды и пользы ВельможЪ и Народа казались быть заключены вЪ рѣшенїи сего дѣла, хотя не извѣстно было, какой успѣхЪ произведетЪ оное.

Моровая язва, которая заразила городЪ и окрестности, прервала сїи несогласїя. Каждый мысля о своихЪ единственно утратахЪ и о собственномЪ сохраненїи менѣ прилѣплялся кЪ общей пользѣ. Но какЪ сїя жестокая язва скоро миновала, то Трибуны начали вновь требовать, чтобЪ принятЪ былЪ законЪ, который предложилЪ Волеро. Сей Народный НачальникЪ кончилЪ уже годЪ вЪ своей должности; но НародЪ, не надѣясь успѣть вЪ дѣлѣ безЪ его помощи, вручилЪ ему Трибунство и для слѣдующаго года, не взирая на совѣщанїе и сопротивленїе Патрикїевъ.

 Се-

Сенатъ мнилъ, что надлежало противо поставить ему человѣка твердаго свойства, и который бы не страшился отъ криковъ и угрозъ
282 год. Рим. Народныхъ. Для сего избралъ Аппїя Клавдїя, возведя его на Консульство безъ его въ томъ исканїя. Извѣстно, что онъ не только не старался приобрѣсть сїе высокое достоинство, но ниже хотѣлъ присудствовать въ Собранїи въ день его выбора. Онъ такъ, какъ отецъ его непоколебимо наблюдалъ пользу Сената; но Геройственная твердость перваго переродилась жестокостью въ сынѣ. Онъ былъ съ природы гордъ безъ властолюбїя, поступалъ во всѣхъ дѣлахъ высоковластно, и не хотѣлъ ничего производить чрезъ увѣщанїе и приманку, кои нужны для управленїя вольнаго Народа. Въ товарищи ему посаженъ Титъ Квинтїй, со всѣмъ противнаго ему свойства, съ природы тихїй и привѣтливый человѣкъ, который умѣлъ за-

ста-

ставить Народъ любить себя, хотя былъ изъ первыхъ защитниковъ своего общества. Сенатъ нарочно его избралъ, во мнѣнии что его совѣты и его примѣръ могутъ умѣрять гордыя и небрежливыя поступки Аппїевы.

Сїи два Консула, вступя въ исполненїе ихъ должности, тотчасъ созвали Сенатъ, гдѣ представлено отъ нихъ было, найти удобнѣйшїя средства къ возпрепятствованїю закона, какой предложилъ Волеро.

Аппїй мнилъ начать немедлѣнно новую войну съ сосѣдями, для которой по смѣжности жителей не трудно было выискать причину. Онъ представилъ, что Сенатъ, управляя безпокойнымъ Народомъ, жаднымъ къ новостямъ и возмущаемымъ мятежными Начальниками, позналъ чрезъ опыты, сколь трудно было возставить миръ внутри Государства, безъ внѣшней войны и безъ отдаленїя Народа отъ

 города,

города, гдѢ праздность питала его умыслы и преслушный разумЪ.

Квинтій былЪ противнаго тому мнѢнія. ОнЪ говорилЪ, что несправедливо было начинать войну сЪ сосѢдями, на которыхЪ Республика не имѢла никакой причины жаловаться; что и самЪ НародЪ примѢтилЪ конечно прямые виды Сената; и естьли тогда не захочетЪ итти на войну, то должно будетЪ принуждать его силою: а сіе непремѢнно произведетЪ смятеніе, вЪ которомЪ опасно, чтобЪ величество Сената не претерпѢло оскорбленія. Квинтій имѢлЪ вЪ томЪ мѢсяцѢ ЛикторовЪ и главную власть. МнѢніе его принято было большею частію СенаторовЪ; слѢдственно вторый КонсулЪ долженЪ былЪ сЪ нимЪ согласиться.

Между тѢмЪ Волеро, желая достигнуть кЪ концу своихЪ намѢреній, и бывЪ опять ТрибуномЪ, предложилЪ вновь о законѢ, касающемся

до

до Собранія по Трибамъ. Онъ прибавилъ, что товарищи его и онъ требуютъ для пользы Народа, чтобъ и выборъ Едиловъ производился въ таковыхъ же Собраніяхъ, по примѣру избранія Народныхъ Начальниковъ, и чтобъ взносились туда всѣ дѣла, которыя Народъ имѣетъ право вѣдать: сіе значило какъ бы то, что онъ хотѣлъ перевести отъ Сената къ Народу всю власть Правленія. Сенатъ былъ вновь собранъ по причинѣ толь чрезвычайныхъ предложеній. Квинтій, по природной ему кротости и склонности къ республическому правленію, хотя и не былъ преданъ Плебеянамъ, желалъ однако, чтобъ уступлено было что ни будь въ удовольствіе храбраго Народа, отъ котораго республика, говорилъ онъ, получала ежедневно важныя услуги. Но гордый и строгій Аппій утверждалъ, что отнюдь не надлежало дѣлать снисхожденія, которое означало болѣ

къ слабость, нежели благопріятство Правителей; что Трибуны, по отнятіи у нихъ власти, на послѣдокъ почтутъ за милость отъ себя къ Сенаторамъ и то, естьли оставятъ имъ одни знаки ихъ достоинства. Онъ заключилъ, что послѣ безполезныхъ словъ втунѣ повторяемыхъ, не остается чѣмъ инымъ прекратить мятежныя предпріятія Трибуновъ, какъ строгою и жестокою властію. Что Патрикіи, вооружась съ своими Кліентами, должны силою прогнать Народъ отъ сборнаго мѣста, и бить безъ изключенія всѣхъ, кои новый законъ утверждать станутъ. Сей способъ отверженъ былъ, такъ какъ весьма жестокій и опасный. Сенатъ принялъ умѣреннѣйшее средство, то есть требовано было отъ Трибуновъ, чтобъ прекращены были въ Народныхъ Собраніяхъ шумы и безпорядочные споры, въ которыхъ не льзя было отличить правосудія и здраваго разсужденія; къ тому представ-

ставлено имъ, что когда Консулы возмогутъ спокойно и безъ помѣшательства изъявлять Народу истинную пользу республики, то по томъ согласно съ ними приняты будутъ приличныя мѣры къ благосостоянію Народа и Сената.

Трибуны не смѣли опровергать толь справедливаго предложенія. Квинтій взошелъ на витійственный Трибунъ, гдѣ говорилъ какъ о преимуществахъ мира, равно о нещастіяхъ послѣдуемыхъ отъ несогласія и перемѣны законовъ; но говорилъ толь живо и толь убѣдительно, что естьлибъ Аппій не вступилъ по немъ въ слово, Народъ готовъ былъ отринуть предложеніе, которое подалъ Волеро.

Но сей Консулъ, не умѣя говорить по человѣчеству, но всегда изъясняясь съ гордостію, вмѣсто того чтобъ возпользоваться дѣйствіемъ словъ своего товарища, произнесъ укоризны, кои имѣли равную силу

какъ

какъ и хитрыя наущенія Трибуновъ, кои раздражили еще вновь Плебеянъ, и болѣ отвратили ихъ отъ Сената. Онъ бранилъ ихъ непріятнымъ образомъ самому Сенату, кольми паче ненавистнымъ изреченіемъ Народу, припоминая первый ихъ побѣгъ на Священную гору и учрежденіе Трибунства, которое, сказывалъ онъ, похищено было отъ Сената явнымъ возмущеніемъ и междоусобною войною; говорилъ при томъ, что не надлежало удивляться, естьли Трибуналъ возмутителей производилъ одни только непорядки и несогласіе, кои ведутъ республику къ совершенной погибели; что уже и такъ не оставалось слѣдовъ древняго правленія; что самые Священные законы были уничтожены, консульская власть въ презрѣніи, и достоинство Сената унижено; что наглость подлыхъ людей до того простирается, что они смѣютъ отвергать при избраніи Трибуновъ

СенатусЪ - КонсультЪ и Авспиціи, то есть все то, что Богослуженіе и Правительство имѢютЪ наиболѢ Священнаго и почитаемаго; что они вскорѢ уничтожатЪ вовсе СенатЪ, дабы на раззореніи онаго утвердить высочайшій СовѢтЪ, составленный изЪ НародныхЪ ТрибуновЪ; что онЪ проситЪ боговЪ отнять у него жизнь прежде нежели онЪ увидитЪ толико гибельное послѢдованіе. „ А чтобЪ „вы знали мое мнѢніе, говорилЪ онЪ „кЪ Народу, я обЪявляю, что я „всегда непоколѢбимо стану спорить „противу установленія толь непра„веднаго закона, и надѢюсь что „прежде нежели ваши Трибуны успѢ„ютЪ выдать оный, я васЪ застав„лю чувствовать, сколь простран„на власть Консульская„.

НародЪ содрягнулся отЪ злобы и негодованія, услыша толь укорительныя рѢчи. Первый изЪ ТрибуновЪ, по имени Лекторій, который почитался изЪ храбрѢйшихЪ воиновЪ

ре-

республики, отвѣчалъ ему, что всѣ знаютъ, что онъ происходилъ изъ такого дома, въ которомъ гордость и безчеловѣчїе были наслѣдственны; что отецъ его былъ жесточайшїй непрїятель Народа, по чему неудивительно, когда и сынъ такъ же былъ болѣ Тиранъ нежели Консулъ. Но что онъ ему съ своей стороны равно объявляетъ, что не взирая на Консульское его достоинство и могущество, избранїя Трибуновъ и Едиловъ будутъ производиться впредь въ сборищахъ по Трибамъ. Онъ клялся ужаснѣйшими клятвами, что онъ или потеряетъ жизнь тотъ день, или законъ будетъ принятъ. Онъ приказалъ въ тожъ время Консулу вытти изъ Собранїя, и не дѣлать смятенїя при сборѣ голосовъ.

Аппїй презиралъ его приказанїе и кричалъ ему, что хотя онъ былъ Трибунъ, однако человѣкъ не важный безъ правильнаго начальства, и что

что онъ не имѣлъ другой власти, какъ только что могъ спорить Сенатскимъ приговорамъ, естьли они противны Народной пользѣ. По томъ собравъ къ себѣ своихъ родственниковъ, друзей и Клїентовъ, кои были въ великомъ числѣ, приготовился отражать насильство силою. Лекторїй переговоря въ волненїи съ своими товарищами, объявилъ чрезъ провозвѣстника, что общество Трибуновъ повелѣваетъ вести Консула въ тюрьму; и тотчасъ исполнитель приказанїй сего Трибуна отважился приступить брать перваго Правителя республики. Но тогда Сенаторы, Патрикїи и толпа Клїентовъ, кои преданы были Аппїю, поставили его въ срединѣ и оттолкивали прочь дерзновеннаго исполнителя. Лекторїй, пылая гнѣвомъ, выступилъ самъ къ ободренїю посланнаго, и звалъ въ помощь Народъ. Плебеяне мятутся, отважнѣйшїе присоединяются къ Трибуну; обѣ

стороны свирепѣютъ въ великомъ шумѣ. Скоро за ссорою послѣдовала драка; и какъ въ то время запрещено было носить оружіе въ городѣ, то съ обѣихъ сторонъ берутъ скамейки и камни вмѣсто оружія. По видимому сіе смятеніе кончилось бы пролитіемъ многой крови, естьли бы Квинтій не уговорилъ нѣкоторыхъ бывшихъ Консуловъ и старыхъ Сенаторовъ выручить Аппія изъ толпы Народной, между тѣмъ какъ онъ самъ старался укротить Трибуновъ. Но наступившая ночь болѣ всего принудила ихъ разстаться, въ неутолимой злобѣ другъ противу друга.

На утро смятеніе паки возобновилось. Народъ, подстрекаемый своими Трибунами, особливо отъ Лекторія, который въ вечеру былъ раненъ, захватываетъ Капитолій, толпится тамо и оказываетъ себя готовымъ начать прямую войну. Сенатъ съ своей стороны собирается

какъ для того, чтобъ найти средства къ усмиренію бунта, такъ и для примиренія двухъ Консуловъ, изъ которыхъ первый, какъ болѣе умѣренный, желалъ уступить что ни будь въ удовольствіе Народа; но Аппій объявлялъ, что онъ скорѣе согласится умереть, нежели уступить непріятелямъ. Сей мятежъ продолжался нѣсколько дней. Квинтій, который не былъ ненавистенъ Народу, подходитъ къ Трибунамъ, ласкаетъ ихъ, увѣщеваетъ жертвовать особеннымъ ихъ мщеніемъ общему благу, дабы тѣмъ возставить въ городѣ миръ и согласіе. Трибуны отвѣчали ему, что онъ долженъ былъ увѣщевать въ томъ своего товарища, который одинъ былъ причиною видимаго несогласія въ республикѣ; что они не предлагали несправедливыхъ требованій, прося дабы избраніе Трибуновъ производилось въ Собраніи по Трибамъ; что сіе не изключало отъ мѣстъ тамъ

ни Сенаторовъ, ни Патрикіевъ, ни Рыцарей, кои всѣ вписаны были въ который ни будь изъ тритцати Трибовъ, и могли всегда присудствовать въ тѣхъ Собраніяхъ, какъ Граждане; что Народъ желаетъ только, чтобъ они тамъ не первенствовали, и чтобъ честь сія оставлена была его особымъ Начальникамъ; что какъ скоро толь справедливый законъ будетъ уставленъ, то городъ паки въ тишинѣ останется; но что однако они не оставятъ судить въ послѣдствіи Аппія за побои Лекторія, котораго особа была священна.

Квинтій отвѣчалъ имъ кроткимъ образомъ, что въ бывшемъ смятеніи, естьли Трибунъ былъ раненъ, то не льзя было обвинять въ томъ Аппія, болѣ нежели кого ни будь другаго; что онъ имъ совѣтуетъ оставить сіе особенное мщеніе для благосостоянія мира и обойтись съ Сенатомъ ласково. При семъ случаѣ

онъ

онъ внушилъ имъ надежду, что Сенатъ по своему обыкновенному милосердію можетъ сдѣлать удовольствіе Народу въ разсужденіи требуемаго закона, естьли только они предадутся совершенно его рѣшенію. Представляя же имъ сей единственный путь къ успѣху, далъ разумѣть, что когда Народъ захочетъ домогаться вмѣсто того силою, то всегда сыщется великое число молодыхъ Сенаторовъ и Патрикіевъ, которые поставятъ себѣ въ достоинство ему сопротивиться.

Трибуны зная благоразуміе Квинтіево, легко почувствовали, что сей искусный Правитель не сдѣлалъ бы въ удовольствіе ихъ таковыхъ предложеній, естьли бы не былъ благонадеженъ въ томъ на согласіе Сената. И какъ уже не льзя было однимъ наружнымъ снисхожденіемъ спасти честь сего общества, то Трибуны удовольствованные началомъ самаго дѣла, не спорили о томъ, ка-

кимъ образомъ должно произвести оное. Они увѣрили Квинтія, что Народъ почтетъ справедливымъ все то, что онъ скажетъ отъ него Сенату. Имъ легко можно было на то согласиться, зная, что преемники ихъ въ слѣдующемъ году могутъ по своей волѣ требовать вновь закона, естьли разсужденія Сената не будутъ благопріятны Народу.

Квинтій разставшись съ Трибунами, созвалъ Сенатъ, которому представилъ о успѣхѣ своихъ увѣщаній. По томъ требовалъ мнѣній отъ прежде бывшихъ Консуловъ, начавъ съ Публія Валерія Публиколы. Сей Сенаторъ говорилъ, что побои Трибуна не были дѣйствіемъ особенной ссоры между Аппіемъ и Лекторіемъ, и что надлежало погасить мщеніе одного общимъ перемиріемъ, такъ какъ предать забвенію всю бывшую вражду, которая неминуемо долженствовала произвесть особыя неудовольствія. Что же надлежитъ

до

до прямаго дѣла, продолжалъ онъ, то есть, имѣетъ ли право Сенатъ разсуждать о законѣ, прежде нежели оный будетъ предложенъ Народу, и должно ли позволить дабы Собранія для выбора Трибуновъ производились безъ того чтобъ Сенатусъ-Консультъ и Авспиціи притомъ содѣйствовали, онъ полагается въ томъ на рѣшеніе по большинству голосовъ.

Валерій не разсудилъ за благо изъяснить далѣ свое мнѣніе, чаятельно изъ снисхожденія къ Народу, которому Патрикіи и Сенаторы Валеріева поколѣнія, отъ перваго Валерія Публиколы, по его примѣру много благопріятствовали. Дѣло произвело многія распри; но Квинтій, имѣя природный даръ увѣренія, велъ разумы съ такимъ искусствомъ, что напослѣдокъ уговорилъ Сенатъ уступить еще Народу оную часть своей власти. Аппій противился тому сколько могъ, свидѣтельствуя бо-

гами и людьми, что республика была измѣняема, и что новый законъ установлялся къ вящшему вреду Сената нежели могъ быть самый тотъ который на Священной горѣ состоялся. Но онъ не могъ преодолѣть мнѣнія старыхъ Сенаторовъ: они знали, что кромѣ Консуловъ, кои подсудны были одному только Сенату, каждый Сенаторъ былъ, такъ сказать, въ рукахъ Народа; ибо Народъ послѣ суда Коріоланова вступилъ въ право судить Патрикіевъ. И такъ, то любовь къ миру, то страхъ мстительныхъ Трибуновъ, привлекли большую часть голосовъ ко мнѣнію Квинтіеву. Законъ былъ выданъ съ согласія обѣихъ сторонъ; и тогда въ первый разъ избраны были Трибуны въ Собраніи учрежденномъ по Трибамъ. Пизонъ историкъ, по свидѣтельству Тита Ливія, сказываетъ что въ первый разъ тогда избрано было пять Трибуновъ; что на Священной горѣ

282 год. Рим.

горѣ учреждены только двое, трое же прибавлены къ нимъ при семъ новомъ произшествіи. Но какъ бы то ни было, Аппій, озлобясь противу самого своего общества болѣ еще нежели противу Народа, говорилъ что весьма постыдно было для Сената оставить его безъ товарищества въ томъ, къ чему сами Сенаторы его принудили возведеніемъ на достоинство, котораго онъ не искалъ. Между тѣмъ онъ не упускалъ случаевъ, гдѣ могъ показывать Плебеянамъ, что хотя Трибуны торжествовали надъ Сенатомъ, онъ однако не колебался въ своей твердости.

Эквы и Волски во время сихъ несогласій, по ихъ обыкновенію, набѣгами своими опустошали Римскія земли. Для сего набраны были Легіоны Плебеянъ, кои лѣтомъ были воины, хотя зимою мѣщане. Консулы раздѣлили ихъ подъ свое предводительство. Квинтій пошелъ противу Экововъ, а Аппій повелѣвалъ войскомъ, назначеннымъ

нымъ противу Волсковъ. Сей Полководецъ, находясь внѣ Рима съ сею полною властїю, которую имѣетъ Повелитель въ полѣ, поступалъ толь строго съ подчиненными, что видно было въ томъ болѣ мщенія за прошедшее, нежели установленія доб-раго порядка въ воинствѣ. Жестокость повелительства стала быть тягостна подчиненнымъ: Центурїоны и воины всѣ негодовали противу строгости Полководца. Отъ того послѣдовалъ нѣкоторый родъ заговора болѣ противу его славы, нежели противу жизни. Воины, не желая чтобъ онъ побѣдилъ и получилъ по томъ честь Трїумфа, согласились не сопротивляться непрїятелю. Когда Волски шли начать битву, и когда Аппїй вывелъ свое войско на сраженїе, то Римляне, по приближенїи непрїятеля, бросили оружїе, побѣжали безчестнымъ образомъ, и не мнили тѣмъ дорого купить посрамленїе своему Полководцу, хотя теряли собственную свою славу. Ап-

Аппій въ отчаяніи кидается по сторонамъ, чтобъ собрать римлянъ и привести къ битвѣ. Онъ проситъ и угрожаетъ безполезно; иные отдаляются, чтобъ избѣжать его повелѣній, другіе не бывъ ранены показываютъ ему перевязки, которыми они нарочно перевязали здоровыя части тѣла. Они требуютъ, чтобъ отвели ихъ въ станъ для излѣченія, и всѣ бѣгутъ туда кучею, не дожидаясь на то повелѣнія. Волски воспользовались симъ безпорядкомъ, и порубя на части позади бѣгущихъ, наступали уже на укрѣпленія римлянъ. Тогда воины, боясь чтобъ непріятель не водрался въ средину, обращаютъ лице при укрѣпленіи, храбро сопротивляются и отражаютъ Волсковъ: не гнавшись однако за ними, а довольствуясь показать своему Полководцу, что они могли бы побѣдить, естьлибъ хотѣли.

Аппій раздраженъ сею новою досадою, еще болѣ нежели ихъ бѣгствомъ,

ствомъ, хотѣлъ на завтре собрать свое войско и судить въ Трибуналѣ, дабы сдѣлать примѣрное наказанїе зачинщикамъ. Но воины пренебрегли повѣстку, по которой должны были собраться. Они требовали велегласно отъ своихъ Начальниковъ, чтобъ свести ихъ заблаговременно съ земель непрїятельскихъ, гдѣ они конечно разбиты будутъ. Чиноначальники, не находя ни порядка ни послушанїя въ войскѣ, совѣтовали Полководцу не употреблять всуе свою власть противу упрямыхъ. Аппїй, въ злобѣ отъ сего бунта, слѣдовалъ обратно; и когда былъ на походѣ, то Волски свѣдавъ о томъ чрезъ бѣглецовъ, напали съ великимъ крикомъ на заднихъ. Ужасъ вездѣ разсыпался и въ самыхъ передовыхъ войскахъ; каждый бросаетъ свое оружїе; тѣ кои несутъ знамена, ихъ покидаютъ, и уже не притворно бѣгутъ, какъ прежде; всѣ разстроеваются и спасаются по разнымъ

нымЪ дорогамЪ. Собираютсяже опять вмѣстѣ не прежде какЪ на землѣ Римской.

Аппій остановясь вЪ такомЪ мѣстѣ, которое было защитою области, и гдѣ не льзя было его принудить сражаться по неволѣ, созвалЪ вЪ другой разЪ Собраніе. ОнЪ возшедЪ на свой ТрибуналЪ, укорялЪ окружающихЪ его воиновЪ вЪ постыдномЪ бѣгствѣ, и горше еще вЪ измѣнѣ, которая болѣ была злодѣйственна нежели самое бѣгство. У иныхЪ спрашивалЪ, куда они дѣли свое оружіе; а утѣхЪ, кои несли знамена, не отдалиль ихЪ неприятелю, избавляясь отЪ лишней тягости. По томЪ вдавшись природной своей жестокости, и паче усугубленной справедливымЪ мщеніемЪ за ихЪ бѣгство, велѣлЪ десятаго изЪ воиновЪ переказнить, и перерубить головы ЦентуріонамЪ и прочимЪ чиноначальникамЪ, кои оставили вЪ сраженіи мѣста ихЪ. Когда

же

же наставало время избирать Консуловъ для слѣдующаго года, то онъ привелъ въ Римъ оставшее свое войско, которое возратилось со стыдомъ наказанія, и пылая мщеніемъ за оное.

Аппій раздража Народъ, привлекъ вновь его къ себѣ ненависть, возпротивясь требованіямъ кои въ томъ же году Трибунами возобновлены были: ибо едва сіи Народные Начальники вступили въ ихъ званіе, какъ всѣ они старались оказать себя передъ Народомъ предложеніями, кои наиболѣ ему льстили. Иные вымышляли новые законы, другіе вступались въ произведеніе тѣхъ; кои не были еще приняты, и всѣ имѣли единственную цѣль, раздѣлить съ Сенатомъ и Патрикіями имѣнія, достоинства и начальства республики.

283 год. Рим. Въ Консульство же Луція Валерія и Тита Эмилія, кои вступили въ сіе достоинство послѣ Квинтія и

Аппія,

Аппія, Сициній Трибунъ, внукъ Сицинія Беллута, того который былъ предводитель возмущенія на Священной горѣ, возобновилъ съ своими товарищами древній противу Сената споръ о раздѣлѣ сихъ общихъ земель, коими Патрикіи и богатѣйшіе жители Рима завладѣли.

Дѣло останавливалось отъ главныхъ Правителей, кои ссылаясь на Сенатусъ-Консультъ, учиненный въ Консульство Кассія и Виргинія, не были властны назвать повѣренныхъ къ изслѣдованію о сихъ земляхъ и къ ихъ раздѣлу. Для сего Трибуны искусно старались склонить, на свою сторону, сихъ первыхъ двухъ Правителей республики. Эмилій обѣщалъ имъ помогать въ ихъ требованіяхъ. Онъ предпринялъ сей необычайный поступокъ въ отмщеніе Сенату за своего отца, который не получилъ чести Тріумфа по побѣдѣ его надъ Эквами. Валерій такъ же доволенъ былъ, нашедъ случай угодить На-

роду,

роду, который злобился на него за смерть Кассїеву: ибо по ево доносу, когда онъ былъ Квесторомъ, Кассїй осужденъ на казнь.

Трибуны въ надеждѣ на обоихъ Консуловъ, предложили на послѣдокъ дѣло Сенату. Они говорили весьма умѣренно, и просили съ великою покорностїю, чтобъ Сенатъ благоволилъ явить правосудїе Народу, и чтобъ Консулы не откладывали болѣ опредѣлить Децемвировъ, для должнаго учрежденїя о раздѣлѣ. Оба Консулы дали знать своимъ молчанїемъ, что они тому не противились. Валерїй, какъ первый Консулъ, спрашивалъ по томъ мнѣнїй отъ общества, начавъ отъ отца своего товарища. Сей старый Сенаторъ мня въ пользу Народа, говорилъ, сколь несправедливо нѣкоторые граждане особо обогащались отъятыми у неприятеля владѣнїями, между тѣмъ какъ оставшая часть жителей стенали подъ игомъ бѣдности. Онъ пред-

представлялъ, что скудные Плебеяне почитали себѣ нещастїемъ родить дѣтей, которымъ они не могли ничего оставить въ наслѣдство, кромѣ своего неимущества; что каждый вмѣсто того чтобъ могъ стараться о изобилїи принадлежащаго ему удѣла, принужденъ для пропитанїя своего работать какъ невольникъ въ дачахъ Патрикїевъ; и что сїя рабская жизнь мало свойственна была ко вкорененїю храбрости въ Римлянахъ. „И такъ, говорилъ сей „старый мужъ, я мню, что Консу„лы по справедливости должны на„звать Децемвировъ, которые бы „учредили раздѣлъ земель, ибо сїи „земли будучи Народными и общи„ми, должны каждаго жителя поль„зовать равнымъ удѣломъ.„

Апiй противурѣчилъ сему мнѣнїю съ такою гордостїю какъ будто бы онъ былъ третїй Консулъ или какъ будто былъ всегдашнимъ Диктаторомъ. Онъ возражалъ противу Эмилїя

что Народная скудость произходитъ отъ его собственной неумѣренности; что не однажды Консулы оставляли ему добычу на земляхъ непріятельскихъ и что естьли точно будетъ изслѣдовано, то обогатившіеся наиболѣ грабежемъ непріятелей, напослѣдокъ являлись самыми скудными; что естьли сіи Плебеяне будутъ истощать свое имѣніе въ роскоши и праздности, то Республика никогда не будетъ въ состояніи обогатить ихъ; что уже болѣ пятнатцати лѣтъ прошло со времени, какъ учиненъ Сенатусъ-Консультъ, гласящій о раздѣлѣ земель, однако ни одинъ изъ бывшихъ по томъ Правителей не имѣлъ ниже въ помышленіи исполнить по оному: ибо извѣстно, что Сенатъ учиня такое опредѣленіе не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только чтобъ утишить тѣмъ смятеніе, и дать время Народу осмотрѣться въ несправедливости и въ самой невозможности его требованій; что въ

прот-

протчемъ всѣ бывшїе чрезъ пятнатцать лѣтъ Консулы знали, что Сенатусъ Консультъ былъ не дѣйствителенъ по прошествїи предписаннаго ему времени, и что легко могли браться за то, въ чемъ они не имѣли должности; что уповательно равнымъ образомъ и нынѣ правящїе Консулы имѣютъ столько свѣденїя и благоразумїя, дабы не предпринимать собою таковаго дѣла, безъ согласїя и власти Сената. „Но „чтобъ показать вамъ, прибавилъ „Аппїй, что опровергая недѣйствительный приговоръ, я конечно не „стараюсь защищать похитителей, „то даю мое мнѣнїе присоединить „въ прибытокъ общаго владѣнїя земли всѣхъ тѣхъ, кои не могутъ „доказать законно, по чему и на „коликое пространство они владѣютъ ими.„

Сколь ни было справедливо сїе мнѣнїе, однако не нравилось ни Вельможамъ ни Народу то, чтобъ бо-

татые лишены были владѣнія безъ всякой прибыли бѣднымъ. Но какъ Аппій всегда опровергалъ раздѣлъ земель, и предложенное имъ изслѣдованіе о несправедливыхъ владѣніяхъ, казалось еще весьма отдаленно, то большая часть Сенаторовъ хвалили однако его мнѣніе. Трибуны напротиву того, обратя всю свою досаду на сего Сенатора, который казалось соединялъ въ себѣ одномъ ненависть и ревность всѣхъ Патрикіевъ, вознамѣрились его погубить, и требовали на судъ передъ Народъ, какъ явнаго непріятеля общей вольности.

Обыкновенно такъ они обвиняли тѣхъ, кои не имѣли другой вины, и коихъ искали погибели. Сенатъ вступился за него равно, какъ за себя собственно. Большая часть хотѣли упрашивать за него Народъ; но онъ воспрепятствовалъ тому съ обыкновенною своею смѣлостію и твердостію. Онъ не перемѣнилъ ни одѣянія, ни рѣчи, и въ день Собра-

нія

нія предсталъ по среди обличителей съ такимъ безстрашіемъ, какъ бы онъ самъ былъ ихъ судьею. Трибуны винили его жестокостью, во время его Консульства, и безчеловѣчіемъ, съ которымъ онъ умертвилъ чрезъ палача столько воиновъ, сколько самые непріятели не побили ихъ въ непощадномъ сраженіи. А дабы представить сего Сенатора болѣ ненавистнымъ, они приписывали ему новымъ порокомъ и строгость отца его. Но онъ отвѣчалъ на сіи разныя обвиненіи столь сильно, что Народъ въ удивленіи и стыдѣ не смѣлъ осудить его. Трибуны боясь, чтобъ онъ не вышелъ пр въ, отложили судъ до другаго Собранія, подъ видомъ что приближилась ночь, и что не оставалось довольно времени для збора голосовъ. Во время отсрочки Аппій предвидя, что онъ не избѣжитъ отъ гибели, по непримиримой къ нему ненависти сихъ Народныхъ Начальниковъ, умертвилъ

 самъ

самъ себя заранѣе. Сынъ выставя его тѣло на всенародное мѣсто, по обыкновенію представился, чтобъ говорить объ умершемъ отцѣ рѣчь надгробную. Трибуны ненавидя его память, хотѣли тому возпрепятствовать, подъ видомъ что отецъ его числился между злодѣями, по обвиненію въ которомъ онъ не оправдался и умеръ. Но Народъ имѣя болѣ великодушія, далъ волю говорить сыну и слушалъ безъ досады похвалу о непріятелѣ, котораго онъ почиталъ однако добродѣтели, и котораго болѣ уже не боялся.

Трибуны начали по томъ вновь домогаться, чтобъ выданъ былъ законъ о земляхъ, которой за судомъ Аппіевымъ оставался безъ уваженія на нѣсколько времени. Смерть сего великаго мужа казалось долженствовала устрашить всѣхъ тѣхъ, кои отважатся сопротивиться установленію сего закона; но какъ благосостоя-

состоянїе многихъ Сенаторовъ отъ того зависѣло, и многїе богачи изъ Плебеянъ притяжали разные удѣлы сихъ общихъ земель, то сторона Патрикїевъ усиливалась, а сторона Народная ослабѣвала. Старанїе Трибуновъ не было по томъ равно усердно, и земли остались по прежнему при своихъ владѣльцахъ, не взирая на требованїя и жалобы мѣлкаго Народа.

Римляне въ слѣдующемъ году, въ Консульство Авла Виргинїя и Нумицїя упражнялись въ войнахъ, или лучше сказать въ набѣгахъ и разбояхъ противу Эквовъ, Волсковъ и Сабинянъ; но по возвращенїи съ поля возобновились опять обыкновенныя несогласїя. 284 год Рим.

Народъ, считая себя утѣсненнымъ по совѣщанїю Вельможъ, дабы показать свое въ томъ возчувствованїе, удалялся отъ всѣхъ Собранїй, кои учреждались по Центурїямъ, и гдѣ Консулы и Сенатъ перво-

воначальствовали. Казалось, что Плебеяне хотѣли отдѣлиться въ другой разъ отъ общества Республики; ни одинъ не явился при избранiи Консуловъ для наступающа-
277 год. Рим. го года, что никогда не случалось. Титъ Квинтiй и Квинтъ Сервилiй поставлены были въ сiе достоинство, по однимъ голосамъ Сената, Патрикiевъ и ихъ Клiентовъ, которые не взирая на сiи несогласiя, держали всегда сторону своихъ Патроновъ.

Сiи Консулы для отвращенiя раздоровъ упражняли Народъ разными во весь годъ войнами противу Экковъ и Волсковъ. Титъ Квинтiй отнялъ у сихъ послѣднихъ городъ Антiумъ и всю принадлежащую къ нему землю. Грабежъ и добыча отвели Народъ отъ роптанiя въ отечествѣ; воины по возвращенiи въ Римъ не смѣли жаловаться на своихъ Полководцевъ, подъ предводительствомъ которыхъ они приобрѣли имѣнiе и славу. Но

Но жалобы и несогласія паки начались въ Консульство Тиверія Эмилія и Квинта Фабія. Сказано уже, что Эмилій въ первое свое Консульство подавалъ мнѣніе о раздѣлѣ земель, по чему Трибуны и защитники закона Аграрія ласкали себя новою надеждою во вторичномъ его Консульствѣ. Предложено было о томъ въ Сенатѣ, и Эмилій не перемѣнилъ своего мнѣнія. Сей Консулъ всегда благопріятствуя Народу, утверждалъ что не можно сохранить мира и согласія между Гражданами вольнаго Государства естьли благотвореніемъ закона не будетъ уравнена независимость бѣдныхъ равно съ богатыми и естьли не будутъ раздѣлены на равныя части завоеванныя земли у непріятеля. Но были великія трудности въ семъ раздѣлѣ: ибо надлежало изыскать и уставить справедливое различіе между землями по старому и новому владѣнію. Надлежало

также распространить сїе различїе и вЪ тѣхЪ округахЪ, кои куплены Патрикїями изЪ общаго владѣнїя, или кои сперьва взяты на окладЪ подЪ ихЪ и чужими именами, но кои по томЪ поворочены равно какЪ часть общихЪ вЪ наслѣдственную отчизну. КакЪ они уже были издавна за ними по переписямЪ, то никакими сысками не льзя было достигнуть до истинны и доказать несправедливость ихЪ стяжанїя. Патрикїи раздѣлили по томЪ сїи земли между дѣтьми какЪ ихЪ отчинныя, и сїи земли сдѣлавшись наслѣдственными переходили вЪ разные домы по завѣщанїямЪ, продажамЪ и закладамЪ. Богатые же Плебеяне владѣли частью оныхЪ сЪ нѣкотораго времени по справедливому приобрѣтенїю, такЪ что казалось не возможно ихЪ вЪ томЪ тронуть, не причиня общаго смятенїя вЪ республикѣ.

Эмилій не взирая на сіи важныя неудобности, всегда твердо настояль въ произведеніи требуемаго закона. Онъ желалъ имѣть достоинство въ глазахъ Народа, чтобъ оный выданъ былъ въ его Консульство: въ чемъ онъ былъ подкрѣпляемъ старыми Сенаторами, кои почитали посреднее богатство въ людяхъ и равенство имѣній крѣпчайшими подпорами общей вольности. Но больш я часть, особливо тѣ, кои владѣли сими общими землями, жаловались что Эмилій угождая Народу, хотѣлъ оказывать ему щедрости отнятіемъ у Вельможъ имѣній. Онъ долженъ былъ слышать укоры и ругательства. Многіе упрекали его, что онъ поступалъ не такъ какъ Консулъ, а какъ потворный Трибунъ. Кроткіе же взирали съ удивленіемъ, что Сенаторы отступили отъ почтенія Начальнику въ Сенатѣ и главному Правителю Республики. Фабій товарищь его,

дабы предупредить слѣдствія сихъ несогласій, подалъ мнѣніе, которое не было обѣимъ сторонамъ противно.

Какъ большая часть жителей города Антіума погибли въ послѣднюю войну: то къ удовольствію Римскаго Народа, который отъ скудости, паче же отъ наущенія Трибуновъ не былъ спокоенъ, Фабій предложилъ, чтобъ переселить часть неимущихъ Римскихъ Гражданъ въ Антіумъ и раздѣлить между ими сосѣднія земли, отнятыя у Волсковъ. Сіе мнѣніе сперьва было принято съ великимъ удовольствіемъ отъ мѣлкаго Народа, всегда жаднаго къ новости. Тотчасъ назначены были къ предводительству сего поселенія Титъ Квинтій, Авлъ Виргиній и Публій Фурій. Но когда надлежало Плебеянамъ являться давать имена симъ *Тріумвирамъ* *, то весьма малое число

(*) *Тріумвиръ*, троеначальникъ. *Тріумвирство*, троеначаліе. Тріумвиры въ по-

число вызвалось къ поселенію. Римъ любезенъ былъ его жителямъ. Никто не хотѣлъ изъ него выйти. Игры, зрѣлища, Народныя Собранія, оборотъ дѣлъ, участіе которое Народъ имѣлъ въ правленіи, напослѣдокъ все тамъ привязывало Гражданъ, какъ они бѣдны ни были. Переселеніе представлялось имъ нѣкоторою честною ссылкою; и самые бѣднѣйшіе Плебеяне желали лучше въ семъ случаѣ при всей ихъ скудости жить въ Римѣ, и ожидать въ немъ сумнительнаго раздѣла общихъ земель, которымъ ихъ издавна ласкали, предпочитая оной выгодному индѣ поселенію. И такъ, Тріумвиры, къ наполненію должнаго числа новыхъ жителей, принуждены были набирать чужеземцовъ и скитающихся, кои представились для

слѣдствіи имѣли знатнѣйшіе должности и правительства.

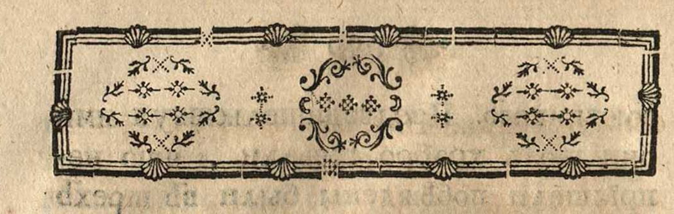
для обитанія тамъ вмѣсто Римлянъ. Изъ сего учрежденія почерпнута только та польза, что тѣ кои отреклись итти на поселеніе, не смѣли болѣ говорить о раздѣлѣ земель.

Моровая язва въ сіе время опустошала городъ и окрестности. Безчисленность Народа, много такъ
290 год. Рим. же Сенаторовъ, и оба Консулы Публій Сервилій и Луцій Эбуцій отъ того померли. Волски и Эквы, чая получить великія выгоды надъ Римлянами при нападеніи на нихъ въ сихъ обстоятельствахъ, возобновили войну въ Консульство Луція Лу-
291 год. Рим. креція Триципитинія и Тита Ветурія Гемина. Едва сіи правители вступили въ ихъ званіе, какъ должно было сопротивляться набѣгамъ непріятелей. Но какъ они не могли найти довольно силъ въ городѣ, гдѣ язва истребила много Народа, то призвали въ помощь къ себѣ Латинянъ и Герниковъ, своихъ

союзни-

союзниковъ. Предводительствуя ими они толь храбро воевали, что неприятели побеждены были въ трехъ разныхъ сраженіяхъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ КНИГИ.



КНИГА IV.

Трибунъ Квинтъ Терентиллъ Арза предлагаетъ, чтобъ выданъ былъ съ согласія Народа общій законъ, такъ какъ уложенье, по которому бы отправлялось правосудіе. Цезонъ сопротивляясь прежде оному, принужденъ убѣжать въ Тосканію, чтобъ избавиться отъ истязанія передъ Народомъ. Трибуны составляютъ умыселъ къ истребленію всѣхъ Сенаторовъ и Патриціевъ, кои были имъ ненавистны. Консулъ Клавдій уничтожаетъ ихъ умыселъ. Аппій Гердоній овладѣлъ Капитоліемъ. Римляне наступаютъ на непріятеля, и Гердоній не могши имъ сопротивиться самъ себя убиваетъ. Квинтій Цинцинатъ взятъ отъ сохи повелѣвать войскомъ въ достоинствѣ Консула. Онъ отрицается

отъ

отъ Консульства, которое ему предложено было въ последующій годъ, и возвращается къ пашнѣ малаго своего удѣла. Онъ паки призванъ, дабы итти въ достоинствѣ Диктатора высвободить Консула, который со всѣмъ своимъ войскомъ былъ заперть непріятелемъ въ тѣсномъ мѣстѣ. Онъ выручаетъ Консула и его воиновъ, побѣждаетъ непріятеля, и возвращается съ торжествомъ въ Римъ. Квинтій Цезонъ, сынъ его возвращенъ отъ изгнанія. Сенатъ даетъ Народу власть избрать десять Трибуновъ вмѣсто пяти, съ тѣмъ чтобъ не требовалъ онъ болѣ закона Терентиллова. Гора Авентинъ уступлена Народу чрезъ Сенатусъ-Консультъ. Титъ Ромилій и Квинтъ Ветурій Консулы, одерживаютъ совершенную побѣду надъ непріятелями. Народъ уговоренъ отъ Сицція, отказываетъ имъ честь Тріумфа, и еще осуждаетъ ихъ къ денежному наказанію мстя за то, что они противились

 про-

произвесть въ дѣйство законъ Аграрїй.

Между тѣмъ, какъ оба Консулы были въ полѣ, одинъ Народный Трибунъ по имени Квинтъ Терентиллъ Арза, вознамѣрился въ Трибунствѣ своемъ выслужиться новыми предложенїями. Познавая же, что Сенатъ и Консулы останавливали всегда по ихъ власти произведенїе законовъ, кои предлагались отъ его товарищей, онъ проискивалъ всѣ способы къ ослабленїю и уменьшенїю сей власти, которая была всегдашнимъ предмѣтомъ неудовольствїя и ревности Трибуновъ. Онъ требовалъ въ полномъ Собранїи, чтобъ положены были границы самовластїю Консуловъ, и въ тоже время, чтобъ уставлены были съ согласїя Народа твердые и непремѣнные законы, по которымъ бы Сенатъ имѣлъ правило въ рѣшенїи судовъ, кои могутъ произойти между жителями.

Чтобъ лучше понимать о важности сего втораго предложенія, можетъ быть не безполезно упомянуть здѣсь, что въ Римѣ не было еще положительнаго закона ни образа въ отправленіи правосудія. Единая воля первыхъ въ немъ Царей служила закономъ въ ихъ царствованіи. Консулы и Сенатъ вступя въ ихъ мѣсто, получили и самодержавное въ судахъ право владыкъ Народныхъ. Они составляли ихъ опредѣленія, или по узаконенію естественной правды, или по древнимъ обычаямъ, или напослѣдокъ по первобытнымъ законамъ Ромуловымъ и его преемниковъ, которыхъ находились еще слабыя указанія въ Священныхъ книгахъ, кои хранились въ рукамъ однихъ Патрикіевъ. Народъ мало о томъ вѣдалъ; находясь по большой части на войнѣ внѣ Рима, или живучи въ полѣ, люди приходили въ городъ только въ ярмочные дни за домашними нуждами, или

для присудствія въ Народныхъ сборищахъ, кои въ сіи же дни учреждались. Они полагались во всѣхъ своихъ тяжбахъ на судъ Консуловъ, которые въ разсужденіи Народа, содѣлывали таинствомъ сіи первыя основанія ихъ законоположенія.

Смерть многихъ Патрикіевъ, которыхъ язва похитила, и отсудствіе обоихъ Консуловъ, бывшихъ тогда въ полѣ надъ войсками, явили полезный случай Терентиллу, дабы покуситься сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ Правленіи. Онъ представилъ Народу, что Правители, будучи Патрикіи, совершенно владычествовали надъ участію, какую кому дать хотѣли; что въ тяжбахъ, кои происходили между Патрикіями и Плебеянами, послѣдніе всегда были обвиняемы; что при обвиненіи по суду имъ не оставалось и того утѣшенія, чтобъ они могли вѣдать право или криво ихъ судили. И такъ онъ заключилъ, что

что неотлагаемо надлежало устaвить законы, которые бы служили правиломъ судьямъ, и доказательствомъ истинны или неправды истцамъ и отвѣтчикамъ.

Онъ откровенно по томъ противословилъ силѣ Консуловъ, говоря, что къ сему достоинству приписаны были могущество и власть нетерпимыя въ вольномъ городѣ; что оба Консулы поступали самодержавно, какъ и древнїе Цари римскїе; что они какъ Государи имѣли одѣянїя съ красными обшивками, Курульскїя кресла, хранителей и Ликторовъ; что судъ и милость были въ ихъ рукахъ, и что сїи Правители въ то же время какъ почитали себя неподверженными никаковымъ законамъ, наказывали за ненаблюденїе оныхъ подчиненныхъ и Народъ жестокими казнями; что въ полѣ предводительствуя войсками они производили войну, часто такъ же и миръ, по своей угодной власти, безъ согласїя

отъ Сената, которому они только ради вида по томъ давали отчетъ въ своемъ Правленіи; что такимъ образомъ они имѣли всю власть Царей, не имѣя одного только ихъ имени; но къ предупрежденію, чтобъ ихъ Владычество не обратилось напослѣдокъ во всегдашнее тиранство, онъ требовалъ, дабы выбрано было пять человѣкъ изъ правдивѣйшихъ людей въ Республикѣ, которые бы уполномочены были заключать въ надлежащія границы толь чрезмѣрную власть, такъ чтобъ Консулы впредь не имѣли другой воли надъ своими согражданами, какъ ту какую дадутъ имъ надъ собою сами сіи Граждане.

Толь дерзновенныя предложенія удивили чрезвычайно Сенаторовъ. Они признали тогда, но уже поздно истинну, которую два Аппія многажды прорекали, когда говорили, что Народъ испытавъ слабость Сената по истребованнымъ въ пользу свою законамъ, востанетъ напослѣдокъ открo-

кровенно противу его власти, такъ какъ нынѣ въ самомъ дѣлѣ умаляетъ власть Консуловъ, которая была крѣпчайшею его подпорою. По щастью сего общества, Квинтій Фабій въ отсудствіе Консуловъ былъ тогда главнымъ Правителемъ Рима. Сей мужъ былъ твердаго разума, наполненъ смѣлостію и неустрашимостію, хранилъ крѣпко законы и образъ Правленія Республики.

Бодрствующій Правитель, видя что дерзновенныя предложенія Трибуновъ стремились къ нарушенію Консульскаго достоинства, отправилъ тайно вѣстниковъ къ обоимъ Консуламъ, увѣдомляя ихъ о томъ, что происходило, и прося возвратиться въ Римъ наискорѣе. Онъ собралъ по томъ Сенатъ, въ которомъ представилъ, что до того времени всѣ довольны были въ Римѣ рѣшеніями, по суду естественнаго права и по однимъ указаніямъ истинны и благоразсужденія; что множествен-

ность законовЪ служитЪ только способомЪ запутывать правду, и что онЪ сЪ горестію предвидитЪ всѣ нещастія, кои произойдутЪ вЪ республикѣ отЪ сего судебнаго обряда, какой ТерентиллЪ вводить намѣренЪ. ОнЪ внушалЪ по томЪ, что хотя бы сіи перемѣны и полезны были, однако не было честно ни справедливо сЪ стороны ГражданЪ находившихся тогда вЪ Римѣ, предпринимать о томЪ рѣшить вЪ отсутствіи обоихЪ КонсуловЪ, и безЪ сей части Народа, которая составляла ихЪ войска; что они будутЪ имѣть право жаловаться послѣ на скорое и неразсмотрительное рѣшеніе сего важнаго дѣла, которое, касаясь до каждаго особо, не можетЪ быть рѣшимо инако какЪ вЪ общемЪ Собраніи Римскаго Народа; что сами Консулы, какЪ Начальники республики, опровергнутЪ все что будетЪ установлено безЪ ихЪ вЪ томЪ участія; но лучше говорилЪ, когда оба

сіи

сїи вышнїе Правители будутъ присудствовать въ Сенатѣ, и когда весь Народъ соберется, можно тогда по согласїю принять мѣры приличные ко благу Государства и сохраненїю отечества. Фабїй говорилъ по томъ съ великимъ жаромъ противу творца сихъ новыхъ предложенїй. Онъ выговаривалъ, что Терентиллъ уповая на отсудствїе Консуловъ умышлялъ противу республики; что естьли бы въ предтекущемъ году, когда язва и война опустошали городъ и окрестности, боги въ гнѣвѣ попустили быть ему Трибуномъ, то республика не могла бы толь многимъ язвамъ сопротивиться; что тогда бы несумнѣнно Терентиллъ сдѣлавшись главою Эквовъ и Волсковъ отважился разорить Римъ, или по крайней мѣрѣ перемѣнить образъ правленїя, не взирая что онъ основанъ праотцами подъ благополучнымъ предзнаменованїемъ. Напослѣдокъ укротившись нѣсколько обра-

 тился

шился къ другимъ Трибунамъ и заклиналъ ихъ спасенїемъ отечества не вводить ничего вновь до возвращенїя Консуловъ.

Большая часть Трибуновъ склонились по его увѣщанїю, и признавъ представленїя его разсудительными, отстали отъ перваго требованїя Терентиллова, касающагося до уменьшенїя власти Консульской. Можетъ быть также, что надежда быть когда ни будь самимъ въ Консульскомъ достоинствѣ, дѣлала ихъ неупорными въ семъ случаѣ. Но они не отстали требовать, чтобъ избраны были въ Сенатѣ и между Народомъ способные люди къ сочиненїю законовъ, дабы уставить непремѣнный образъ правосудїя, къ которому бы Граждане надежно прибѣгать могли. Однако по усиленїю отъ Фабїя они согласились умолкнуть и о томъ до времени. Консулы по возвращенїи ихъ нашли городъ въ покоѣ; но сїя тишина была недолговременна.

Герники бывшїе тогда союзники Римскаго Народа, дали знать, что Эквы и Волски ихъ сосѣди тайно къ войнѣ готовились, и что новопоселенные въ Антїумѣ были съ ними въ единомыслїи. Сказано было выше, что какъ не явилось довольнаго числа Римлянъ для помянутаго населенїя, то вмѣсто ихъ употреблены были собранные люди изъ разныхъ мѣстъ: Латинцы, Герники, Тосканцы, были также между ими и Волски. Сїи сбродные поселяне, кои были въ большемъ числѣ предъ Римлянами брали верьхъ въ совѣтахъ. Они тайно совѣщевались съ Римскими непрїятелями; и хотя они не воставали откровенно противу Республики, однако вѣрность ихъ была подозрѣваема.

Между тѣмъ Сенатъ предупреждая въ томъ непрїятелей, опредѣлилъ, чтобъ оба Консулы вступили немедлѣнно въ наборъ войска, что называлось у Римлянъ *производить выборъ*;

пыборъ; ибо какъ всѣ Граждане были воины, то Консулы при вооруженіи имѣли право выбирать тѣхъ, кои казались имъ болѣ способными къ службѣ. Сіи два Правителя учредя свой Трибуналъ на Народномъ мѣстѣ, велѣли сыскивать тѣхъ, которыхъ они желали вести въ поле. Но Трибуны тому возпротивились. Они возобновили предложенія Терентилловы касающіяся до установленія законовъ, и Виргиній будучи всѣхъ вспыльчивѣе изъ Трибуновъ, кричалъ на площади, что сія вымышленная война была орудіемъ Сената, дабы только вывесть Народъ изъ Рима, и подъ симъ видомъ не допускать къ произведенію въ дѣйство важнаго для всѣхъ предложенія.

Жестокіе о томъ споры произвели новыя смятенія. Не видно было ни послушанія въ Народѣ, ни дѣйствительной власти въ Сенатѣ. Все рѣшилось по усиленію; и когда сіи первые Правители Республики

ки приказывали брать Плебеянина, который на войну итти упрямился, то Трибуны отбивали его тотчасъ у Ликторовъ и пускали на свободу. Консулы страшась подвергать болѣ свое достоинство къ пренебреженїю возвратились съ площади. Хотя же извѣстїя отъ Герниковъ не нашлись правдивы, и хотя непрїятели къ войнѣ не готовились, однако Консулы не отставали нѣсколько времени присудствовать въ сихъ мятежныхъ Собранїяхъ, въ которыхъ самые смѣлые и неуступчивые болѣ дѣйствовали. Народъ безпрестанно слышалъ о нуждѣ, принудить Консуловъ сдѣлать рѣшенїямъ ихъ правилы, чрезъ установленїе общенародныхъ законовъ. Но Сенатъ защищаясь сохраненїемъ древнихъ обычаевъ, хотѣлъ оставить вольную власть своихъ опредѣленїй по прежнему.

Въ семъ году было трясенїе земли, и въ воздухѣ являлся отрыга- 294 год. Рим.

ющїй

ющїй пламень. Сїи прямоестественныя явленїя, но которые Народъ почиталъ предзнаменованїемъ новыхъ бѣдствїй, заставили умолкнуть сїе дѣло на нѣсколько времени. Безпрестанно разсуждаемо было о зловѣщающихъ признакахъ, которые плодились отъ страха и суевѣрїя. Инымъ казались привидѣнїя страшилищь, которыя перемѣнялись всеминутно въ разные виды; другїе слышали чудные голоса ночью. Славные историки не хотѣли насъ оставить въ невѣденїи и о томъ, что, по свидѣтельству сихъ сказателей повѣстей, низпали тогда на землю вмѣсто дождя, куски сырова мяса, на подобїе снѣговыхъ частицъ, и что хищныя птицы расклевали и унесли ихъ опять на воздухъ. Немедленно вопрошали Оракуловъ, и искали пророчества въ Сивиллическихъ книгахъ (*). Хранители сихъ Священныхъ книгъ,

(*) Сивиллическїя книги, то есть книги въ которыхъ содержались пророче-

книгЪ, будучи всѣ Патрикіи, разглашали что РимЪ угрожаемЪ былЪ страшнымЪ нещастіемЪ; что сильные непріятели осадятЪ городЪ, воспользуясь непрестанными вЪ немЪ раздѣленіями. Сіе пророчество казалось быть списано сЪ того, что произошло отЪ предпріятія Коріоланова. Не извѣстно подозрѣвалиль Трибуны Священнодѣйствителей вЪ пристрастіи ихЪ отвѣтовЪ по видамЪ и умысламЪ Сената. Но НародЪ почитая прошедшее преддверіемЪ будущаго, и боясь, чтобЪ другой КоріоланЪ не пришевЪ ко вратамЪ Рима, принудилЪ ТрибуновЪ совѣтовать сЪ СенатомЪ кЪ изысканію средствЪ, дабы прекратить ихЪ несогласія. Много разЪ они собира-

---

ства СивиллЪ. Греки давали сіе имя нѣкоторымЪ женщинамЪ, о коихЪ чаяли, что они имѣли духЪ пророчества. Считается ихЪ 12. Книги ихЪ находились вЪ свѣтѣ до времеми Гонорія и Θеодосія младаго, но сожжены СтиликономЪ.

бирались, но всегда безполезно; ни которая сторона не хотѣла отстать отъ своихъ требованїй. Напослѣдокъ, когда со временемъ прошелъ страхъ, который богослужители въ Народѣ вселяли, Трибуны собрались вновь, и безъ согласїя съ Сенатомъ предложили Народу пространнѣйшее начертанїе Терентиллова закона.

Сей законъ гласилъ, чтобъ Народъ неотлагаемо назвалъ пятерыхъ повѣренныхъ, кои были бы избраны изъ правдивѣйшихъ и свѣдущихъ особъ въ Сенатѣ; чтобъ сїи повѣренные уполномочены были собрать и составить книгу Гражданскихъ законовъ какъ для суда общихъ дѣлъ, такъ и для расправы особенныхъ тяжебъ между живущими; чтобъ они объявили ихъ въ Народномъ Собранїи, и прибили къ стѣнѣ на площади, дабы каждый могъ ихъ вѣдать, и на нихъ утверждать свое мнѣнїе.

Трибуны предложивъ сїе начертанїе, объявили, что они откладываютъ изданїе онаго до третьяго дня ярмонки, дабы тѣ, кои возжелаютъ сему противиться, могли свободнѣе представить Народу ихъ противныя доказательства.

Многїе Сенаторы возгласили тотчасъ противу сего новаго предложенїя, и сїе произвело великїе споры, кои служили только къ продолженїю дѣла. Напослѣдокъ Трибуны покусились поступать не смотря на Сенаторовъ. Они учредили для того новое Собранїе, куда и весь Сенатъ явился. Первые изъ сего общества представили Народу, не взирая на Трибуновъ, что не слыхано было, чтобъ пренебрегши Сенатусъ-Консультъ, святость Авспицїй, вдохновенїе боговъ и совѣты первыхъ людей въ Республикѣ, нижняя часть Гражданъ могла установлять законы, кои надлежатъ обще до всѣхъ степеней въ Государствѣ.

разсудительнѣйшїе Плебеяне приняли ихъ представленїя справедливыми. На противу того мѣлкїй Народъ, наущенъ Трибунами, требовалъ съ великимъ воплемъ, чтобъ раздать билетцы (*) и отбирать мнѣнїя; но молодые Сенатары и Патрикїи не допустили исполнить сего намѣренїя. Квинтїй Цезонъ сынъ Квинтїя Цинцината мужа славнаго имени, и который былъ Консуломъ, сдѣлался въ томъ ихъ предводителемъ. Онъ бросается въ кучу, разитъ и отталкиваетъ всѣхъ передъ собою, и пользуясь симъ смятенїемъ, которое онъ произвелъ нарочно, разгоняетъ Собранїе не смотря на Трибуновъ, кои безполезно старались удержать людей на мѣстѣ.

Сена-

(*) Симъ образомъ въ Римѣ собираемы были голоса: ибо каждый въ своемъ билетцѣ означалъ свое мнѣнїе и отдавалъ обратно оный Главное же число одинакихъ мнѣнїй учиняло большинство голосовъ.

Сенаторы и Патрикіи превознесли Цезона похвалами, которыя возбудили въ немъ еще болѣ дерзость и ожесточеніе противу Народа. Онъ былъ молодый человѣкъ, добровиденъ лицемъ, статенъ тѣломъ и чрезвычайно силенъ; будучи же съ природы гордъ, смѣлъ и неустрашимъ, онъ презиралъ опасности, и въ войнѣ отличился удивительною храбростію. А какъ къ тому онъ имѣлъ превосходное красноречіе, и первый всегда отвѣтствовалъ на потворныя увѣщанія Трибуновъ, то сіи, въ досадѣ что онъ одинъ совокуплялъ въ себѣ недоброхотство къ нимъ всѣхъ Патрикіевъ, умыслили его погибель. И такъ по совѣщанію между собою о томъ, въ чемъ долженствовали состоять главные на него доносы, они требовали его къ суду передъ Народное Собраніе.

Цезонъ прежде того не уступалъ ревности въ спорахъ, когда подкрѣ-

пляемъ былъ похвалами Сената, кои питали его самолюбіе, и всегда оказывалъ твердость и постоянство своего духа. Но вся его бодрость уныла на канунѣ суда его. Примѣръ Коріолановъ живо воображался въ его разумѣ. Онъ явился робокъ, подобострастенъ, раскаевался въ прошедшемъ, боялся будущаго, и готовъ былъ постыдно перемѣнить сторону. Цезонъ возложа на себя печальное одѣяніе съ жалкимъ и покорнымъ видомъ, низкимъ образомъ искалъ милости въ послѣднемъ Плебеянинѣ.

На завтре, то есть въ день суда его, онъ не смѣлъ ниже представиться Народу, и принужденъ былъ отецъ съ родственниками и друзьями вмѣсто его выйти. Анкъ Виргиній произнесъ обвиненіе, укоряя Цезона властолюбивымъ его нравомъ, непочтеніемъ къ Народному Собранію, и оказанными отъ него противу Гражданъ насильствами. „И

„до чего дойдетъ наша Вольность ;
„вскричалъ Виргиній, когда Патри-
„кіи сдѣлаютъ Консуломъ сего мо-
„лодаго властолюбителя, который
„будучи еще простою особою, уже
„причиняетъ ужасъ своему отече-
„ству насильствомъ и наглостію„.
Онъ представилъ по томъ всѣхъ Пле-
беянъ, которыхъ Цезонъ билъ, и
которые просили правосудія. Род-
ственники и друзья его не трати-
ли словъ для оправданія его въ пред-
ставленныхъ насильствахъ. Они на
всѣ поношенія Трибуна, отвѣчали
только похвалами обвиняемаго. Од-
ни пересказывали всѣ сраженія, въ
которыхъ онъ отличился, другіе
называли Гражданъ, которыхъ онъ
спасъ животъ своею рукою въ бит-
вахъ. Титъ Квинтій Капитолиній,
который былъ трижды Консуломъ,
свидѣтельствовалъ что онъ слу-
жилъ подъ его предводительствомъ;
что онъ при его глазахъ одержалъ
чрезвычайныя побѣды во многихъ

 отмѣ-

отмѣнитыхъ сраженіяхъ, противостоя твердо самымъ храбрымъ непріятельскимъ воинамъ, и что онъ его всегда считалъ первымъ въ храбрости. Лукрецій, который былъ Консуломъ въ предтекущемъ году прибавилъ, что для пользы республики дожно сохранить толь достойнаго Гражданина, и что благоразуміе приходя съ возрастомъ укротитъ въ немъ со временемъ сей властолюбивый нравъ, который дѣлалъ его ненавистнымъ Народу.

Луцій Квинтій Цинцинатъ отецъ его человѣкъ наиболѣ почитаемый въ своемъ времени, какъ по способности его въ правленіи Государства, такъ и по искусству въ войнѣ, удовольствовался только просить Народъ о прощеніи сына за службу отца, который никогда не досадилъ ни одному Гражданину. Почтеніе и подобострастіе къ сему славному мужу начинало укрощать разумы; но Виргиній, который искалъ

погибели Цезоновой, отвѣтствовалъ Цинцинату: что сынъ его тѣмъ болѣ былъ виновенъ, что не хотѣлъ поступать по примѣрамъ отца своего, который въ недостойномъ его сынѣ питалъ тирана своему отечеству, и что онъ хотя отецъ виновнаго, долженъ однако научиться изъ великихъ примѣровъ своихъ предковъ предпочитать общую вольность своимъ дѣтямъ. „А чтобъ, говорилъ сей Трибунъ обратясь къ Народу, не представилось вамъ, что „я тѣмъ только хочу васъ убѣдить, „я согласенъ, естьли угодно, чтобъ „забыты были наглыя слова, которыя Цезонъ произносилъ въ нашихъ „Собраніяхъ противу Народа; оставимъ также насильствы оказанныя „противу Гражданъ, болѣ полезныхъ „отечеству, нежели онъ: пусть о „томъ будетъ умолчено. Но я требую, чтобъ Маркъ Волсій, товарищъ мой былъ выслушанъ въ особыхъ своихъ противу его жалобахъ;

„и я надѣюсь, что Народъ не оставитъ безъ отмщенія причиненную „жестокую обиду одному изъ своихъ „Начальниковъ.„ Тогда Волсій вставъ по совѣщанію въ томъ съ своимъ товарищемъ. „Я желалъ бы, говорилъ „онъ обратясь къ Народу, принести „вамъ жалобы на Цезона за смерть „любезнаго моего брата, котораго „онъ умертвилъ въ моихъ рукахъ; „но страхъ обыкновенныхъ насильствъ того же Цезона и сила „родни его, довольно уже мнѣ доказали, что я долженъ самъ опасаться подобной участи. Естьли я уже „опоздалъ быть въ томъ доносителемъ, то по крайней мѣрѣ не льзя „отринуть нещастнаго свидѣтельства, которое я могу явить о его „жестокости и тиранствѣ.

„То было, продолжалъ онъ, въ „Консульство Луція Эбуція и Публія Сервилія, какъ однажды вечеромъ возвращаясь я и братъ мой „отъ ужина у одного изъ нашихъ

„прі-

„пріятелей, мы встрѣтили возлѣ
„дома, гдѣ живутъ позорныя жен-
„щины, Цезона упоеннаго виномъ, по
„обыкновенію его со многими моло-
„дыми Патрикіями подобными ему
„въ наглости, которые какъ видно
„забавлялись вмѣстѣ въ семъ подо-
„зрительномъ домѣ. Они задрали
„насъ сперьва досадительными на-
„смѣшками и ругательствами, ко-
„торымъ я считалъ должно было
„уступить не отвѣчая. Но братъ
„мой бывъ менѣе терпеливъ нежели
„я, отвѣтствовалъ имъ какъ воль-
„ный и смѣлый человѣкъ долженъ былъ
„сдѣлать. Цезонъ тотчасъ на него
„напалъ, и будучи его сильнѣе билъ
„его столько руками и ногами, что
„умертвилъ его при моихъ глазахъ
„и въ моихъ рукахъ; я же не могъ
„защитить его противу толь жесто-
„каго насильства произнося тщет-
„но вопль и прозьбы, которыми онъ
„не тронулся. Не могъ также жа-
„ловаться ни которому изъ двухъ

 „Кон-

„Консуловъ, кои умерли язвою того „же года. Луцій Лукреций и Титъ „Ветурій ихъ Преемники находились „долго въ полѣ. Я мнилъ принести „имъ жалобу по ихъ возвращеніи; „но Цезонъ свѣдавъ о моемъ намѣре- „ніи, застигъ меня вечеромъ въ глу- „хомъ мѣстѣ и далъ мнѣ столько „ударовъ, что я принужденъ былъ „избѣгая равной судьбы, какую „имѣлъ мой братъ, обѣщать ему „никогда не говорить ни о томъ, „ни о другомъ насильствѣ.

Народъ такъ былъ тронутъ сею жалобою, что безъ изслѣдованія въ томъ истинны, хотѣлъ тотчасъ осудить Цезона на смерть; но Анкъ Виргиній, который предводительствовалъ все оное, старался сохранять всю наружность правосудія, и прописать обвиненнаго къ казни обыкновеннымъ обрядомъ. Онъ требовалъ, что какъ Волсій не имѣлъ своихъ свидѣтелей въ присудствіи, то надлежало взять Цезона,

зона , и посадить въ тюрьму до того времени , какъ злодѣянїе его изобличено будетъ. Титъ Квинтїй, родственникъ его представилъ, что не слыхано было въ республикѣ , чтобъ по одному только обвиненїю заключали тотчасъ въ тюрьму Гражданина можетъ быть невиннаго, и что сей новый образъ суда нарушалъ общую вольность. Но Трибунъ утверждалъ, что сїя предосторожность нужна была для того, чтобъ толь великїй злодѣй не избѣгъ отъ правосудїя Народа. Обѣ стороны спорили о томъ съ великимъ жаромъ и ожесточенїемъ. Напослѣдокъ рѣшено было , чтобъ обвиненный остался на свободѣ , но за поруками десятерыхъ Гражданъ , кои обязались представить его въ надлежащїй день къ суду, съ тѣмъ что въ случаѣ его побѣга подвержены будутъ къ таковому денежнему взысканїю, какое послѣ Трибуны согласясь съ Сенатомъ положатъ. Цезонъ , хотя былъ не-

виненъ, не смѣлъ однако отдаться на судъ Народу: онъ вышелъ ночью изъ Рима, бѣжалъ и скрылся въ Тосканіи. Трибуны увѣдавъ о его побѣгѣ, требовали платежа отъ порукъ съ толикою строгостію и жестокостію, что Квинтій, отецъ Цезоновъ, продавъ для сего лучшую часть своего имѣнія, принужденъ былъ проводить жизнь въ бѣдной хижинѣ, которая была по ту сторону Тибра; и сей славный бывшій Консулъ дошелъ до крайности, пахать своими руками пять или шесть десятинъ земли, кои составляли тогда все его имѣніе, и кои названы послѣ по его имени *Квинтіевы поля.*

По изгнаніи Цезона, два Трибуна чаяли торжествовать надъ Сенатомъ, и видѣть вскорѣ установленіе закона; но какъ сіе касалось почти до всѣхъ Вельможъ, то общество ихъ сдѣлалось еще союзнѣе послѣ нещастія Квинтіева сына.

Какъ

какЪ скоро только предлагаемо было о изданіи общихЪ правЪ, то возставали, такЪ сказать, тысяча Цезоновъ, кои всѣ противились тому сЪ равною непоколебимостію. Время наступило кЪ избранію оныхЪ КонсуловЪ. СенатЪ и Патрикіи согласно, заставили пасть жребію на Квинта Клавдія, сына Аппія послѣдне умершаго, по тому что сей Клавдій, не имѣя ни отцовой жестокости, ни гордыхЪ его поступокЪ, не менѣ наблюдалЪ пользу своего общества. ВЪ товарищи ему приданЪ былЪ Публій Валерій, который вступя вторично вЪ Консульство, названЪ первымЪ КонсуломЪ вЪ семЪ избраніи.

Трибуны увидѣли изЪ союза всего благороднаго общества, что безполезно они своими обвиненіями будутЪ губить каждый годЪ по одному Патрикію, и что не льзя истребить тѣмЪ всего ихЪ Собранія, вЪ которомЪ власть основана была на общемЪ согласіи. И такЪ, не пола-

полагаясь болѣ на времянный случай, и обыкновенный конецъ тѣхъ только Патрикїевъ, кои особливо противятся законоположенїю, они умыслили въ тайнѣ жестокое предпрїятїе, погубить однимъ разомъ главную часть Сената, и вовлечь въ общую погибель всѣхъ Патрикїевъ, кои были имъ ненавистны и подозрительны по ихъ силѣ или богатству. Къ исполненїю толь злобнаго умысла подсыльщики ихъ разгласили сперьва въ Народѣ, будто свѣдали за вѣрно, что скрытно производились въ Сенатѣ жестокїя намѣренїя противу его вольности. Сїи пустые и неосновательные слухи, разсѣваясь между Плебеянами, плодили новыя обстоятельства, одни другихъ ужаснѣе, которыя на конецъ наполнили городъ безпокойствомъ, смятенїемъ и недовѣренностїю.

Трибуны, видя людей въ волненїи, готовомъ отрыгнуть пламя

вкорененной въ нихъ ненависти, велѣли подать себѣ при Народѣ нѣкоторое письмо. Они были въ Трибуналѣ, когда одинъ неизвѣстный человѣкъ поднесъ имъ оное предъ всѣмъ Народомъ, и скрылся между толпою тужъ минуту. Трибуны читали вмѣстѣ и нарочно про себя письмо, которое они сами сочинили. При чтеніи же онаго показывали видъ удивленія и ужаса, чтобъ возбудить любопытство и безпокойство въ Народѣ. Они встали по томъ, и повелѣли чрезъ провозвѣстника быть молчанію. Тогда Виргиній обратясь къ Собранію, говорилъ съ отчаяннымъ видомъ: „Римскій Народъ угрожаемъ нынѣ наивеличайшимъ бѣдствіемъ, какое можетъ „ему случиться; и естьли бы Боги, защитники невинности не открыли злыхъ намѣреній нашихъ „непріятелей, то мы всѣ бы погибли„. Онъ прибавилъ, что надлежало увѣдомить о томъ Консуловъ,

ловЪ, и что послѣ онЪ дастЪ имЪ отповѣдь о рѣшеніи, какое будетЪ положено вЪ Сенатѣ.

А между тѣмЪ какЪ сіи Начальники пошли увѣдомить КонсуловЪ, наученные отЪ нихЪ подсыльщики, раздѣлясь вЪ Собраніи разсѣвали разные слухи, какіе могли сдѣлать ПатрикіевЪ болѣ ненавистными Народу. Одни сказывали говоря на общее лице, что уже издавна подмѣчаемы были злыя намѣренія, кои составлялись противу Народной власти; другіе какЪ будто болѣ о томЪ знающіе увѣряли, что Эквы и Волски по согласію сЪ Патрикіями хотятЪ признать Цезона своимЪ НачальникомЪ, какЪ другаго Коріолана, и что ЦезонЪ подкрѣпляемЪ ихЪ силами долженЪ войти вЪ РимЪ, дабы отмстить своимЪ непріятелямЪ, уничтожить Трибунство и возставить Правленіе, какЪ было прежде; что по томЪ отдадутся ЭквамЪ и ВолскамЪ, вЪ награжденіе за ихЪ

помощь,

помощь, города и земли, которые у нихъ отняты. Нѣкоторые говорили еще, что не извѣстно точно вышелъ ли Цезонъ изъ Рима, но какъ слышно онъ укрывается у одного изъ Консуловъ; что онъ намѣренъ былъ умертвить ночью Трибуновъ въ домахъ ихъ; что всѣ молодые Патрикіи были въ семъ заговорѣ, и что письмо поданное Трибунамъ давало можетъ быть о томъ извѣстіе и доказательство. Наконецъ сіи Трибунскіе сообщники производили нарочно страшныя догадки о семъ таинственномъ письмѣ, чтобъ наполнить разумы здомнѣніемъ и ненавистью, противу Сената и Патрикіевъ.

Когда Трибуны прибыли въ Сенатъ, то Виргиній, который вступилъ въ слово, обратясь къ Консуламъ и ко всѣмъ Сенаторамъ говорилъ: „Уже издавна, почтенные „отцы, разсѣеваются въ семъ городѣ тайные слухи о заговорѣ про-

„тиву Народной вольности. Но какъ „не извѣстно было отъ кого они „происходили, то мы приняли ихъ „пустыми словами, произведенными „отъ страха и праздности. Послѣ „того доходили до насъ обстоятель- „нѣйшія извѣстія, но такъ же не нахо- „дя въ нихъ никаковаго на лицо ука- „занія, мы не почитали ихъ столь- „ко важными, чтобъ вамъ о томъ „дать вѣдать. Однако чтобъ не „оставить въ совершенномъ небреже- „нїи толь грозныя слухи, мы тай- „но велѣли развѣдывать истинну, и „довольно признаковъ заговора наш- „ли, хотя не открыто еще было „намѣренїе, ни главнаго въ ономъ ни „сообщниковъ. Нѣтъ двухъ тому „часовъ, какъ мы напослѣдокъ про- „никли сїю ужасную тайну. Пись- „мо, которое намъ подано въ на- „шемъ Трибуналѣ, увѣдомляетъ насъ „о точномъ заговорѣ и намѣренїи „злоумышленныхъ; а къ тому при- „знаки заговора, которые прежде

„открывались, съ письмомъ сходны.
„Въ толь великой опасности, гдѣ
„медленность изслѣдованія и нака-
„занія злодѣевъ должна почитаться
„участною въ злодѣйствѣ, мы не
„мѣшкавъ спѣшили, по нашей долж-
„ности, притти васъ о томъ увѣ-
„домить и открыть вамъ злоумыш-
„ленія, которыя вы съ ужасомъ
„слушать будете.

„Вѣдайте, почтенные отцы, что
„мы получили письмо, въ которомъ
„изъяснено, что отличныя особы
„своею породою и своими достоин-
„ствами, Сенаторы и Рыцари, ко-
„торыхъ время не позволяетъ намъ
„именовать, вознамѣрились точно
„истребить Трибунство, всѣ правы
„и преимущества Народа; что къ
„успѣху таковыхъ тиранскихъ на-
„мѣреній, Квинтій Цезонъ съ сила-
„ми Эквовъ и Волсковъ подойдетъ
„тайно ночью къ однимъ воротамъ
„Рима, которыя сообщниками его
„отворятся; онъ войдетъ неожидае-

„мо въ городъ, и главные злоумыш-
„ленники раздѣлясь на разные по-
„иски, намѣрены пользуясь темно-
„тою напасть на домы всѣхъ Три-
„буновъ: такимъ образомъ истре-
„бятъ насъ въ туже ночь и глав-
„ныхъ въ народѣ, особливо тѣхъ,
„кои въ Собраніяхъ оказывали наи-
„болѣе усердія къ защищенію воль-
„ности.

„Мы васъ заклинаемъ, почтен-
„ные отцы, не предать насъ злобѣ
„сихъ разбойниковъ. Къ предупреж-
„денію злыхъ ихъ намѣреній, мы
„надѣемся, что вы не откажете
„намъ въ помощь вашъ Сенатусъ-Кон-
„сультъ, по которому бы намъ по-
„зволено было сыскать самимъ
„сообщниковъ въ заговорѣ и забрать
„главныхъ подъ стражу. Справед-
„ливо, чтобъ Начальники Народные
„разсматривали сами о томъ, отъ
„чего зависитъ спасеніе цѣлаго На-
„рода, и чтобъ не было отлагае-
„мо, по обыкновенію выученными и

„ум-

„умственными словами, рѣшенiе и „приговоръ, которыхъ мы требуемъ. „Малѣйшая медленность въ томъ „опасна. Можетъ быть въ самую сiю „ночь исполнится жестокое злоумы„шленiе: и такъ одни только сооб„щники злодѣянiя могутъ сопроти„вляться изслѣдованiю объ ономъ„.

Всѣ Сенаторы называли мерзкимъ таковое предпрiятiе, но различно разсуждали о томъ, что должно было отвѣтствовать Виргинiю. Робкiе боялись отказомъ раздражить Народъ и побудить къ смятенiю. Смѣлые на противу того представляли, что требуемый Трибунами Сенатусъ-Консультъ вреденъ столько, какъ бы вручить оружiе неистовымъ и сумозброднымъ, кои тотчасъ обратятъ оное противу главныхъ въ Сенатѣ. Между сими мнѣнiями Квинтъ Клавдiй, одинъ изъ Консуловъ, всталъ и обратясь къ Виргинiю говорилъ: что онъ не противится представленному отъ него

изслѣдованію, и соглашается, чтобъ оное поручено было Плебеянскимъ Начальникамъ, но желаетъ прежде всего разсмотрѣть, есть ли какой ни будь видъ подлинности въ извѣстіи о семъ заговорѣ. „Увидимъ, „говорилъ онъ, отъ кого сіе таин„ственное письмо, которое вы по„лучили въ вашемъ Трибуналѣ? Кто „таковы Сенаторы и рыцари, кои „въ немъ наименованы? Для чего „вы ихъ не называете? Намъ остает„ся еще довольно времени узнать о „сихъ великихъ злодѣяхъ. Для чего „не задержали вы по крайней мѣрѣ „подателя безъимяннаго письма, „въ которомъ явлены толь ужасныя „обвиненія противу первыхъ особъ „Республики? Я не менѣе удивля„юсь и тому, что вы намъ не по„казали сего подлиннаго сходства „признаковъ, по которымъ вы подо„зрѣвали составляемый тайно заго„воръ, съ письмомъ гдѣ открылись „главные въ немъ и сообщники. Мо-

„жете

„жете ли вы требовать и надѣять-
„ся, чтобъ Сенатъ предалъ вашей
„злобѣ достопочтенныхъ изъ насъ
„Гражданъ, по неизвѣстному письму
„безъ всякаго доказательства?

„Я вижу почтенные отцы, что
„Трибуны тѣмъ ласкались по тому
„поводу, что вы легко допустили
„ихъ отнять у насъ Цезона, и сіи
„подманчивые Начальники вздумали,
„что въ толь слабомъ Правленіи, они
„могутъ поступить на всякую дер-
„зость. На томъ основано сіе при-
„видѣніе заговора, которымъ они
„насъ въ страхъ привести хотѣли;
„и естьли должно страшиться ги-
„бели Государственной, то оная бо-
„лѣ ожидаема отъ таковыхъ льсте-
„цовъ Народныхъ, кои показываясь
„защитителями общей вольности,
„сами сущіе ее непріятели„.

Рѣчь сія смѣло произнесенная Консуломъ, въ которомъ всѣ почитали отмѣнное проницаніе и правду, смутила Трибуновъ. Они вы-

шли изъ Сената со стыдомъ и пущею злобою. Народъ ихъ ожидалъ нетерпеливо. Возвратясь къ Собранїю, они извергли ядъ своего языка, равно противу Консула и Сената.

Но Квинтъ Клавдїй за ними слѣдовалъ: онъ первый взошелъ на Витїйственный Трибунъ. Тамъ ободренъ сею надеждою, которую вселяетъ истинна, онъ изъяснился передъ Народомъ такимъ же образомъ какъ и въ Сенатѣ; при чемъ говорилъ съ такою силою и велерѣчїемъ, что разсудительнѣйшїе изъ Плебеянъ напослѣдокъ увѣрились, что вымышленный страхъ тайнаго заговора, о которомъ Трибуны столько разглашали, происходилъ отъ ихъ хитрости къ пагубѣ своихъ непрїятелей. Одна только подлѣйшая часть Народа осталась въ суемыслїи о заговорѣ, которое питало ихъ грубость и паче возбуждало ненависть къ Патрикїямъ; Трибуны же старались утверждать ихъ заблуждевїе,

деніе, украдывая тѣмъ Народную довѣренность.

Въ толь смятенномъ и волнуемомъ состояніи, Римъ едва не перешелъ въ область иноплеменниковъ. Нѣкто Сабинянинъ, одинъ собою умыслилъ сіе отважное предпріятіе, Онъ назывался Аппій Гердоній. Сей человѣкъ знаменитъ былъ въ своей землѣ породою, богатствомъ и великимъ числомъ Кліентовъ, кои при немъ находили свое щастіе; будучи же властолюбивъ, смѣлъ, и предпріимчивъ, чаялъ найти способъ безпрепятственно покорить Римъ, нечаяннымъ на него нападеніемъ. при бывшемъ тогда несогласіи между Народомъ и Сенатомъ. Онъ уповалъ заставить взбунтовать невольниковъ, приманить къ себѣ всѣхъ изгнанныхъ, и также привлечь подлый Народъ, съ такимъ обѣщаніемъ, чтобъ послѣ Народъ былъ самъ установителемъ законовъ Государственныхъ. Намѣреніе его было, завладѣвъ Римомъ сдѣлаться въ

жемъ Самодержцемъ ; или предать городъ въ область Сабинянамъ , въ случаѣ естьли онъ не можетъ, своими собственными силами , утвердиться въ своемъ похищенiи.

Онъ сообщилъ сперьва сiе намѣренiе особливымъ своимъ друзьямъ. Многiе пристали къ его предпрiятiю, въ надеждѣ обогатиться грабежемъ, и способствовали Гердонiю набрать до четырехъ тысячь человѣкъ, какъ Клiентовъ, такъ великое число бѣглыхъ невольниковъ , изгнанныхъ и бродягъ , которымъ онъ далъ на своихъ земляхъ убѣжище. Наконецъ убравшись на нѣсколькихъ плотахъ съ сими войсками , и пустясь ночью по теченiю Тибра , прежде разсвѣта дня, сей новый Полководецъ, присталъ къ берегу съ стороны Капитолiя. Онъ взошелъ непримѣтно на гору, и пользуясь темнотою овладѣлъ Юпитеровымъ храмомъ и крѣпостью къ нему присоединенною. Оттуда онъ нападаетъ

на ближніе домы, велитъ убивать всѣхъ, кои не хотятъ съ нимъ соединиться. Между тѣмъ какъ часть его воиновъ укрѣпляется и дѣлаетъ перекопы вдоль горы, Римляне спасшіеся отъ перваго удара Сабинянъ, вбѣгаютъ въ городъ и наносятъ страхъ и ужасъ. Всѣ люди тревожатся; Консулы, проснувшись отъ шуму и боясь столько же внутреннихъ непріятелей какъ и внѣшнихъ, не знаютъ которые изъ нихъ причинили сіе смятеніе. Въ началѣ стараются поставить на площади и у воротъ стражевое войско. Ночь проходитъ въ крайнемъ безпокойствѣ; наконецъ день открываетъ кто былъ главный Предводитель толь смѣлаго и дивнаго предпріятія.

Гердоній съ верьху Капитолія выставливаетъ шляпу на копье, какъ знакъ вольности: въ намѣреніи переманить къ себѣ невольниковъ, которыхъ было великое число въ городѣ. Воины его, чтобъ отвра-

тить Народъ отъ сопротивувооруженія, кричатъ что ихъ Полководецъ пришелъ въ Римъ только для того, чтобъ освободить жителей отъ тиранства, изтребить лихоимство и возставить полезные Народу законы. Консулы на самомъ разсвѣтѣ собираютъ Сенатъ; тотчасъ положено было, вооружить Народъ къ сопротивленію. Трибуны обЪявили, что они имъ въ томъ не прекословятъ, только чтобъ знали какое получатъ за то награжденіе Граждане и воины. „Естьли вы обѣща„ете намъ съ клятвою, говорили „они Консуламъ, по освобожденіи Ка„питолія, назвать требуемыхъ нами „повѣренныхъ для установленія за„коновъ, то мы готовы итти про„тиву непріятеля. Но естьли вы „и нынѣ непреклонны, то мы имѣ„емъ власть возпрепятствовать На„роду когда онъ теряетъ животъ, для „сохраненія жестокаго и тиранскаго „Правленія.„

Сенатъ

Сенатъ услышалъ съ крайнею досадою что Трибуны торговали, такъ сказать, спасенїемъ города и услугами Народа. Явно было, что они хотѣли возпользоваться видимымъ обстоятельствомъ. Квинтъ Клавдїй мнилъ лучше обойтись безъ наемничей помощи Народа, нежели купить оную на толь гнусныхъ договорахъ. Онъ представилъ, что одни Патрикїи съ ихъ Клїентами могли выгнать непрїятеля; что естьли въ послѣдствїи нужда будетъ въ большемъ числѣ войска, то можно тогда призвать въ помощь Латинянъ и другихъ союзниковъ, и что въ самой крайности, лучше было вооружить самыхъ невольниковъ, нежели принимать законы отъ Трибуновъ. Но старые Сенаторы, и кои имѣли болѣ силы въ обществѣ, видя непрїятеля надъ своими головами, и боясь чтобъ не были введены въ городъ Сабиняне, Эквы и Волски, подали мнѣнїе, что въ толь великой

кой опасности не надлежало ничего отказывать Народу, дабы заставить его вооружиться немедлѣнно. Публїй Валерїй, первый Консулъ, который былъ равнаго мнѣнїя, представился на площади, и обѣщалъ Народу, что какъ скоро Капитолїй освобожденъ будетъ и тишина въ городѣ возставится, то Трибуны безпрепятственно могутъ предлагать о законѣ; и что онъ съ своей стороны, естьли надобно принять или отринуть оный, будетъ слѣдовать въ томъ единственной пользѣ своихъ Соградданъ, и всегда будетъ помнить о своемъ имени, такъ какъ о наслѣдной должности защищать пользу Народа во всѣхъ случаяхъ, кои не будутъ противны общему благу Республики. Народъ ласкаясь сею надеждою, принялъ оружїе, и клялся торжественно не покидать онаго до тѣхъ поръ какъ прикажутъ Консулы. Римляне называли сей родъ

вооруженія свалкою; по тому что сіе вооруженіе производилось нечаянными случаями, и никто не былъ тогда изключаемъ отъ службы. Повелитель произносилъ обыкновенно сіи слова: *Кто хочетъ с.асти Республику, тотъ пойдетъ за мною.* Тогда собравшіеся клялись, всѣ вмѣстѣ, защищать республику до послѣдней капли ихъ крови: и сіе называлось заклятіемъ. Когда же Народъ со всѣмъ вооруженъ, заклялся противу Гердонія, то два Консула, слѣдуя обычаю, кинули жеребій кому достанется повелѣвать на приступѣ. Жребій палъ на Валерія. Между тѣмъ Квинтъ Клавдій вышелъ изъ города, предводительствуя другимъ войскомъ, для пресѣченія пути силамъ могущимъ притти на помощь Гердонію, и для того, чтобъ непріятели не попытались иногда напасть на которую ни будь другую часть города. Но не встрѣтилось другаго войска въ полѣ,

какъ только Легіонъ, который Луцій Мамилій верьховный Правитель Тускула (*) велъ самъ въ помощь къ Римлянамъ. Клавдій назначилъ ему слѣдовать въ городъ. А изъ города Валерій повелѣвая Гражданами и союзниками, пошелъ прямо противу непріятеля. Римляне и Тускулане сражались съ равнымъ усердіемъ. Тѣ и другіе старались, на перерывъ для славы, разбить первыя укрѣпленія. Гердоній дѣлалъ имъ отпоръ съ неустрашимою храбростію. Онъ въ протчемъ имѣлъ преимущество выгоднаго мѣста. Долгое время бились съ равною жестокостію и упорствомъ. День уже гораздо склонялся; но не видно еще было, которая сторона верьхъ выиграетъ. Консулъ Валерій, желая побудить воиновъ къ новому усиленію своимъ примѣромъ, былъ убитъ, первый

начавъ

(*) Городъ Италіи въ Латіи, къ Сѣверу отъ города Альбы, на холмѣ.

начавъ приступъ. Публій Волумній, имѣвшій прежде Консульское достоинство, сражаясь возлѣ убитаго прикрылъ его тѣло, чтобъ войско не примѣтило толь великой утраты. Онъ заставилъ ихъ по томъ сражаться съ такою храбростію, что Сабиняне принуждены были отступить; и Римляне пробились сквозь ихъ укрѣпленія прежде нежели примѣтили, что они сражались безъ предводителя. Гердоній потерялъ большую часть своихъ воиновъ, и по немногу назадъ отступая, видѣлъ себя на послѣдокъ безъ спасенія и всюду постигаема; а чтобъ не даться живому въ руки Римлянамъ, умертвилъ себя самъ. Оставшіе его воины сами себя мечьми пронзили; иные же сверглись съ высоты горы. Но съ тѣми, которыхъ Римляне живыхъ взяли, поступлено было какъ съ разбойниками. Такъ же строго казнены были изгнанные и бѣглецы, кои пристали къ Гер-

 донію.

донію. Сею побѣдою внѣшніе непріятели прогнаны были отъ города; а внутренніе оставались всегда сильными. Трибуны, по сей побѣдѣ и обѣщаніямъ Консула Валерія, находили случай возобновить ихъ требованія и произвесть новыя смятенія.

Сіи Начальники Народные, или лучше сказать, сіи всегдашніе заводчики Народныхъ плевелъ, понуждали Клавдія къ обѣщанному исполненію закона, дабы тѣмъ успокоена была тѣнь его товарища, который всенародно обязался въ ономъ. Консулъ, чтобъ отвесть ихъ требованія, и продлить время, сыскивалъ разныя отговорки. Иногда откладывалъ Собраніе ради нужды сперва очистить Капитолій и принести жертву богамъ, иногда проводилъ Народъ въ играхъ и зрѣлищахъ. Напослѣдокъ когда всѣ сіи остановки были изчерпаны, и Трибуны понуждали его къ исполненію, то онъ объявилъ, что Республика

чрезъ

чрезъ смерть Валерія, лишась одного изъ своихъ Начальниковъ, должна мыслить, прежде всякаго установленія закона, о выборѣ новаго Консула, и назначилъ для того день къ Собранію по Центуріямъ. Сенатъ и все общество Вельможъ и Патрикіевъ, имѣя великія причины сопротивиться изданію сего закона, вознамѣрились возвести на мѣсто Валерія кого ни будь такого изъ прежде бывшихъ Консуловъ, котораго достоинство могло бы Народъ обуздавать, и который бы умѣлъ уничтожать предложенія Трибуновъ. Они находили къ тому способнымъ Луція Квинтія Цинцината, отца того Цезона, котораго Народъ принудилъ укрыться; для сего приняли толь добрыя мѣры, что при избраніи первая степень, составленная изъ осмнатцати Центурій конницы и осмидесяти пѣхоты, дала ему свой голосъ. Согласный выборъ отъ Центурій оной степени, которая числомъ

голосовъ превосходила оставшихъ, утвердилъ его въ семъ достоинствѣ. Онъ былъ объявленъ Консуломъ въ отсудствіи, и безъ его въ томъ участія. Народъ пришелъ отъ того въ удивленіе и ужасъ; ибо когда поставляли надъ нимъ верьховнымъ правителемъ Консула, котораго сынъ былъ изгнанъ нападками отъ Трибуновъ, то явно было, что хотѣли уничтожить изданіе закона. Между тѣмъ посланные отъ Сената, не взирая на неудовольствіе Народа, отправились найти Квинтія въ деревнѣ, куда онъ удалился по нещастіи своего сына, и гдѣ пахалъ своими руками малый удѣлъ, оставшій отъ прежняго его богатства.

Посланные нашли его въ работѣ за сохою. Сдѣлавъ ему почести какъ Консулу, и подавъ опредѣленіе о его избраніи, они донесли ему за чемъ были посланы. Сей почтенный и старый мужъ былъ въ недоумѣніи отвѣтствовать. Не имѣя страсти

къ

къ властолюбїю, онъ предпочиталъ спокойство полевой жизни всѣмъ пышностямъ Консульскаго достоинства. Однако любовь къ отечеству сильнѣе въ немъ дѣйствовала, нежели склонность къ уединенїю; по чему онъ простился съ своею женою препоруча ей попеченїе о домѣ. „Я „боюсь, сказалъ онъ, любезная Рацилїя, чтобъ не было у насъ въ „нынѣшнемъ году недороду хлѣба„, и тотчасъ возложено было на него одѣянїе съ красными по краямъ обшивками. Ликторы съ ихъ прутьями представились къ его провожанїю и къ его повелѣнїямъ. Симъ образомъ достоинства Цинцинатовы, и нужда Государства возвратили его въ Римъ, куда онъ не входилъ со времени нещастїя своего сына. Какъ скоро онъ вступилъ въ Консулство, то извѣстился обо всемъ, что происходило во время нашествїя Гердонїева. Для сего онъ разсудилъ созвать Народное Собранїе, и

возшелъ на витїйственный Трибунъ. Онъ не бравъ сторону ни Сената ни Народа, выговаривалъ обоимъ съ равною строгостїю. Обвинялъ Сенатъ, что онъ безпрестаннымъ послабленїемъ соглашаясь на всѣ требованїя Трибуновъ, питалъ дерзость и преслушанїе Народа; говорилъ, что не было болѣ въ Сенаторахъ сей любви къ отечеству и къ истинной славѣ, которая казалась прежде толь имъ природною; что подобострастная политика вселилась вмѣсто законной власти и твердости необходимо нужной въ Правленїи; что въ Римѣ царствовало необузданное самоволїе; что покорность и послушанїе отъ людей удалились, и къ стыду Римскаго имени оказывались въ обществѣ такїе подговорщики, которые торговали спасенїемъ отечества, и были готовы признать Гердонїя своимъ Самодержцемъ, естьли не перемѣнится образъ Правленїя. „Таковъ плодъ, вскричалъ „онъ,

„онъ, отъ сихъ безпрестанныхъ на-
„ущенiи, и отъ того что Народъ
„слушаетъ ихъ съ вѣрою. Но я
„умѣю отвести его отъ наустите-
„лей, которые правятъ нынѣ Ри-
„момъ, съ большею гордостiю и
„и тиранствомъ нежели Тарквинiй.
„Вѣдайте Римляне, что я и това-
„рищъ мой опредѣлили итти вой-
„ною противу Экововъ и Волсковъ.
„Мы вамъ обьявляемъ при томъ,
„что мы и зимою будемъ въ полѣ,
„не возвращаясь во все время нашего
„Консульства въ городъ, гдѣ бун-
„товщики царствуютъ. Для сего
„повелѣваемъ всѣмъ, кои обязались
„военною клятвою, явиться завтре
„съ ихъ оружiемъ у озера Регила:
„ибо тамъ все войско собраться
„должно„.

Трибуны отвѣчали ему съ на-
смѣшкою, что опасно было итти
на войну одному съ своимъ товари-
щемъ, и что они возпрепятствуютъ
всякому людей набору. „Мы не бу-

„демъ имѣть недостатка въ вои-
„нахъ, говорилъ Квинтій, и мы имѣ-
„емъ еще въ нашихъ повелѣніяхъ
„всѣхъ кои, при видѣ непрія-
„теля въ Капитоліи, приняли ору-
„жіе и клялись всенародно не поки-
„дать онаго безъ позволенія Консу-
„ловъ. Естьли по вашимъ совѣтамъ
„они отрекутся отъ повиновенія,
„то Боги, мстители клятвонаруше-
„нія, не упустятъ послать на нихъ
„казнь за преслушаніе„.

Трибуны, желая уничтожить не-
оспоримое обязательство, кричали
что сія клятва дана была особенно
Валерію, и съ его жизнію кончилась.
Но простый Народъ, который не
зналъ еще гибельнаго искусства
толковать законъ и вѣру по своей
пользѣ, отринулъ такое богоотступ-
ное различіе. Каждый готовился
къ вооруженію, хотя съ неудоволь-
ствіемъ; и болѣ умножилось ихъ къ
войнѣ отвращеніе по разсѣянному
слуху, что будто Консулы тайно
пове-

повелѣли Авгурамъ быть на завтре рано у озера; по чему подозрѣваемо было, что онъ хотѣлъ тамъ учредить общее Собранïе, дабы тамъ все, что въ преждебывшихъ въ пользу Народа положено было, могло быть уничтожено безъ сопротивленïя Трибуновъ. Сказано уже , что ихъ власть простиралась только на милю отъ Рима: такъ что естьли они и могли присудствовать въ семъ Собранïи , то подъ именемъ простыхъ Плебеянъ, и на ряду съ другими подвластны были Консуламъ.

Квинтïй, чтобъ содержать Народъ въ страхѣ, объявлялъ еще нарочно, что по возвращенïи его не будетъ созвано Собранïя для выбора новыхъ Консуловъ; а что онъ намѣренъ назвать Диктатора , и дать возчувствовать противникамъ чрезъ наказанïе, что всѣ витïйствы Трибуновъ не укроютъ ихъ отъ власти и непрелагаемаго суда высочайшаго Правителя.

Народъ, до того времени воевавъ противу сосѣднихъ непрїятелей Рима, обыкъ возвращаться въ домъ по концѣ каждаго лѣта. Услышавъ же Консульское намѣренїе, что онъ долженъ будетъ зимовать въ полѣ, крайне огорчился. Трибуны не менѣ тревожились страхомъ отъ Собранїя внѣ Рима, гдѣ могли послѣдовать рѣшенїя противныя ихъ пользѣ. Тѣ и другїе пришли въ робость, видя что Консулы тверды въ своемъ намѣренїи; и тогда прибѣгли къ Сенату. Жены ихъ и дѣти обливаясь слезами упрашивали главныхъ Сенаторовъ смягчить Квинтїя и исходатайствовать милость, отъ сего строгаго Правителя чтобъ мужья ихъ и отцы уволены были въ домы по концѣ лѣта. И такъ послѣдовалъ нѣкоторый родъ условїя, къ которому Консулы, сею притворною строгостїю Трибуновъ привести старались. И сїе походило на запасный мирный трактатъ между ими: Квин-

тїй

тїй обѣщалъ нейти на войну и не держать войска зимою въ полѣ, естьли не будетъ къ тому принужденъ нечаянными отъ непрїятелей нашествїями; Трибуны же съ своей стороны обязались не дѣлать никаковыхъ предложенїй Народу, касающихся до установленїя новыхъ законовъ.

Квинтїй вмѣсто войны, употребилъ все время своего Консульства къ установленїю истинны и правосудїя, для удовольствїя жителей. Онъ выслушивалъ всѣхъ приходящихъ къ нему съ благосклонностїю, прилѣжно разсматривалъ споры судящихся, и рѣшилъ дѣла толь справедливо и безпристрастно, что Народъ любя кротость его правленїя, казалось забылъ, что были Трибуны въ республикѣ.

Не полагаяся однако на умѣренность и правдивость другихъ по немъ Правителей, Виргинїй Волсїй и другїе Трибуны, всячески проискивали, чтобъ

чтобъ остаться еще въ томъ же званіи, подъ видомъ что Народъ имѣлъ нужду въ ихъ ревности и способности, для произведенія въ дѣйство Терентиллова предложенія. Сенатъ позная могущія послѣдовать отъ того злоупотребленія, выдалъ указъ, которымъ запрещалось, чтобъ кто ни будь изъ Гражданъ былъ избираемъ два года съ ряду въ туже должность. Но не смотря на сіе установленіе, весьма нужное къ сохраненію вольности, Трибуны ободряясь кротостію Правленія, употребили столько происковъ, что были оставлены въ томъ же званіи и на третій годъ. Сенатъ, представляя себѣ опасность отъ сихъ мятежныхъ начальниковъ, и оставя указъ который онъ самъ недавно выдалъ, хотѣлъ съ своей стороны не смѣнять на другой годъ Квинтія; но сей великій мужъ сильно тому возпротивился. Онъ представилъ, съ великою важностію Сенаторамъ, вредныя

ныя слѣдствія отъ таковаго обычая, естьли они будутъ сами нарушать ихъ собственныя опредѣленія; что ничѣмъ такъ не означивалась слабость Правленія, какъ многочисліемъ сихъ новыхъ законовъ, кои вседневно предлагались и не были исполняемы; что по таковому непостоянству они справедливо Народомъ были презираемы. Сенатъ, убѣжденъ благоразуміемъ и умѣренностію Квинтія, согласился съ его мнѣніемъ. И такъ произведено было избраніе: Квинтъ Фабій Вибуланъ и Луцій Корнелій Малугинензій, названы Консулами для будущаго года. Какъ скоро Квинтій оставилъ свое званіе, то возвратился къ своей пашнѣ и обыкновеннымъ упражненіямъ. 294 годъ Рим.

По отбытіи его, друзья его дома, и между протчими Анкъ Корнелій и Квинтъ Сервилій бывшіе въ томъ году Квесторами, жалуясь на несправедливое изгнаніе Цезона, требовали

бовали къ суду Марка Волсія его доносщика, творца и сполнителя толь жестокаго гоненія. Сіи два Квестора по власти соединенной съ ихъ должностію, созвали Народное Собраніе, гдѣ представили многихъ свидѣтелей, изъ коихъ одни доказывали, что они видѣли Цезона при войскѣ тотъ самый день, въ который по оклеветанію отъ Волсія онъ будто убилъ его брата; другіе увѣряли, что сей братъ Волсіевъ умеръ отъ долговременной болѣзни, въ которой онъ лежалъ нѣсколько мѣсяцовъ, и не выходилъ изъ своего дома, со времени какъ пришла къ нему болѣзнь. Сіи обстоятельства и многія другія засвидѣтельствованы были многими правдивыми людьми, такъ что не льзя было сомнѣваться въ злоухищреніи и оклеветаніи отъ Волсія. Но Трибуны, товарищи и сообщники Волсіевы, возпрепятствовали сему обвиненію, подъ видомъ что не хотѣ-

ли

ли терпѣть, дабы собираемы были голоса о какомъ ни будь дѣлѣ, во все время пока Народъ не положитъ рѣшенія о предложенныхъ законахъ. Сенатъ съ своей стороны отговаривался равнымъ образомъ: то есть, какъ скоро Трибуны начинали говорить о пяти повѣренныхъ, то требовался прежде къ суду Волсій. Консульство Фабія и Корнелія произходило во взаимныхъ требованіяхъ и сопротивленіяхъ.

Война паки воспламенилась въ Консульство Квинта Навція и Луція Минуція ихъ преемниковъ. Сабиняне и Эквы начали вновь производить ихъ набѣги. Навцій пошелъ противу Сабинянъ, разбилъ ихъ, вошелъ въ ихъ области, изтребляя оныя мечемъ и огнемъ. Минуцій же не имѣлъ толь щастливаго успѣха противу Экововъ. Сей робкій полководецъ, который не столько думалъ побѣдить, какъ о томъ чтобъ не быть побѣжденнымъ, позволилъ непрія-

пріятелямъ загнать себя въ узкое мѣсто, гдѣ хотя онъ имѣлъ съ зади, съ права и съ лѣва горы, которые прикрывали его станъ, но препятствовали ему оттуда выйти. Сіи утесистыя горы имѣли одинъ только выходъ, которымъ Эквы заключа Римлянъ, завладѣли и укрѣпились тамъ такимъ образомъ, что не льзя было принудить ихъ къ сраженію. Они же получали удобно отъ своихъ заднихъ припасы къ прокормленію; между тѣмъ, какъ Римское войско, въ заперти между сими горами, не могло быть снабжаемо ни откуда. Однако нѣкоторые рыцари, пользуясь ночною темнотою, проѣхали сквозь непріятельскій станъ и дали о томъ вѣдомость Риму. Они донесли, что войско, окруженное со всѣхъ сторонъ подобно какъ въ осадѣ, принуждено будетъ въ недостаткѣ прокормленія положить оружіе, естьли не будетъ скоро вспомоществуемо.

Квинтій

Квинтій Фабій правящій городомъ, отправилъ тотчасъ вѣстника къ другому Консулу дая ему знать, въ какой крайности находился его товарищъ. Навцій оставя свое войско подъ предводительствомъ своихъ Намѣстниковъ, уѣхалъ скрытно, и прибылъ немедлѣнно въ Римъ. Въ самомъ ночномъ прибытіи, онъ тотчасъ совѣтовалъ съ главными Сената, и по согласію ихъ положилъ, что надлежало въ семъ случаѣ прибѣгнуть къ способу, который употреблялся въ самыхъ великихъ нещастіяхъ, то есть къ избранію Диктатора. Консулъ, по праву соединенному съ Консульствомъ, назвалъ въ сію должность Луція Квинтія Цинцината, и возвратился по томъ съ равною скоростію къ своему войску. Правитель города послалъ къ Квинтію опредѣленіе Консула. Посланные нашли сего великаго человѣка, какъ и прежде въ трудахъ надъ пашнею малаго его удѣла. Тогда объ-

явлено ему было новое его достоинство, и онъ увидѣлъ предъ собою двацать четыре Ликтора, вооруженныхъ сѣкирами ввязанными въ ихъ рукахъ прутьевъ, точно какъ они были хранителями древнихъ Царей Римскихъ, и которыхъ подобіе удержали Консулы; но Ликторы не носили секиръ, какъ только передъ однимъ Диктаторомъ. Сенатъ, извѣщенъ о приближеніи Квинтіевомъ, выслалъ къ нему воденое судно, на которомъ онъ чрезъ Тибръ переправился. Трое его дѣтей, друзья и главные въ Сенатѣ встрѣтили его при выходѣ на берегъ, и препроводили до его дома. Диктаторъ назвалъ на затре вождемъ конницы Луцiя Тарквинiя, Патрикiя который отличилъ себя рѣдкою храбростiю, но который не имѣя достатка купить и кормить коня, служилъ въ пѣхотѣ. И такъ вся надежда Республики состояла въ старикѣ, который взятъ былъ отъ сохи,

хи, и въ пѣхотномъ рыцарѣ котерому поручено было предводить конницу.

Но сіи два человѣка, кои дѣлали себѣ честь своею скудостію, не менѣ тѣмъ были храбры, и умѣли повелѣвать войскомъ. Диктаторъ велѣлъ затворить торговыя лавки, и всѣмъ жителямъ, кои были еще въ лѣтахъ мужества, собраться до солнечнаго захожденія на Марсовомъ полѣ, каждому съ двенатцатью колами и на пять дней харчемъ. Выступя съ сими войсками, онъ подошелъ, прежде разсвѣта, довольно близко къ непріятельскому стану. Самъ поѣхалъ по томъ обозрѣть мѣста, сколько могла темнота ему позволить. Воины по его повелѣнію произвели великій крикъ, чтобъ дать узнать Консулу о прибытіи ихъ на помощь. Между тѣмъ они перекопались и укрѣпили сіи перекопы тыномъ изъ кольевъ, кои принесли изъ Рима; чѣмъ они пресѣкли равно выходъ не-

 прія-

пріятелю. Полководецъ Эквовъ называемый Гракхъ Дуиллій, предприняль было, не останавливаясь за темнотою, помѣшать сей работѣ. Войски его подступали, но съ симъ страхомъ и безпокойствомъ, кои происходятъ всегда въ нечаянности и въ ночи. Квинтій, который предвидѣлъ сей приступъ, отрядилъ насупротиву часть своего войска, между тѣмъ какъ оставшее довершало укрѣпленія. Звукъ оружія и крикъ сражающихся, увѣрили совершенно Консула о пришедшихъ къ нему на выручку. Онъ наступилъ съ своей стороны на Эквовъ, не столько въ надеждѣ побѣдить ихъ, какъ для уклоненія отъ собственной погибели. Симъ неумышленнымъ нападеніемъ онъ переманилъ на свою сторону часть Эквовъ, и далъ время Диктатору окончить свои укрѣпленія. Такимъ образомъ непріятели, при началѣ дня, нашлись сами осажденными между двумя войсками.

ми. Сраженіе возобновилось при возсіяніи солнца. Диктаторъ и Консулъ ударили тогда всѣми ихъ силами на станъ непріятельскій. Квинтій напалъ на слабую сторону, по тому что Полководецъ Эквовъ не чаялъ прежде защищаться оттуда, и не долго сопротивлялся; а боясь принужденно отдаться въ руки, прибѣгалъ къ договору. Онъ отправилъ для того посланныхъ къ Консулу, который не выслушавъ ихъ отослалъ къ Диктатору. Посланные представясь Квинтію, заклинали его укротить стремленіе Римскихъ воиновъ, и не дѣлать себѣ славы въ погубленіи почти цѣлаго Народа. При чемъ обѣщали оставить весь свой станъ и возвратиться безъ пожитковъ, безъ платья и безъ оружія, естьли позволено имъ будетъ свободно выйти. Квинтій отвѣчалъ имъ съ гордостію, что онъ не почиталъ ихъ столько, чтобъ пагуба ихъ важна была сколько ни

будь Республикѣ; что онъ охотно даруетъ имъ жизнь, но желаетъ чтобъ ихъ Полководецъ и подъ нимъ главные остались военоплѣнными, и чтобъ оставшїе воины вышли рабски, какъ имъ будетъ предписано; въ противномъ же случаѣ онъ велитъ ихъ всѣхъ перерубить. Эквы, окружены со всѣхъ сторонъ, согласились на всѣ договоры, какїе угодно было Побѣдителю имъ назначить. Воткнуты были два копья въ землю, третье положено поперекъ на верьху поставленныхъ. Всѣ Эквы нагїе и безъ оружїя прошли въ сїи военные ворота. Побѣдители дѣлали такое поруганїе побѣжденнымъ, кои не могли ни сражаться, ни уйти; причемъ отданы были въ руки Римлянамъ Полководецъ съ другими Предводителями, которыхъ они берегли къ Трїумфу Диктатора.

Квинтїй отдалъ добычу отъ непрїятеля войску, которое онъ привелъ изъ Рима, не удерживая для

себя

себя ничего; ниже позволилъ, чтобъ выученное Консульское войско имѣло въ томъ участіе. „Воины, гово„рилъ онъ имъ строгимъ голосомъ, „вы которые едва не отдали себя „на жертву непріятелямъ, вы не „должны касаться къ полученной „отъ него добычѣ. А ты, Мину„цій, продолжалъ онъ, не можешь „болѣ быть главнымъ Предводите„лемъ сихъ Легіоновъ, до тѣхъ поръ „какъ увидимъ въ тебѣ лучшую „храбрость и способность„. Сіе военное наказаніе, не уменьшило почтенія и благодарности сихъ войскъ къ ихъ избавителю; Консулы и Воины поднесли ему золотую Корону въ фунтъ вѣсомъ, какъ должную такому Герою, который спасъ жизнь и честь сограждан своихъ.

Сенатъ, получа извѣстіе о Дикташоровой побѣдѣ и справедливомъ раздѣлѣ непріятельской добычи, и устыдясь, такъ сказать, что толь великій Полководецъ старѣлъ въ

скудости, велѣлъ ему сказать, что Правленіе отсуждаетъ ему, достойно и праведно, знатную часть добычи полученной отъ непріятеля. Сенатъ также хотѣлъ ему опредѣлить часть завоеванныхъ земель у Эквовъ , съ числомъ невольниковъ и скота, чтобъ тѣмъ сдѣлать сіи земли болѣ прибыльными ; но Квинтій хотѣлъ дать славный примѣръ своему отечеству. Онъ почиталъ скудость убѣжищемъ и оградою вольности, и предпочиталъ ее всѣмъ представленнымъ ему богатствамъ: увѣренъ, что Гражданинъ совершенно тогда свободенъ и не зависимъ, когда онъ не ожидая ничего отъ другихъ, питаетъ себя самъ отъ принадлежащаго ему удѣла и своей работы.

Сей великій мужъ, прежде двухъ недѣль по выступленіи , выручилъ Консульское войско , побѣдилъ непріятельское и вошелъ въ Римъ торжественно. Предъ колесницею его ведены были непріятельскій Полководецъ

водецъ и великое число военнослужителей въ оковахъ, кои составляли главное украшенїе его Трїумфа. Римскїе воины слѣдовали за нимъ, убравъ головы изъ цвѣтовъ вѣнками, и торжествуя свою побѣду воинскими пѣснями. Онъ отрекся по томъ отъ Дикташорства, въ шестнатцатый день по его возведенїи на оное; хотя онъ и могъ остаться въ семъ достоинствѣ шесть мѣсяцовъ. Толикая умѣренность, усугубила еще его славу и любовь къ нему согражданъ его.

Друзья его дома, пользуясь симъ случаемъ, изходатайствовали прежде его отреченїя, чтобъ напослѣдокъ судимъ былъ Волсїй, оклеветавшїй Квинтїя Цезона его сына. Учреждено было для сего Собранїе. Доноситель, по изобличенїи въ клеветѣ и лжесвидѣтельствѣ, осужденъ былъ на вѣчное изгнанїе, а Цезонъ былъ возвращенъ. Трибуны, видя колико отецъ былъ обожаемъ Народомъ, не

дерзнули возпротивиться толь справедливому суду. Квинтій, доволенъ возвращеніемъ своего сына и приобрѣвъ безмѣрную славу, вырвался отъ похвалъ, которыми превозносили его Римляне, чтобъ пребывать въ своей хижинѣ и продолжать прежнія свои работы.

Онъ не долго тамъ былъ оставленъ. Новыя смятенія произведенныя Народными Трибунами, для изданія Терентиллова закона, чтобъ тѣмъ вымѣстить за возвращеніе Цезоново, принудили Сенатъ вызвать отца его, для укрощенія сихъ мятежныхъ Начальниковъ. Сабиняне и Эквы тогда, то есть въ Консульство Квинта Горація и Корнелія Минуція набѣгали, по обыкновенію ихъ, до самыхъ воротъ Рима. Сенатъ опредѣлилъ, чтобъ оба Консулы выступили немедлѣнно противу непріятелей. Предводительство войска противу Эквовъ досталось по жеребью Горацію; а Минуцію назначено было повелѣ-

велѣвать другимъ противу Сабинянъ. Но когда надлежало заставить Народъ взять оружїе, то Трибуны тому возпротивились, и объявили по ихъ обыкновенїю, что они не позволятъ ни одному Плебеянину вписываться на войну, пока не будутъ избраны прежде Повѣренные. Консулы видя съ огорченїемъ, что непрїятели разоряли безвозбранно Римскїя земли, созвали Сенатъ для разсужденїя о способахъ, противу Трибунскихъ препятствїй. Квинтїй, который вызванъ былъ изъ своего убѣжища, представилъ съ обыкновенною своею твердостїю: что не теряя времени въ безплодныхъ спорахъ съ Трибунами надлежало наискорѣе итти противу непрїятеля; что естьли Народъ, обольщенъ своими Трибунами, и не будетъ слушаться, то онъ мнилъ, чтобъ Сенатъ весь, Патрикїи съ ихъ друзьями и ихъ Клїентами приняли оружїе; что не смотря на Трибуновъ

къ нимъ пристанутъ всѣ честные люди, кои любятъ прямо свое отечество; что онъ при всей своей старости, готовъ былъ дать первый собою имъ примѣръ, и что онъ найдетъ въ сраженіи или славную побѣду или честную смерть.

Всѣ Сенаторы похвалили толь великодушное мнѣніе. Сіи почтенные старики спѣшили въ домы взять оружіе, и съ своими дѣтьми, Кліентами и служителями сошлись на площадь, гдѣ Консулъ Квинтъ Горацій учредилъ Собраніе. Народъ такъ же сбѣжался, и казался тронутъ симъ новымъ зрѣлищемъ. Консулъ представилъ Народу, что всѣ сіи достопочтенныя особы охотнѣе шли почти на вѣрную смерть, нежели хотѣли видѣть непріятелей подъ стѣнами Рима. Онъ увѣщевалъ всѣхъ благонамѣренныхъ Гражданъ соединиться съ ними, для сохраненія славы Римскаго Народа. Но Виргиній, который пять лѣтъ сряду безсмѣнно

смѣнно былъ Трибуномъ, кричалъ съ великою злостью, что онъ не допуститъ Народъ къ вооруженїю, пока не будетъ рѣшено о Законахъ. Консулъ обратясь къ Трибуну съ лицемъ наполненнымъ гнѣва: „Должно признаться, говорилъ ему, „что ты имѣешь бодрость достой„ную твоего разума, производя все„гда развратъ между Народомъ и „Сенатомъ. Но не думай, чтобъ „твой крикъ и сопротивничество за„ставили насъ выдать Республику, „основанную на щастливыхъ пред„знаменованїяхъ. Знайте, Виргинїй „и вы другїе Трибуны, что сїи до„стопочтенные люди, удрученные „болѣ старостїю нежели тягостїю „ихъ оружїя, идутъ великодушно „на сраженїе противу непрїятелей „Римскаго имени; между тѣмъ какъ „вы непоколебимые защитники правъ „Народныхъ, сидите спрятавшись „за стѣнами, и какъ трусливыя бабы „дрожите въ ожиданїи конца войны.

„Или

„Или можетъ быть вы ласкаетесь, „что когда перемѣнчивая судьба ору„жія дастъ вамъ способъ освободить„ся отъ Сената и благороднаго об„щесшва Римскаго, то торжествую„щіе непріятели, въ награду за ва„ше предательство, оставятъ васъ „спокойно наслаждаться хищнымъ „тиранствомъ, и будто не захо„тятъ раззорить Римъ, хотя най„дутъ повсюду въ немъ свидѣтель„ствы и Трофеи прежнихъ ихъ въ „войнѣ нещастій.

„Но когда бы они и пощадили „Римъ въ вашу угодность, то знай„те, что наши жены и дѣти, по„терявъ своихъ отцовъ, мужей и все „что имъ дорого въ жизни, будутъ „имѣть столько великодушія, чтобъ „не остаться по томъ живыми; „знайте что они твердо предпри„няли, зажечь тогда всюду городъ, и „погрести себя подъ развалинами „своего отечества. Вотъ Римляне, „прибавилъ Консулъ, чего вы ожи-

„дать

„дать должны отъ вашихъ безпре-
„станныхъ несогласій.„

Народъ сжалился слыша толь отчаянныя рѣчи, и всѣ проливали слезы. Консулъ видя ихъ въ чувствованіи, и самъ подвигнутъ страстію своего оскорбленія: „Не стыдитесь ли вы, продолжалъ онъ, „видѣть сихъ достопочтенныхъ му-
„жей, сихъ Сенаторовъ, которыхъ вы
„называете вашими отцами, и ко-
„торые великодушно идутъ на точ-
„ную смерть за преслушный Народъ
„и неблагодарный? Достойны ли вы
„Римскаго имени, и не должны ли
„вы сокрыться отъ людей, невѣр-
„ны вашему отечеству, измѣнники
„его оружія, и болѣ непріятели ва-
„шихъ Полководцевъ нежели самые
„Эквы и Сабинцы.„

Виргиній, видя что Консуловы слова дѣйствовали сильно въ Народѣ, долженъ былъ угождать времени, и съ тихостію говорить началъ: „Мы васъ никогда не оставимъ, по-
„чтен-

„чтенные отцы, и не можемъ измѣ-
„нить нашему отечеству. Мы же-
„лаемъ жить и умереть съ вами;
„смерть намъ будетъ пріятна сра-
„жаясь подъ предводительствомъ
„толь достойныхъ Начальниковъ, для
„защищенія общаго нашего отече-
„ства. Правда, что будучи Гра-
„ждане одного Государства, стара-
„ясь всѣ равно, и не щадя жизни
„нашей, о возстановленіи вольности,
„мы требовали отъ васъ законовъ
„верьховныхъ надъ властію Сената,
„которые бы предписали ему пра-
„вила и границы. Но не таково ли
„есть главное установленіе каждаго
„республическаго Государства, чтобъ
„всякой зависѣлъ единственно отъ
„законовъ, и чтобъ законъ былъ
„сильнѣе Правителей. Однако есть-
„ли вы непремѣнно желаете остать-
„ся на древнихъ обычаяхъ, я согла-
„шаюсь, по мнѣ единственно, нико-
„гда вамъ о томъ не поминать. Я
„уничтожу также мое сопротивленіе,

„и

„и готовъ увѣщевать Народъ чтобъ „принялъ оружїе и за вами слѣдовалъ: „прошу только, чтобъ вы оказали „одну милость, которая будетъ „ему полезна безъ всякаго вреда ва- „шей власти„.

Консулъ отвѣтствовалъ ему, что естьли требованїе его справедливо, то Народъ несумнѣнно узнаетъ сколь Сенатъ всегда печется о его пользѣ, и что онъ можетъ благонадежно изъяснить свое требованїе. Виргинїй, поговоря не много съ своими товарищами, объявилъ что онъ желалъ бы изъясниться о томъ въ Сенатѣ. Консулы тотчасъ туда пошли; Виргинїй за ними слѣдовалъ. Онъ имѣлъ съ собою подлинный приговоръ, который былъ сдѣланъ на установленїе Трибуновъ. Когда же былъ впущенъ въ Собранїе, онъ прочелъ его съ позволенїя Консуловъ, и по томъ говорилъ: „все, что Народъ требуетъ отъ „васъ моимъ языкомъ, почтенные

„отцы, есть только то, чтобъ вы „благоволили прибавить пять Три„буновъ къ числу, какое уставлено „было на Священной горѣ: такъ „чтобъ отъ нынѣ пять первыхъ сте„пеней имѣли каждая двухъ Трибу„новъ„. Виргиній вышелъ по томъ, чтобъ оставить Сенатъ разсуждать на его предложеніе. Корнелій Клавдій воспротивился сему новому требованію. Онъ представилъ Собранію, что прибавя пять Трибуновъ къ пяти первымъ, Сенатъ умножитъ число своихъ непріятелей; что нечувствительно составится другой Сенатъ, который будетъ о томъ только стараться, чтобъ уничтожить власть перваго. Но Квинтій усматривалъ инако: онъ утверждалъ на противу того, что умножа число Трибуновъ удобнѣе будетъ произвесть между ими несогласіе; что всегда найдется одинъ кто ни будь менѣ потворщикъ, который по преданности къ Сенату,

ту, а можетъ быть и по ревности противу своихъ товарищей, станетъ имъ упорствовать, чего довольно къ разрушенію ихъ намѣреній; что должно почитать себѣ щастіемъ, что они съ тѣмъ отстаютъ отъ новыхъ законовъ, которыхъ они неотступно требовали; ибо въ вещи Правленія, всякая перемѣна въ законахъ, колеблетъ Государство до самыхъ его основаній. Мнѣніе сего великаго мужа по большинству голосовъ было принято. 296 год. Рим. Виргиній опять былъ впущенъ, и первый Консулъ объявилъ ему, что Сенатъ соглашался на его представленіе, однако далъ ему чувствовать приличными словами отъ общества гдѣ онъ начальствовалъ, сколь велика была сія новая милость. Сенатъ и Народъ, соединены равнымъ мнѣніемъ, оба согласились, хотя по различнымъ видамъ, прибавить число Трибуновъ.

Но Сенатъ скоро почувствовалъ, что снисхожденіе къ Народу на послѣднее его требованіе, служило ему поводомъ къ новымъ. Трибуны, сдѣлавшись еще болѣ дерзновенными во множественномъ ихъ числѣ, предложили чтобъ отдана была Народу гора Авектинъ, или по крайней мѣрѣ часть сей горы, которая не была занята Патрикіями. Луцій Ицилій главный Трибунскаго общества представилъ, что владѣніе сей горы принадлежало республикѣ; что по справедливости, хотя иные Патрикіи купили тамъ нѣкоторыя усадьбы, но другіе завладѣли многими мѣстами насильно; что какъ оставшая земля была праздна и необитаема, то онъ просилъ, чтобъ дать ее даромъ Народу, который размножаясь день отъ дня, не имѣлъ болѣ мѣста гдѣ селиться. Онъ предлагалъ въ то же время, чтобъ утверждены были за Патрикіями тѣ помѣстья, на кои

они покажутъ крѣпости, но чтобъ отрѣшены были отъ владѣнія тѣ, кои заселились тамъ безъ всякаго крѣпостнаго вида; что въ протчемъ за домы, какіе они тамъ выстроили, можно заплатить ихъ прежнимъ владѣльцамъ.

Сіе предложеніе имѣло видъ справедливости, хотя не было отъ того великой пользы Народу. Маркъ Валерій и Спурій Виргиній Консулы сего года, боясь чтобъ по участію въ горѣ Авектинъ, Народъ не сдѣлалъ себѣ права къ возобновленію прежнихъ своихъ требованій въ разсужденіи завоеванныхъ земель, отлагали созывать Сенатъ, чтобъ тѣмъ нечувствительно привесть сіе дѣло въ забвеніе. Ицилій примѣтя умыселъ въ замедлѣніи, вдругъ по небывалому еще примѣру послалъ Апаритора, (*) съ приказаніемъ чтобъ

(*) Въ Римѣ понудители или посыльные съ повѣстками назывались Апари-

Консулы созвали тотчасъ Сенатъ и явились туда сами.

Консулы, озлоблены дерзостью Трибуна и непочтенїемъ ихъ посланнаго, приказали вытолкать безчестно сего понудителя, которому такъ же, по ихъ приказанїю, досталось нѣсколько ударовъ палкою отъ одного Консульскаго Ликтора. Сего довольно было для Трибуна, чтобъ распространить свои заразительныя увѣщанїя предъ Народомъ, и испустить весь ядъ своего языка противу Сената. Онъ представя Плебеянамъ, что въ особѣ его понудителя нарушены были священныя правы Трибунства, велѣлъ взять Консульскаго Ликтора, и хотѣлъ было его осудить къ смерти яко святотатца, и яко преступника, адскимъ богамъ преданнаго. Консулы, хотя первые Правите-

торы; ихъ должность состояла, звать и понуждать къ суду отвѣтчиковъ.

вители Республики, не могли извлечь его изъ рукъ тѣхъ людей, кои были его и судьи и истцы.

Сенатъ чаялъ склонить къ себѣ кого ни будь изъ Трибуновъ, который бы могъ остановить жестокость своего товарища; но Ицилій предупредилъ старанie Сената, внуша всему обществу Трибуновъ, что власть и сила ихъ званiя зависитъ отъ согласiя между ими. По чему утверждено было, чтобъ никто изъ нихъ не препятствовалъ, естьли что по большинству голосовъ между ими положено будетъ. И такъ нещастный Ликторъ видѣлъ себя близъ погибели, за то что исполнилъ точно повелѣнie Консуловъ. Къ избавленiю его, Сенатъ долженъ былъ войти въ договоръ съ Трибунами. Ликторъ выпущенъ на волю, но за то уступлена Народу гора Авентинъ чрезъ Сенатусъ-Консультъ. Къ новому же ущербу Консульской силы, съ того времени Трибуны, по примѣру

мѣру Ицилія, утвердились во власти созывать Сенатъ когда хотѣли: тѣ самые Трибуны, кои при первомъ ихъ установленіи не смѣли входить въ сіе почтенное мѣсто, пока не были туда призываны, и ждали на крыльцѣ повелѣній отъ высокаго общества, какъ простые служители.

Однако они тѣмъ не удовольствовались: Ицилій, для отмѣнной его смѣлости и дерзости, бывъ оставленъ при своемъ начальствѣ и въ слѣдующемъ году, принялъ намѣреніе подклонить самихъ Консуловъ подъ свою волю, и принудить сихъ первыхъ Правителей Республики, не взирая что они имѣли верьховную власть, отвѣтствовать передъ Народнымъ Собраніемъ.

298 год. Рим. Титъ Ромилій и Корнелій Ветурій, бывшіе въ семъ году Консулами признали, что Государство внутри наиболѣ тогда спокойно было, когда производилась внѣшная война; для того вознамѣрились вооружиться

ся противу Эквовъ и Сабинянъ, въ отмщенiе за ихъ разбои и безпрестанныя набѣги. Надлежало набрать и послать Легiоны въ поле. Консулы, особливо гордый и строгiй Ромилiй, поступали при наборѣ съ Плебеянами жестокимъ образомъ, и не весьма приличнымъ по видимому разположенiю разумовъ. Они не принимали никакихъ отговорокъ, и подвергали разорительному денежному взысканiю тѣхъ, кои не являлись тотчасъ по повѣсткѣ. Ромилiй къ тому велѣлъ ловить нѣкоторыхъ, кои подъ разными видами хотѣли отбыть въ семъ году отъ службы. Трибуны не преминули за нихъ вступиться, и покусились отнять переловленныхъ изъ рукъ Ликторовъ. Консулы подступили повелѣвая не пускать ихъ и вести сильно. Трибуны, разъяренные отъ сопротивленiя и подкрѣпляемы дерзостiю Народа, отважились велѣть взять самихъ Консуловъ, и Едиламъ вести ихъ въ На-

родныя тюрьмы. Покушеніе противу верьховныхъ Правителей Республики произвело наивеличайшее смятеніе. Патрикіи, раздраженные дерзостію и наглостію Трибуновъ, бросаются въ толпу Народа, бьютъ всѣхъ не разбирая, кто только имъ противится, разгоняютъ Собраніе, и принуждаютъ Трибуновъ довольно побитыхъ убѣжать съ другими. Сіи въ стыдѣ и досадѣ отъ худаго успѣха ихъ предпріятій, на другой день учредили Собраніе, и старались подговорить туда сколько могли болѣ Плебеянъ изъ окрестностей. Собраніе было многочисленно. Трибуны, видя себя по тому сильными, повѣстили двумъ Консуламъ явиться къ Собранію, такъ какъ бы они понуждали простыхъ жителей. Посыланной повѣстилъ имъ, чтобъ они шли отвѣтствовать передъ Народомъ, въ томъ что произходило вчера на площади. Консулы съ презрѣніемъ выслали Повѣстителя. Тогда

гда Трибуны, въ чаяніи что Сенатъ принудитъ ихъ какъ Коріолана и Цезона признать власть Народнаго Собранія, обратились къ Сенатскому обществу. Они просили тамъ правосудія въ насиліи, какъ они мнили, отъ Консуловъ; къ тому прибавили, что какъ въ безчестіи ихъ особъ нарушены были священные законы Трибунства, то они надѣялись, что Сенатъ не упуститъ толь великаго злодѣйства безъ наказанія; требовали же болѣ всего, или чтобъ Консулы очистились клятвою, что они не имѣли участія въ бывшемъ смятеніи, или, естьли справедливое раскаяніе возпрепятствуетъ имъ въ томъ поклясться, то чтобъ они осуждены были чрезъ Сенатусъ-Консультъ, предстать предъ Народное Собраніе и подвергнуться суду онаго. Ѳомилій вступилъ въ рѣчь, и укорялъ ихъ высоковластно, что препятствуя набору воиновъ, они одни были

были творцы смятенія; что они отважились даже приказывать брать Консуловъ, верьховныхъ Правителей Республики, дерзали еще грозить имъ въ полномъ Сенатѣ Народнымъ Судомъ: хотя не могли требовать на судъ ниже послѣдняго Патрикія, доколѣ не будетъ для того выданъ нарочный Сенатусъ-Консультъ. Напослѣдокъ онъ имъ объявлялъ, что естьли они отважатся простирать далѣ свое предпріятіе, то онъ заставитъ все общество Патрикіевъ, итти противу ихъ съ оружіемъ, и самъ главнымъ надъ ними, станетъ на площади бить всѣхъ, кои ему противными представятся; и что можетъ быть онъ принудитъ ихъ раскаяться, употребляя во зло долготерпѣніе Сената, и простирая неограниченно свою дерзость.

День прошелъ въ спорахъ, и ночь наступила прежде нежели Сенатъ сдѣлалъ какое ни будь положеніе. Большая часть Сенаторовъ были доволь-

вольны, что время такЪ прошло, и что не были принуждены разбирать КонсуловЪ сЪ Трибунами, особливо же отказать вЪ требованiи послѣднимЪ, кои нашли бы вЪ томЪ опять, по желанiю ихЪ, случай кЪ возмущенiю Народа.

Трибуны видя, что СенатЪ старался ихЪ проволочить, учредили на завтре же Народное Собранiе, гдѣ представили о произшедшемЪ вЪ Сенатѣ, и говорили: что не можно было ожидать правосудiя отЪ общества, гдѣ непрiятели ихЪ властовали; что они сложатЪ сЪ себя Трибунство и откажутся отЪ начальства, естьли НародЪ не приметЪ смѣлыхЪ намѣренiй, необходимо нужныхЪ кЪ сохраненiю ихЪ достоинства.

Главные противники изЪ ПлебеянЪ готовы были уйти, вЪ другой разЪ на Священную гору сЪ оружiемЪ, и оттуда начать войну противу Патрикiевъ. Другiе оказываясь болѣ умѣренными, но внутренно удер-

жи-

живаясь страхомъ только междоусобной войны, предлагали чтобъ не вооружаться, и не просить такъ же Сенатъ дабы выданъ былъ для нихъ Сенатусъ-Консультъ, но чтобъ Народъ единственною своею властїю судилъ Консуловъ, и наложилъ на нихъ большое денежное наказанїе. На послѣдокъ тѣ, кои не потеряли еще вовсе должнаго къ первымъ Начальникамъ почтенїя, представили что не было примѣра, чтобъ когда ни будь предпринято было въ Народномъ Собранїи обвинить обоихъ Консуловъ въ самомъ году ихъ Консульства, и особливо безъ участїя Сената; что такой поступокъ чрезмѣрно отваженъ, и безъ сомнѣнїя произойдутъ отъ того новыя смятенїя, которыя на конецъ обратятся въ междоусобную войну; что какъ успѣхъ въ томъ не вѣренъ, то опасно, когда преодолѣютъ Патрикїи, чтобъ не изтребили вовсе Народной власти въ отмщенїе тѣмъ, кои

кои ее далеко простирали. И такъ ихъ мнѣнїе было отложить всякое истязанїе Консуловъ, до того времени какъ они выйдутъ изъ должности; во ожиданїи же истязывать только тѣхъ, кои наиболѣ явились съ ними въ сообществѣ.

Изъ сихъ трехъ мнѣнїй, Трибуны приняли второе, такъ какъ надежнѣйшее и скорѣйшее къ удовольствїю ихъ мщенїя. Они назначили Собранїе, гдѣ Народъ по ихъ предложенїю долженъ былъ осудить Консуловъ къ денежному взысканїю. Но между тѣмъ Трибуны примѣтили что Народъ отъ перваго своего стремленїя много укротился, и гораздо менѣ прежняго усердствовалъ въ семъ дѣлѣ, почитая оное касающимся только до ихъ Начальниковъ. Для того они вознамѣрились, къ лучшему успѣху своего мщенїя, отложить оное до времени, и переворотить дѣло, по обыкновенїю видомъ старанїя о пользѣ Народной, не примѣшивая къ

тому

тому ссоры ихъ съ Консулами. И такъ, когда приспѣлъ назначенный день къ Собранію, Ицилій вступя въ рѣчь отъ общества своихъ товарищей, объявилъ: что оное уважая прозьбу справедливѣйшихъ людей въ Сенатѣ, отстаетъ отъ требованія къ суду Консуловъ; но что оставляя ихъ собственную тяжбу, они не менѣ наблюдаютъ общую пользу Народа, и требуютъ законовъ, которые были бы обнародованы, и по томъ чтобъ произведенъ былъ раздѣлъ земель; что уже давно надлежало установить толь справедливо предложенный законъ, котораго изданію всегда препятствовали Патрикіи своими хитростями. Онъ ободрялъ при томъ Плебеянъ, кои участвовали въ семъ дѣлѣ, чтобъ они вольно сказывали свое мнѣніе въ Собраніи.

Тогда одинъ Плебеянинъ, по имени Луцій Сициній, или Сициній Дентатъ возшелъ на Трибунъ. Сей ста-

старый, но еще бодраго вида человѣкъ, былъ подъ шестьдесятъ лѣтъ возрастомъ, и имѣлъ воинское красноречїе. Онъ началъ пространно говорить самъ о своей храбрости, и о всѣхъ случаяхъ въ которыхъ онъ отличился: представилъ въ началѣ, что уже сорокъ лѣтъ, какъ онъ носилъ оружїе; что онъ находился во сто двадцати сраженїяхъ; былъ сорокъ пять разъ раненъ всегда съ переди; въ одной битвѣ получилъ двенатцать ранъ; получилъ въ награжденїе въ разныя времена четырнатцать вѣнцовъ Сивическихъ, (*) спася жизнь въ сраженїяхъ толикому же числу Гражданъ; три вѣнца Муральныхъ (**), вошедъ первый въ проломы крѣпостей, кои взяты бы-

Ю ли

(*) Такъ назывались у Римлянъ дубовые вѣнки, кои давались въ награжденїе за то, когда кто спасъ жизнь своего Согражданина въ сраженїи, или отличилъ себя подобнымъ тому дѣйствїемъ.

(**) Муральной вѣнецъ былъ у Римлянъ золотой съ зубчиками, и даванъ былъ тому,

ли осадою; что Полководцы его дали ему восемь другихъ вѣнцовъ за то, что онъ отнималъ столько разъ изъ рукъ непріятелей знамена своихъ легіоновъ; что онъ хранилъ у себя въ домѣ восемдесятъ золотыхъ ожерельевъ, болѣ шестидесяти руковятокъ, множество позлащенныхъ копей, богатоукрашенныхъ оружїй и лошадиныхъ збруй, въ знакъ и награжденіе одержанныхъ имъ побѣдъ въ отмѣнныхъ сраженіяхъ, и кои произходили въ глазахъ предъ войскомъ; что однако при всѣхъ сихъ достопочтенныхъ знакахъ заслугъ его, ни онъ, ни другіе храбрые воины, кои проливая кровь завоевали Республикѣ лучшую часть земли, не имѣли въ ней ни малаго участїя; что ихъ собственные труды похищены были нѣкоторыми Патрикіями, кои не имѣли другаго достоинства, какъ титло ихъ поро-

---

кто первый при осадѣ города взошелъ на стѣну.

породы и знатность имени; что ни одинъ изъ нихъ не могъ доказать законнаго владѣнія сими землями, развѣ только, почитая Государство своею вотчиною и Плебеянъ своими подлыми невольниками, недостойными имѣть участія въ приобрѣтеніи; но что время уже было, чтобъ сей храбрый Народъ сдѣлалъ самъ себѣ правосудіе; и не откладывая мнилъ показать на площади, чрезъ установленіе тотчасъ закона о раздѣлѣ земель, что Народъ не менѣ имѣетъ твердости приводить къ исполненію предложенія своихъ Трибуновъ, сколько явилъ онъ храбрости въ полѣ, противу непріятелей Государства.

Ицилій весьма хвалилъ сказанную рѣчь. Но какъ онъ тщился показать себя строгимъ наблюдателемъ законовъ, то представилъ Сицію, что по справедливости не льзя было о томъ рѣшить, не выслушавъ прежде отъ Патрикіевъ представленій, какія они найдутъ

сдѣлать противу закона, и отложилъ Собраніе до слѣдующаго дня.

Консулы собрались тайно ночью совѣтывать съ главными Сенаторами, о средствахъ какія надлежало употребить къ опроверженію Трибунскихъ предпріятій. По многимъ разсужденіямъ положено было употребить сперьва ласковыя слова, и все искусство языка, чтобъ склонить Народъ и отвратить его отъ изданія закона. Но естьли слушая своихъ Трибуновъ, Плебеяне непремѣнно захотятъ собирать голоса, то чтобъ высоковластно тому воспротивиться, и въ случаѣ нужды ополчиться дѣйствительно къ ихъ сокращенію. Дано было знать всѣмъ Патрикіямъ, чтобъ они собрались рано по утру на площадь съ своими друзьями и Кліентами; чтобъ частію ихъ окруженъ былъ витійственный Трибунъ, дабы препятствовать Трибунамъ тамъ усиливаться, и чтобъ остатокъ благород-

роднаго общества раздѣлился по кучкамъ въ Собранiи, дабы не допускать раздавать билетцы.

Патрикiи не преминули собраться на площадь заранѣ, и занять всѣ мѣста какъ было сказано. По прибытiи туда Консуловъ, Трибуны объявили чрезъ провозвѣстника, что естьли кто изъ Гражданъ имѣетъ предложить твердыя причины къ опроверженiю закона, тотъ бы взошелъ на Витiйственный Трибунъ, и изъяснилъ ихъ Народу. Многiе Сенаторы всходили туда попеременно; но какъ скоро говорить начинали, то наглое сонмище подлаго Народа, поставленное Трибунами на супротивъ, производило смятенные вопли, такъ что не слышно было рѣчей Сенаторскихъ. Консулы не терпя сей наглости, высоковластно заявили, что они не почтутъ въ дѣло все, что будетъ уставлено въ толь мятежномъ Собранiи. Тогда Трибуны явя себя пря-

 мо,

мо, отвѣтствовали имъ съ великою гордостью, что ихъ заявленіе не помѣшаетъ изданію закона; что уже долго и такъ они проводили Народъ пустыми словами, которыхъ умышленное разпространеніе клонилось только къ тому, чтобъ отдалить рѣшеніе дѣла; что напослѣдокъ надлежало рѣшить оное по голосамъ въ Собраніи. По томъ Ицилій велѣлъ разкрыть Урны (*) и раздавать билетцы Народу. Когда же служители начали исполнять сіе повелѣніе, то молодые Патрикіи первыхъ домовъ Республики, принявъ сіе знакомъ къ ихъ дѣйствію какъ они тайно между собою условились, выхватили изъ рукъ Урны, и разсыпали по сторонамъ билетцы. Другіе послѣдуемы своими друзьями и Кліентами, бросаются въ толпу, толкаютъ, бьютъ, разгоняютъ Народъ и остаются напослѣ-

(*) Сосуды, въ которыхъ содержались билетцы.

слѣдокъ властителями на мѣстѣ. Трибуны озлясь, что такимъ образомъ уничтожены были ихъ мѣры, ушли послѣднiе; но учредили Собранiе въ слѣдующiй день, и принеся жалобы ихъ, что толь явно нарушено было величество Римскаго Народа, требовали чтобъ позволено имъ было особливо жаловаться на зачинщиковъ смятенiя. Сiе имъ тотчасъ было позволено.

Они предъявили свидѣтелей, кои согласно показывали, что мятежъ произведенъ былъ большею частiю молодыми Патрикiями. Но какъ вмѣстная ихъ вина спасала ихъ нѣкоторымъ образомъ, и не было способа представить вдругъ на всѣхъ Патрикiевъ, то Трибуны искали произвесть свое мщенiе болѣ надъ тѣми, которыхъ казнь могла усмирить Сенаторовъ; и такъ сложили вину паче на тѣхъ, кои были изъ рода Пустумiева, Семпронiева и Клелiева. Имъ назначено

но было явиться къ суду въ первомъ Народномъ Собраніи ; но хотя сіи молодые Патрикіи сдѣлали себѣ честь возпрепятствовавъ изданію закона , однако Сенатъ не разсудилъ за благо , чтобъ они къ суду явились , ни чтобъ кто ни будь шелъ на мѣсто ихъ къ оправданію. Искуснѣйшіе Сенаторы надѣялись , что когда позволятъ ихъ судить Народу , то сія умѣренность укропитъ его мщеніе ; или когда онъ выпуститъ , такъ сказать , всю свою злость осудя ихъ , то сіе удовольствіе заставитъ его позабыть о изданіи законовъ. Но когда приспѣлъ день Собранія , то самые неутишимые разумы между Народомъ взялись за сіе дѣло строжайшимъ образомъ ; а разсудительные изъ нихъ , почитая молчаніе Сената безсловеснымъ признаніемъ вины Патрикіевъ , и довольствуясь что онъ ихъ предалъ правосудію Народа , мнили только осудить ихъ къ

денежному взысканію: что и утверждено было по большинству голосовъ. Сенатъ тому не возпротивился; проданы были всенародно именія обвиненныхъ для положеннаго взысканія, и прибытокъ отъ того посвященъ Церерѣ. Однако Сенатъ послѣ далъ посредствующимъ людямъ собственныя свои деньги, чтобъ выкупить ихъ именія, кои по нѣсколькомъ времени возвращены первымъ стяжателемъ; Сенатъ же былъ доволенъ, что уронъ состоялъ только въ деньгахъ для возпрепятствованія изданію закона. Но Трибуны не такъ легко отстали отъ онаго; они скоро поворотились къ раздѣлу земель. Въ томъ состоялъ, по большой части, предмѣтъ ихъ увѣщаній.

Между тѣмъ, какъ Народъ проводилъ цѣлые дни въ слушаніи на площади сихъ увѣщателей, прибыли вѣстники изъ Тускула, и донесли что Эквы наступили на земли сего

 союз-

союзнаго съ Римомъ города; что истребляли все въ полѣ огнемъ и мечемъ; что опасно также было и для города, естьли они осадятъ оный; и что жители просили съ великимъ умоленїемъ ихъ помощи. Сенатъ опредѣлилъ тотчасъ, чтобъ Консулы выступили въ поле съ силами Республики. Трибуны не переставали, по обыкновенїю ихъ, тому препятствовать, и хотѣли чтобъ ихъ согласїе куплено было изданїемъ закона. Но Народъ болѣ чувствительный нежели сїи Начальники, вспомнивъ помощь которую онъ получилъ отъ Тускуланцевъ противу нашествїя Гердонїева, согласился доброхотно принять оружїе. Набрано было немедлѣнно войско. Два Консула вступили въ предводительство. Сицїй Дентатъ, тотъ Плебеянинъ, который толь усердно говорилъ въ пользу поземельнаго закона, представился за ними слѣдовать съ восмью стами заслуженныхъ людей,

людей, кои всѣ какъ и онъ кончили время службы предписанное законами, но въ семъ случаѣ хотѣли сами однако итти на войну, подъ особливымъ повелѣніемъ Сиція, котораго высоко они называли Римскимъ Ахиллесомъ.

Римское войско достигло до Алгида (*), который былъ въ шестьнатцати стадіяхъ отъ Рима, и встрѣтило непріятеля не подалеку отъ города Антіума. Онъ окопался на высотѣ одной горы. Римляне расположились на другой противолежащей. Они укрѣпили себя тщательно, и Полководцы не выпускали воиновъ изъ стана, скрывая силы отъ непріятеля. Эквы почли сіи предосторожности за дѣйствіе страха Консуловъ. Въ семъ мнѣніи сходили часто на подолъ горы, и приходили

(*) Городъ, который древле такъ назывался, и отстоялъ недалече отъ Тускула, на верьху одной горы; нынѣ же называется Рока-Дель-Папа.

ли иногда къ самымъ укрѣпленїямъ, порочить Римлянъ въ робости ихъ Полководцевъ. Консулы, чтобъ оставить непрїятеля въ сей мнимой надеждѣ, держали воиновъ внутри стана безвыходно. Но въ одинъ день какъ Ромилiй былъ главнымъ повелителемъ и по очереди своей распредѣлялъ войскомъ, сей Консулъ примѣтилъ, что войско Эквовъ выступило изъ своего стана, и что большая часть воиновъ разсыпавшись по полю промышляли невозбранно лошадямъ кормъ, даже подъ самыми его укрѣпленїями. Онъ вознамѣрился пуститься на нихъ въ поле, и въ то же время отрядить часть войска къ стану непрїятеля, который былъ на горѣ, дабы непрїятель не зналъ съ которой стороны учинено дѣйствительное нападенїе. Въ семъ намѣренiи онъ призвалъ Сицїя Дентата, который повелѣвалъ особливымъ войскомъ заслуженыхъ, какъ упомянуто выше;

ше; и можетъ быть почитая его храбрость, а можетъ быть также не щадя сего Плебеянина при семъ весьма опасномъ случаѣ, онъ поручилъ ему нападенїе на станъ непрїятельскїй. „Мы пойдемъ, говорилъ „онъ ему, товарищъ мой и я на „непрїятеля; а между тѣмъ какъ „мы переманимъ всѣ силы на нашу „сторону, ты ступай съ своимъ вой„скомъ по сей лощинѣ и по сей обвод„ной дорогѣ, которую на горѣ видишь, „и которая лежитъ къ стану; под„ступи къ укрѣпленїямъ и старай„ся овладѣть ими. Производя же въ „одно время два съ разныхъ сторонъ „нападенїя, мы принудимъ непрїя„теля раздвоиться въ нашу пользу; „ибо онъ раздѣляя свои силы осла„битъ свое защищенїе„. Сицїй отвѣтствовалъ, что онъ готовъ слѣпо повиноваться его повелѣнїямъ. „Но позволь мнѣ, говорилъ онъ ему, „представить, что исполненїе она„го мнѣ кажется не возможно, и

„сверьхъ

„сверьхъ того весьма опасно. Ты ча-
„ешь, представлялъ ему сей старый
„военнослужитель, что непріятели,
„отступя отъ горы и отъ своего
„стана, не отрядили знатную часть
„пѣхоты, чтобъ хранить единствен-
„ную дорогу, по которой имъ уйти
„можно? Могу ли я одинъ насту-
„пить на сіе мѣсто съ отставными
„и не будучи подкрѣпленъ доволь-
„ными силами? Таковое предпріятіе
„удобно только насъ всѣхъ погубить.
„Восемь сотъ человѣкъ могутъ ли
„сопротивляться цѣлому войску не-
„пріятелей, которое нападетъ на
„насъ съ тылу въ одно время, какъ
„съ переди станутъ бить насъ тѣ,
„кои путь горы занимаютъ,?

Консулъ, разгнѣванъ Сиціевыми представленіями отвѣчалъ ему сурово, что не мѣшаясь въ распоряженія главноповелителя онъ долженъ исполнять то, что ему приказано; или когда онъ находитъ въ томъ много опасности, то найдутся

дру-

другіе, кому онъ препоручитъ сіе исполненіе, и кои не дѣлая своихъ разсужденій, поставятъ себѣ въ славу явить усердіе и возможность въ семъ предпріятіи. „А ты великій „воинъ, прибавилъ Консулъ съ ру„гательною насмѣшкою, ты кото„рый сражался сорокъ лѣтъ и былъ „на ста двапцати битвахъ, съ изра„неньымъ твоимъ тѣломъ воротись „лучше въ Римъ, не смѣя глядѣть „на непріятеля, и распространи на „площади твое краснорѣчіе, кото„рое болѣ страшно твоимъ сограж„данамъ, нежели мечь твой Эквамъ „и непріятелямъ отечества„.

Сицій, тронутъ укорами своего Полководца, отвѣчалъ ему гордо, что онъ видитъ желаніе его погубить или обезчестить стараго воина, но что однако первое онъ сдѣлаетъ легче нежели другое; что онъ идетъ къ непріятельскому стану и его возметъ, или онъ со всѣми своими товарищами въ неудачѣ сами

ми

ми себя убьютъ на дорогѣ. Сіи отставные простились по томъ съ протчими воинами, кои разстались съ ними съ сожалѣніемъ, что ихъ послали какъ овецъ на убой къ непріятелю. Къ щастію ихъ они предводительствуемы были старымъ служивцемъ, который былъ искусенъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Сицій пошелъ великимъ обходомъ, и слѣдуя нѣсколько времени, увидѣлъ вдали на окрестныхъ горахъ густой лѣсъ, который казалось простирался до самаго непріятельскаго стана. Онъ спѣшилъ топчасъ въ сей лѣсъ вобраться. „*Есть* надежда, друзья „мои! вскричалъ онъ идучи туда; „и ежели глаза мои меня не обманываютъ, я примѣчаю тамъ дорогу, по которой мы способнѣе подступимъ къ непріятелю, нежели по „той которую нашъ Полководецъ „намъ назначилъ„. Съ нѣкоторымъ трудомъ сіи старые служивцы, подъ бременемъ своего оружія, взобрались на

на самый верьхъ горы. Оттуда увидѣли, что они находились на высотѣ, которая ниже на спускѣ открывала имъ станъ непрїятельскїй. И такъ они шли къ оному подъ прикрытїемъ лѣса не будучи видимы ни караульными ни передовыми войсками.

Во время сего слѣдованїя, два войска Римлянъ и Эквовъ находились въ сраженїи на подолѣ. Долгое время та и другая сторона сопротивлялись съ равнымъ мужествомъ, такъ что не видно было куда побѣда клонилась. Большая часть воиновъ, которыхъ Эквы оставили беречь ихъ станъ, не ожидая себѣ нападенїя съ тылу, сбѣжали на сходъ горы, чтобъ видѣть битву. Между тѣмъ какъ они разсыпались по разнымъ мѣстамъ для лучшаго примѣчанїя толь великаго произшествїя, Сицїй, примѣчая ихъ съ своей стороны, возпользовался симъ небреженїемъ. Онъ идетъ къ стану, нападаетъ на ка-

раульныхъ, сѣчетъ на части всѣхъ ему сопротивляющихся, беретъ протчихъ въ плѣнъ, и оставя нѣсколько воиновъ на караулѣ при станѣ пускается по томъ на тѣхъ, кои спокойно смотрѣли на битву, и безтрудно ихъ поражаетъ. Нѣкоторые, коихъ отдаленіе способствовало къ уходу, бросились въ лощину, которая выводила на подолъ, и гдѣ Эквы оставили нѣсколько Когортовъ для охраненія уходной дороги какъ Сицій предвидѣлъ. Сей Римлянинъ сильно гонясь за ними, пристигаетъ ихъ туда почти въ одно время, стѣсняетъ, гонитъ и опрометываетъ на сіе охраняющее войско. Всѣ обращаются въ бѣгъ; непріятель въ страхѣ не видитъ, что малое число Римлянъ ихъ гонитъ; ужасъ представляетъ ихъ въ глазахъ многочисленными. Онъ ищетъ своего спасенія въ совокупленіи съ войскомъ, и приноситъ туда страхъ и отчаяніе. Сицій прибывъ за ними, еще умножаетъ

ужасЪ. По томЪ не битва уже происходила, но непріятель вЪ разныя стороны былЪ разсыпанЪ. Иные хотѣли уйти назадЪ на гору, другіе удалялись на подолЪ, и всюду встрѣчали непріятеля и смерть. Большая ихЪ часть посѣчена была на части, и только тѣ остались живы, коихЪ Римляне пощадили взявЪ ихЪ вЪ плѣнЪ, или кои убѣжали пользуясь ночью, которая по томЪ наступила.

Между тѣмЪ, какЪ Консулы вЪ послѣди побѣждали и постигали бѣгущихЪ, Сицій озлобясь противу своихЪ ПолководцевЪ, принимаетЪ намѣреніе лишить ихЪ плодовЪ и честей побѣды. ОнЪ всходитЪ назадЪ одинЪ сЪ своимЪ войскомЪ вЪ непріятельскій станЪ, рубитЪ плѣнниковЪ, убиваетЪ лошадей, сожигаетЪ полатки, оружіе и всѣ пожитки, не оставляя ни единаго изЪ сихЪ знаковЪ побѣды, кои требовались отЪ ПолководцевЪ, когда они

 про-

просили послѣ чести Тріумфа. По томъ онъ слѣдуетъ въ Римъ съ великою поспѣшностію. Прибывъ же первый туда съ своимъ Когортомъ, увѣдомляетъ Трибуновъ о всемъ происшедшемъ. Народъ, видя сихъ старыхъ служивцевъ однихъ и обагренныхъ въ крови непріятелей, стекаетъся во кругъ ихъ и спрашиваетъ извѣстія о войскѣ. Сицій сказываетъ имъ одержанную надъ Эквами побѣду, и жалуется при томъ на безчеловѣчіе Консуловъ, кои безъ всякой нужды, говорилъ онъ, и въ удовольствіе только противу Плебеянъ ихъ ненависти, послали восемь сотъ стариковъ на смерть, которая представлялась неизбѣжна. Онъ разсказалъ какимъ щастіемъ сохранился отъ погибели. „При всемъ томъ, „говорилъ онъ, мы взяли непріятель„скій станъ и порубили на части „тѣхъ, кои охраняли оный; по томъ „мы завладѣли тѣсными проходами „горы; мы выгнали оттуда Эквовъ

„и

„и нашею храбростію дали побѣду „Консуламъ. Мы ничего болѣ не „просимъ въ награжденіе, какъ толь„ко чтобъ не воздавали честей Трі„умфа Полководцамъ, которые на „то единственно употребили свою „власть, чтобъ послать безъ нужды „на погибель согражданъ своихъ.„

Народъ, который уже и прежде не доволенъ былъ Патрикіями, далъ слово не соглашаться отнюдь къ Тріумфу Консуловъ. Воины сихъ Полководцевъ по возвращеніи вошли въ заговоръ съ первыми, въ отмщеніе за то, что Консулы лишили ихъ добычи отъ непріятеля, и что продали все въ прибытокъ казны, подъ видомъ какъ будто оная была истощена. Консулы, къ полученію Тріумфа тщетно представляли, что они одержали полную побѣду, порубили на части непріятельское войско, и взяли семь тысячь человѣкъ въ плѣнъ. Народъ по предупрежденію въ томъ, что они хотѣли погубить заслу-

женыхъ, не восхотѣлъ упорно, чтобъ приносимы были богамъ благодарственныя мольбы за побѣду, ни чтобъ Консулы могли войти въ городъ съ Тріумфомъ. Сенатъ судя въ семъ случаѣ по правдѣ, или можетъ быть также страшась новыхъ возмущеній, не разсудилъ за благо за нихъ вступиться. А Народъ, который почиталъ сіе имъ безчестіе себѣ побѣдою надъ всѣмъ обществомъ Патрикіевъ, въ слѣдующихъ Комиціяхъ возвелъ Сиція въ достоинство Трибуна.

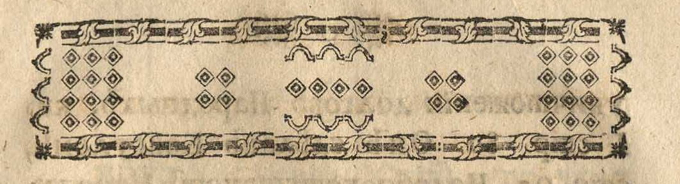
Два же Консула, какъ скоро вышли изъ своего званія, то требованы были къ отвѣту передъ Народное Собраніе въ Консульство Преемниковъ ихъ Спурія Тарпеія и Анка Этернія. Такова была обыкновенная судьба сихъ верьховныхъ Правителей. Обвиненіе произнесено было по жалобѣ отъ Сиція; но самое ихъ преступленіе было то, что они оба твердо сопротивлялись изданію закона

кона о землякѣ. Народѣ осудилѣ обоихѣ кѣ денежному взысканїю, сѣ Ромилїя десяти тысячь, сѣ Ветурїя же пятьнатцати тысячь Ассовѣ. Вѣ Исторїи не видно причины различїя, которое Народѣ положилѣ между сими двумя взысканїями: можетѣ быть для того, что Ветурїй имѣлѣ болѣ участїя вѣ приказанїи безчестно проводить изѣ Сената Апаритора, когда сей былѣ посланѣ отѣ Ицилїя. Кѣ вѣроятности онаго можетѣ служить уставленный, вѣ то же время общимѣ всѣхѣ степеней согласїемѣ, законѣ, которымѣ позволено всякому Начальнику осуждать кѣ денежному взысканїю тѣхѣ, кои нарушатѣ почтенїе должное его достоинству. Сїе преимущество принадлежало прежде однимѣ только Консуламѣ. А чтобѣ нѣкоторые особые Начальники не употребили во зло сей новой власти и не простирали оной надмѣру, то тѣмѣ же закономѣ опредѣлено было, чтобѣ сѣ

того времени самое великое взысканіе, за подобныя тому преступленія не превышало цѣны двухъ быковъ или тритцати овечекъ: такъ называлась тогда мѣдная монета отъ тисненія на ней быка или овечки, и сдѣлана при владѣніи Сервія Туллія шестаго Царя Римскаго.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

УКАЗА-



УКАЗАНІЕ ВЕЩАМЪ
ПО АЛФАВИТУ,
содержащимся въ семъ первомъ томѣ.

А.

Б.

го

Г.

Д.

инствѣ Диктатора, итти выручить Консула съ войскомъ, котораго непріятели заключили въ тѣсномъ мѣстѣ, стр. 465. Онъ высвободилъ Консула и войско, побѣдилъ непріятелей и возвратился въ Римъ съ Тріумфомъ, стр. 469. Заставляетъ по справедливости возвратить Цезона своего сына отъ изгнанія; слагаетъ съ себя Диктаторство въ шеснатцатый день по возведеніи его на оное, и возвращается въ поле къ своей обыкновенной работѣ, стр. 473. и 474.

КВИНТІЙ ЦЕЗОНЪ, сынъ Квинтія Цинцината, строго противившся изданію Терентиллова закона, кн IV. стр. 418. Онъ требуется на судъ предъ Народное Собраніе, стр. 419. Лживо обвиненъ, стр. 420. Принужденъ убѣжать и жить въ Тосканіи, стр. 428. Оправданъ въ оклеветаніи; а лживой доносчикъ его осужденъ на вѣчное изгнаніе, стр. 473.

КОЛ-

ютъ ему срокъ предстать, чрезъ двацать семь дней, передъ Народное Собраніе, стр. 197. Сенатъ за него вступается, стр. 198. Потомъ его оставляетъ, и дѣлаетъ приговоръ, по которому онъ отсылается на судъ къ Народу, стр. 225. Минуцій опять его защищаетъ, стр. 231. Коріоланъ самъ предстаетъ съ бодростію въ Собраніи, которому вмѣсто всякаго оправданія представляетъ свои заслуги, стр. 234. Поставлено ему преступленіемъ то, что онъ раздѣлилъ всю добычу, въ войнѣ противу Антіатовъ, своимъ воинамъ, кои за нимъ слѣдовали, стр. 238. Повѣствованіе онаго произшествія, стр. 240. Коріоланъ осужденъ на вѣчное изгнаніе, стр. 243. Онъ выходитъ изъ Рима, стр. 245. Является къ Туллію Полководцу Волсковъ, стр. 254. Уговариваетъ его объявить войну Римлянамъ, стр. 255. Главноповелительствуя надъ многочисленнымъ войскомъ Волсковъ, онъ на-

Л.

М.

Н.

воры съ Народомъ убѣжавшимъ на Священную гору, и соглашается напослѣдокъ къ уничтоженію Народныхъ долговъ и къ установленію Трибуновъ, стр. 157. Дозволяетъ Трибунамъ установить Едиловъ, кн. II. стр. 164. Посылаетъ даже въ Сицилію доставать хлѣбъ за недостаткомъ онаго въ городѣ, стр. 166. Вступается за Коріолана, по томъ отдаетъ его безпрепятственно на судъ Народному Собранію, стр. 225. Онъ даетъ власть, чрезъ приговоръ, назначеннымъ на будущій годъ Консуламъ, назвать повѣренныхъ для раздѣла земель, кн. III. стр. 320. Даетъ осудить Кассія къ смерти, стр. 321. Даетъ Народу власть избрать десять Трибуновъ вмѣсто пяти, съ договоромъ, что оный не будетъ болѣ требовать исполненія Терентиллова закона, кн. IV. стр. 483. Уступаетъ Народу гору Авентинъ стр. 487.

СЕ-

Сервія

стр. 170. Они крѣпко домогаются, чтобъ изданъ былъ законъ о раздѣлѣ земель, кн. III стр. 338. Заставляютъ принять законъ для Собраній по Трибамъ, стр. 376. Стараются вновь о законѣ Аграріи, но безъ успѣха, стр 382. Требуютъ, чтобъ съ согласіемъ Народа уставлены были общественные законы, для отправленія правосудія по онымъ, кн. VI. стр. 402. Гонятъ въ судѣ Цезона, который противился изданію законовъ, и принуждаютъ его убѣжать въ Тосканію спасаясь отъ суда ихъ, стр. 423. Умышляютъ изтребить всѣхъ Сенаторовъ и всѣхъ Патрикіевъ, кои были имъ ненавистны, стр 429. Умыселъ ихъ остается безъ дѣйствія, стр. 439. Они возобновляютъ требованіе Терентиллова закона; и Сенатъ, чтобъ ихъ заставить отстать отъ онаго, дозволяетъ имъ прибавить пять новыхъ Трибуновъ къ пяти прежнимъ, стр. 481. Они принуждаютъ уступить Народу гору Авентинъ, чрезъ

Сена-

КОНЕЦЪ УКАЗАНIЮ ВЕЩЕЙ.

Для лучшаго вниманія читателю, предлагается краткое знаменованіе словъ, собственно принадлежащихъ къ Римской Исторіи, кои въ своихъ мѣстахъ изъяснены пространнѣе.

АВГУРЫ, Гадатели по летанію птицъ.

АВСПИЦІИ, Предзнаменованія.

АПАРИТОРЪ, Посыльный съ повѣсткою, Понудитель.

АРУСПИКИ, Гадатели по внутреннимъ закалаемымъ животныхъ.

АССЪ, монета.

ДЕПУТАТЪ, Повѣренный въ дѣлахъ отъ общества.

ДЕПУТАТСТВО, должность онаго.

ДЕЦЕМВИРЪ, одинъ изъ десяти Правителей учрежденныхъ для правосудія.

ДЕЦЕМВИРСТВО, должность онаго.

ДИКТАТОРЪ, высочайшій Правитель.

ДИКТАТОРСТВО, должность онаго.

ДРАХМА, монета.

ДУУМВИРЪ, одинъ изъ двухъ Судей учрежденныхъ въ Римѣ.

ДУУМВИРСТВО, должность онаго.

ЕДИЛЫ, родъ приставовъ или исполнителей.

ЗАКОНЪ АГРАРІЙ, поземельный законъ.

КВЕСТОРЪ, Казначей.

КВЕСТУРА, должность онаго.

КЛІЕНТЫ, услужники Вельможъ.

КОГОРТЪ, удѣлъ войска, такъ какъ рота.

КОМИЦІИ, Народные зборищи.

КОНСУЛЪ, верьховный Правитель.

КОНСУЛЬСТВО, должность онаго.

КУРІИ, Сотни.

КУРІОНЪ, великій Жрецъ.

КУРУЛЬСКІЕ кресла, въ которыхъ засѣдали первоначальствующіе Правители.

ЛЕГІОНЪ, удѣлъ войска, такъ какъ полкъ.

ЛИКТОРЫ, Предшественники, исполнители повелѣній.

МИНА, монета.

МУРАЛЬНЫЙ ВѢНЕЦЪ, давался за храбрость при взятіи города.

ПАТЕРЪ, Отецъ, Покровитель.

ПАТРИКІЙ. Благородный человѣкъ, произходящій отъ Патера.

ПАТРОНЪ, милостивецъ.

ПЕДЕРЫ, (Сенаторы) неимѣющіе голоса.

ПЛЕБЕЯНЕ, мѣщане, Народъ.

ПЛЕБИСИТЪ, Народный приговоръ, опредѣленіе.

ПРЕТОРЪ, Судья, Воевода.

ПРЕТУРА, должность онаго.

ПРОЛЕТЕРЫ, лежаки, праздные люди

ПУБЛИКАНЫ, ростовщики.

СЕНАТУСЪ-КОНСУЛЬТЪ, Сенатскій приговоръ, опредѣленіе.

СИВИЧЕСКІЙ ВѢНЕЦЪ, давался за храбрость въ сраженіи.

ТРИБУНАЛЪ, Судебное мѣсто.

ТРИБУНЫ, особые Народные начальники.

ТРИБУНЪ, для отмѣны отъ Трибуновъ Народныхъ, названъ *Витійственный Трибунъ*: возвышенное мѣсто, на которомъ говорились рѣчи передъ Народомъ.

ТРИБЪ, треть Гражданъ.

ТРІУМВИРЪ, одинъ изъ трехъ Правителей, или судей бывшихъ въ Римѣ.

УНЦІЙ, вѣсъ и монета.

ФЕРІИ, назывались нѣкоторые праздники.

ЦЕЛЕРЫ, конные воины легкихъ войскъ.

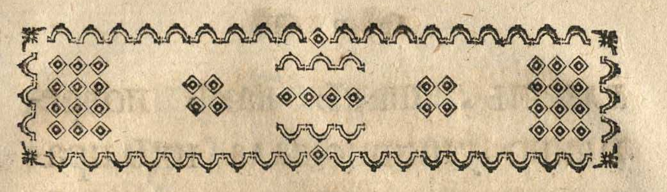
ЦЕНСОРЪ, главный смотритель надъ житіемъ Гражданъ, Полицемейстеръ.

ЦЕНСУРА, должность онаго.

ЦЕНСЪ, *изчисленіе*, *перепись*.

ЦЕНТУРІИ, Сотни.

ЦЕНТУРІОНЫ, Сотники.



ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ОБЪ ОСНОВАНIИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ГЛАВНЫХЪ ПРИТЧИНАХЪ ЕЯ ПАДЕНIЯ.

Любовь къ вольности была первымъ предмѣтомъ Римлянъ, при основанїи Республики, и причиною или поводомъ къ послѣдовавшимъ обращенїямъ, о которыхъ мы предпринимаемъ писать исторїю. Любовь къ вольности отрѣшила Королей, уменьшила Консульскую (*) власть,

(*) Консулы, двое были въ Республикѣ Начальники, и избирались ежегодно по отрѣшенїи Царей.

власть, такъ какъ повремянно уничтожала ихъ правы во многихъ случаяхъ. Народъ собою, чтобъ умѣрить власть Консуловъ, избиралъ между равными своими особливыхъ покровителей, возводя ихъ на степени; и сіи начальствующїе Плебеяне (*), подъ видомъ сохраненїя вольности, сдѣлались нечувствительно хранителями законовъ, и надзирателями надъ Сенатомъ и благороднымъ обществомъ.

Сіи Государственные смотрители содержали въ страхъ

(*) Такъ названы были мѣщане, или простый Народъ въ Римѣ.

хѣ самихъ Консуловъ и Полководцевъ. Въ послѣдствїи сей Исторїи представлено будетъ, что сїи послѣднїе часто, по окончанїи должностей, принуждены были давать отчетъ предъ Народнымъ Собранїемъ, о ихъ Правленїи, или о успѣхѣ въ войнѣ оружїя. Не довольно было торжествовать надъ непрїятелемъ; слава величайшихъ побѣдъ не защищала отъ истязанїй Полководца, когда онъ мало щадилъ жизнь своихъ воиновъ, или въ службѣ гордо поступалъ съ ними. Надлежало чтобъ умѣренность Гражданина соедине-

единена была съ достоинствомъ Повелителя. Весьма отмѣнныя качества были такъ же подозрительны въ такомъ Правленіи, гдѣ равенство *почиталось* основаніемъ общей вольности. Римляне не хотѣли быть помрачены добродѣтелями, которые могли привести ихъ въ удивленіе; и сіи гордые Республиканцы не терпѣли, чтобъ къ услугамъ ихъ употреблены были превосходныя способности, могущія тѣмъ самымъ покорить ихъ.

Тѣ, за которыми усмотрено было, что они употребляли безчестные способы

къ достиженію на степени, изключались навсегда изъ оныхъ. Чины и должности, кромѣ Цensуры, (*) налагались погодно. Консулъ, по окончаніи Консульства, не имѣлъ власти кромѣ той, которую признавали въ особенномъ его достоинствѣ; и бывъ прежде Повелителемъ воинства, часто бывалъ подчиненнымъ въ немъ же, подъ предводительствомъ другаго. Онъ не могъ быть удостоенъ паки въ Консулы, прежде десяти лѣтъ по проше-

(*) Цензура называлась должность Полицемейстера или главнаго смотрителя надъ житіемъ Гражданъ: такъ какъ сей назывался Цензоръ.

шествїи отъ перваго его Консульства; и сїе великое достоинство не было долго оставляемо въ одномъ родѣ, дабы нечувствительно Правленїе не вошло въ наслѣдство.

Но изъ всѣхъ употреб ленныхъ Римлянами предосторожностей, къ удержанїю ихъ свободы, ничто такъ недостойно удивленїя, какъ твердость, съ которою они долгое время сохраняли почтенную скудость ихъ предковъ. Сїя скудость, бывшая простымъ дѣйствомъ нужды въ первоначальныхъ Римлянахъ,

содѣлалась мудрою добродѣтелью въ ихъ потомкахъ. Римляне почитали оную надежнѣйшею хранительницею вольности, и умѣли содѣлать ее почтенною и любезною, дабы она могла супротивляться желаніямъ роскоши и властолюбія. Таковое отчужденіе богатства въ особенныхъ людяхъ, обратилось въ уставъ Правленія. Римлянинъ полагалъ свою славу, въ сохраненіи скудости и въ то время, какъ онъ жертвовалъ жизнію для умноженія общаго сокровища. Каждый почиталъ себя довольно богатымъ

тымъ при общемъ изобилїи. Полководцы, равно какъ простые воины не ожидали инаго себѣ прокормленїя, кромѣ малаго ихъ наслѣдства, которое они пахали своими руками: какъ говоритъ Плинїй;

Плинїй. *gaudebat tellus vomere laureato.*

Первые Римляне были всѣ хлѣбопашцы, а хлѣбопашцы были всѣ воины. Грубое они носили платье, простую и здоровую употребляли пищу; по тому неутомленны были въ работѣ. Равно же дѣтей своихъ они приучали къ суровой жизни, чтобъ содѣлать ихъ крѣпче и способнѣе къ перенесенїю

военныхъ трудовъ. Безподобная ихъ храбрость, возвышенїе и величество духа крылись подъ самымъ простымъ платьемъ. Слава была единственнымъ ихъ побужденїемъ; слава же Римлянъ полагалась въ защищенїи ихъ отечества и въ покоренїи сосѣдей.

Новѣйшїе писатели, уничтожая простыя добродѣтели древнихъ, выводятъ что достоинство сихъ первыхъ Римлянъ, слѣдовало отъ ихъ грубости; что они презирали богатство не зная въ немъ цѣны и удовольствїя.

Къ опровержeнiю ихъ мнѣнiя, довольно войти только въ послѣдствiе сей Исторiи и видѣть, что равно въ пятомъ и шестомъ вѣкѣ по созданiи Рима, когда Республика уже завоевала всю Италiю, часть Сицилiи, Гишпанiи, Галлiи, даже и часть Африки, въ то самое время Римляне отъ сохи бирались въ Полководцы, какъ говоритъ Виргилiй Маронъ: *Attilii manus rustico opere attritae, salutem publicam stabilierunt.* Коль славно для Государства, имѣть Полководцевъ способныхъ къ завоеванiю великихъ обла-

Вир. Мар. кн. 4

областей, и столь безкорыстныхъ, что среди побѣдъ сохраняютъ прежнюю ихъ умѣренность!

Но я могу представить еще объ Экономическихъ законахъ, кои въ шестомъ вѣкѣ крѣпко наблюдаемы были. Сїи законы не взирая на высокость рода, преизбыточное богатство или знатность степени, предписывали росходъ для всѣхъ Соградданъ. Все было узаконено: одѣянїе, пища, число гостей въ пиршествахъ, и даже издержки на погребенїяхъ. Законъ Оппїевъ запрещалъ Римскимъ женщи-

намъ носить разноцвѣтныя платья, такъ же прибавливать къ онымъ украшенія дороже золотаго полу-унція, и ѣздить въ колесницѣ о двухъ лошадяхъ, естьли разстояніе было не далѣ мили отъ Рима; развѣ когда надлежало ѣхать къ присутствію на какомъ либо жертвоприношеніи. Законъ Орхїевъ опредѣлялъ число гостей сзываемыхъ на пиршество; Законъ Фанїевъ не дозволялъ издерживать для онаго болѣ ста Ассовъ (*), *centenos aeris*: что составляло около пятидесяти копѣекъ по

(*) Монета Римская.

по нынѣшнимъ деньгамъ. Напослѣдокъ законъ Корнелїевъ ограничивалъ и того болѣ росходъ при погребенїяхъ. Таковыя учрежденїя могутъ показаться мало достойными величества и власти, къ которой Римляне тогда достигли; но точно то, что отвращало роскошь особноживущихъ, утверждало силу и безопасность Государства.

Способомъ сей самопроизвольной бѣдности и трудолюбїя, Республика воспитывала сильныхъ, крѣпкихъ и храбрыхъ людей, кои не надѣясь одинъ на другова, со-

храняли во взаимной независимости вольность отечества. Оружїемъ сихъ славныхъ хлѣбопашцевъ, въ теченїе менѣе трехъ сотъ лѣтъ времени, покорены мужественнѣйшїе Народы Италїи, разбиты безчисленныя армїи Галловъ, Цимбровъ, Тевтоновъ и разрушена сильная область Карѳагенская.

Но по низверженїи сей соперницы Рима, Римляне непобѣдимые внѣшними непрїятелями, унизились подъ игомъ собственнаго ихъ величества, какъ говоритъ Луканъ.

Ipſa nocet moles. Луканъ I.

Съ сокровищами завоеванныхъ Провинцїй, нечувствительно вошли въ Римъ жадность къ обогащенїю и роскошь; скудость же и умѣренность, первыя добродѣтели бывшихъ Полководцевъ, стали быть въ презрѣнїи, какъ говоритъ тотъ же Луканъ:

Facunda virorum Тотъ же.
Paupertas fugitur.

Наиболѣ удивительно то, говоритъ Веллїй Патеркулъ, что Римъ не постепенно приближался къ своему паденїю, но толь чувствительная перемѣна внезапно послѣдова-

Вел. Пат. к. 2.

довала: внезапно Римляне повергли́сь въ роскошь и ослабленіе: *ſublata imperii aemula, non gradu, ſed praecipiti curſu a viture deſcitum, ad vitia tranſcurſum.* Сластолюбіе вселилось вмѣсто воздержанія; праздность вмѣсто трудолюбія, и особенная корысть погасила прежнюю ревность и усердіе, которое являли отцы ихъ, стараясь о благѣ всего общества.

Въ самомъ дѣлѣ кажется, что со всѣмъ другій Народъ въ Римѣ представился; ибо скоро заразились всѣ состоянія людей общею въ Государствѣ язвою. Правосу-

восудїе въ Трибуналахъ (*) нагло продавано было; на площади закупали Народное согласїе; и Консулы получая сїи великїе степени пронырствомъ или платою, ходили на войну не съ другимъ намѣренїемъ, какъ только чтобъ возвратить убытки, обогащаясь добычею отъ побѣжденныхъ, и часто раззоряя самыя свои Провинцїи, которыя они сохранять и защищать долженствовали.

Такимъ образомъ приобрѣли безчисленное богатство нѣкоторыя ихъ Полководцы.

(*) Трибуналы, учрежденныя мѣста для суда и разправы.

цы. Вѣроятно ли казалось, чтобъ Крассїй Римскїй Гражданинъ могъ приобрѣсть болѣ семи тысячь талантовъ имѣнїя (*). Я не изчисляю сокровищь, *кои* Лукуллъ привезъ изъ Азїи и Юлїй Цесарь изъ Галлїи. Первый по возвращенїи своемъ выстроилъ дворецъ, и тамъ жилъ съ такимъ великолѣпїемъ и роскошью, что сами Персидскїе Цари не могли въ оныхъ ему равняться. А Цесарь болѣ славолюбивый, не только обогатилъ великое число знатныхъ и малыхъ ему служив-

(*) Что учиняетъ 4200000 руб. по 600 руб. въ талантѣ.

живших, но еще тѣми же вывезенными изъ Галліи деньгами, преклоня къ себѣ главныхъ въ Римѣ, купилъ вольность своему отечеству.

Для сихъ безчисленныхъ разходовъ надлежало изтощать Провинціи. Полководцы подъ видомъ, будто бы на содержаніе ихъ войскъ, брали себѣ доходы Республики; Государство же ослабѣвало по мѣрѣ обогащенія и усиленія особенныхъ.

Сверьхъ обыкновенныхъ доходовъ, Правители требовали вседневно новой дани, иногда подъ видомъ подарковъ при въѣздѣ ихъ

въ Провинцїю, иногда подъ видомъ займа, а часто и безъ всякаго вида. Зависѣло только отъ вымысла, чтобъ грабить Народъ, и налагать на оный новыя подати, какъ говоритъ Цесарь: *Cujus modo rei nomen reperiri poterat, hoc satis esse ad cogendas pecunias.* Но паче тѣмъ Народъ былъ отягощаемъ, что для взысканїя съ онаго наличныхъ денегъ, зборъ таковыхъ чрезвычайныхъ налоговъ поручаемъ былъ Публиканамъ (*), кои подъ видомъ того, что были

Цес. о междоусоб. войнѣ. к. 3.

ли

(*) Публиканы, назывались публичные ростовщики.

ли принуждены затрапить свои собственныя деньги, удвоивали долги на Провинціяхъ, и къ тому прибавляя чрезмѣрную лихву, забирали почти всѣ ихъ доходы будущаго года.

Всѣ сіи богатства спекались въ Римъ. Можно сказать, что кровь раззоренныхъ Народомъ претворялась въ рѣки золота, которыя текли туда изъ всѣхъ провинцій къ усугубленію роскоши. Подобно какъ волшебствомъ, вдругъ появились великолѣпныя палаты, которыхъ стѣны, своды и потолоки златомъ покрыты

были. Мало казалось, чтобъ постели и столы были серебренные, но надлежало, чтобъ рѣзьбы и работы славнѣйшихъ мастеровъ возвысили еще достоинство сего металла, какъ о томъ говоритъ Ювеналъ:

O! pater vrbis!

Ювен. Сат. 2. *Vnde nefas tantum latiis pastoribus!*

Сенека сказываетъ намъ о сей чудной перемѣнѣ въ нравахъ Римлянъ; но самой тотъ Сенека имѣлъ семь миліоновъ златницъ (*), безстыдно проповѣдуя преимущества бѣдности: тотъ, кото-

(*) Золотая монета Римская.

который въ славныхъ своихъ рѣчахъ представилъ ее столь почтенною, сколь всѣ удивляются разуму его сочиненій. Какимъ философскимъ правиломъ спрашивалъ Свиллій, приобрѣлъ Сенека, въ четыре щасливыхъ года, болѣе семи миліоновъ златницъ? Онъ укорялъ Сенеку, что главная его Философія состояла въ томъ, чтобъ вписывать себя въ духовныя, для наслѣдства послѣ умершихъ; выискивать тѣхъ, кои умирали бездѣтны; отдавать деньги въ лихву, и получать такимъ образомъ дань съ

Италїи и другихъ Провинцїй, какъ пишетъ Тацїй:
Тац. лѣт. к. 3. *Qua ſapientia quibus Philoſophorum praeceptis intra quadriennium regiae amicitiae, ter millies, ſeſtercium parauisset? Romae teſtamenta et orbos, velut indagine ejus capi, Italiam et prouincias immenſo foenore hauriri.*

Все богатство Государства находилось въ рукахъ нѣкоторыхъ Вельможъ, публикановъ и нѣкоторыхъ освобожденныхъ отпущенниковъ, болѣ изобиловавшихъ, нежели довольствовались сами ихъ Патроны (*). Всѣмъ извѣ-

(*) Милостивцы.

извѣстно, что сей великолѣпный Амфитеатръ, который занималъ только имя Помпеево, и который могъ вмѣщать до сорока тысячь людей, построенъ былъ иждивенїемъ Димитрїя отпущенника Помпеева, какъ говоритъ Сенека: *Quem non pudu, locupletiorem esse Pompeio.* Сен. о спок. души. гл. 8.

Палладїй другїй отпущенникъ, превозходя въ богатствѣ Сенеку, въ знакъ своего безкорыстїя, отрекся отъ награжденїя, предложеннаго ему Императоромъ Клавдїемъ его Государемъ. За такое оказанное безкорыстїе, онъ

онъ былъ возхваленъ торжественно въ полномъ Сенатѣ, и уподобленъ древнимъ Римлянамъ, толь славнымъ по усердїю ихъ къ отечеству и безкорыстїю, какъ о нихъ упомянуто выше. Нѣкоторые возжелали сохранить память сего отреченїя въ надписи отъ лести составленной. Находится, говоритъ Плинїй, на дорогѣ къ Тиберу Монументъ, гдѣ Тац. лѣт. к. 12. видны сїи слова: *Et fixum est acre publico Senatus Consultum, quo libertinus sestertium ter millies possessor, antiquae parsimoniae laudibus cumulabatur.* То есть: Сенатъ

натъ

натъ отсудилъ Палладїю знаки Претуры (*), и сто пятьдесятъ тысячь большихъ Сестерцїй (**); но онъ не покорыстовался деньгами, а былъ доволенъ честью и отличностїю, принадлежащею сему достоинству.

О удивительная умѣренность, для отпущенника, который имѣя болѣ семи

(*) Претура есть должность Претора; а Преторы были въ Римѣ главные для отправленїя правосудїя. Въ началѣ былъ только одинъ, но по умноженїи Народа чужеземцами, учрежденъ другой для ихъ разправы. Напослѣдокъ было ихъ шесть: двое судили дѣла особныхъ жителей, а оставшїе разсматривали общественныя преступленїя, каковы насильства, измѣны и проч.

(**) 6000000 руб. по 40 руб. въ сестерцїи.

ми миліоновъ златницъ, желалъ довольствоваться только одними знаками Претуры! Но коль постыдно для Рима, говоритъ Пліній, видѣть сего *отпущенника*, недавно освобожденнаго отъ ига работы, въ предшествіи Ликторовъ: того, который нѣкогда вышелъ изъ своей деревни босыми ногами, и зачерченными мѣломъ, такъ какъ означали тѣмъ невольниковъ! *Unde cretatis pedibus aduenisset!*

Я составилъ бы книгу вмѣсто предисловія, есть-либъ вошелъ въ подробность Римской роскоши, и пред-

принялъ бы описыватъ великолѣпіе ихъ зданїй, богатыя платья служившїе къ ихъ украшенїямъ, драгоцѣнныя каменья, безчисленное множество невольниковъ, отпущенниковъ и Клїентовъ (*), коими они всегда окружены были; особливо не скоро бы кончилъ описывая разходъ и излишество ихъ столовой пищи.

Во время еще Республики, они не довольны были, говоритъ Пакатъ, естьли средь зимы розы не плавали въ Фалернскомъ винѣ,

(*) Клїентами назывались питомцы, или услужники.

когда его подносили, и есть-ли лѣтомъ оно не прохлаждено было въ золотыхъ сосудахъ. Они любили пиры, гдѣ рѣдкость изготовленныхъ кушаньевъ и искусство повара истощены были. Надлежало презрѣвъ опасности морскія, ѣхать доставать имъ Фазскихъ птицъ. Къ довершенїю же ихъ роскошной жизни, когда они завоевали Азїю, введены были въ сїи пиршества пѣвицы и забавныя женщины.

Молодые люди прилѣплялись къ нимъ безумнымъ образомъ. Они переняли у сихъ новыхъ Богинь зави-

вать по подобію ихъ волосы, старались также перенять пріятность ихъ голоса и ихъ прелестную походку; но естьли не могли превзойти сихъ совершенныхъ твореній въ прелестяхъ, то по крайней мѣрѣ превзошли ихъ въ праздности и ослабленіи, какъ о томъ говоритъ Сенека: *Capillum frangere, et ad muliebres blanditias vocem extenuare, mollitie corporis certare cum foeminis, et immundissimis se excolere munditiis, nostrorun adolescentium specimen est.* Сен. Рит. возражен. I.

Для того Юлій Цесарь, зная женскую чувствитель-

ность сихъ молодыхъ людей, повелѣлъ своимъ воинамъ, въ Фарсальской битвѣ, мѣтить стрѣлами прямо имъ въ лицы: Miles, faciem feri. Изъ
к. 4. г. 2.
онаго послѣдовало, какъ сей великїй мужъ предвидѣлъ, что молодые герои, любящїе свою красоту болѣ славы, обратились въ бѣгство, страшась паче всего явиться безобразными у ногъ своихъ красавицъ.

Сїе ли могло быть способомъ къ вольности? Какое, должно сказать, предзнаменованїе приближающагося раболѣпства! Къ непремѣнному послѣдованїю онаго, доволь-

но было сего признака въ Государствѣ, когда храбрость унижалась предъ роскошью; когда бѣдный воинъ истощевалъ силы съ безплодною и *забвенною* въ полку своемъ честью; между тѣмъ, какъ Вельможи прикрывали блескомъ золота ихъ подлую слабость, удивляя Народъ наружнымъ только великолѣпїемъ и пышностїю ихъ сана, какъ о томъ пишетъ Луканъ.

- - - Saeuior armis luxuria incubuit victumque ulciſatur orbem. Луканъ

Всеобщая роскошь пожирала имѣнїя особноживущихъ.

Къ продолженію же толь чрезмѣрныхъ росходовъ, продавъ домы и земли, иные прибѣгли къ недостойнымъ воспріятіямъ и постыднымъ союзамъ, *продавъ* и славную кровь своихъ предковъ. Но когда не оставалось ничего въ куплѣ, то принуждены были торговать своею вольностію. Судья и Гражданинъ, *вождь и воинъ* шли туда въ рабство, куда влекли ихъ корысть и крайность. Легіоны Республики содѣлались Легіонами Вельможъ и главныхъ надъ частьми Народа. А чтобъ воинъ имѣлъ въ видѣ свое щастіе, Пове-

лители позволяли имъ награждать себя разбоемъ, оставляя въ пренебреженiи военный порядокъ, чрезъ который предки ихъ приобрѣли толь многiя побѣды и славу Республики.

Роскошь и слабость отъ города и въ полѣ разпространилась. Войско не могло обойтись безъ слугъ и невольниковъ потребныхъ къ пышности; и сiи служители роскоши составляли другое войско. Цесарь взявъ Помпеевъ станъ въ Фарсальскомъ полѣ, нашелъ тамъ изготовленные столы, подобно какъ для пиршества.

На-

Напиточные столики, сказываетъ онъ, едва поддерживали тягость золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ; палаты выкладены были дерномъ, и нѣкоторыя *какъ* Лектулова, для прохладнаго воздуха, осѣнены были вѣтьвями и виноградными листами; словомъ, онъ видѣлъ вездѣ тамъ слѣды роскоши и *сластолюбія*, гдѣ непріятели обращены были въ бѣгство, какъ тамъ ихъ смерть и погибель, гдѣ они еще сражались. О семъ говоритъ Тацитъ: *Alibi praelia et vulnera, alibi propinae, ſimul cruor et ſtrues*

Тацит.

cor-

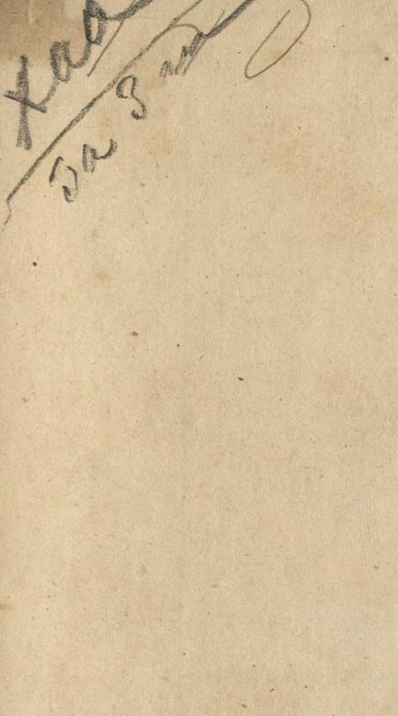
corporum , juxta ſcorta et ſcortis ſimile.

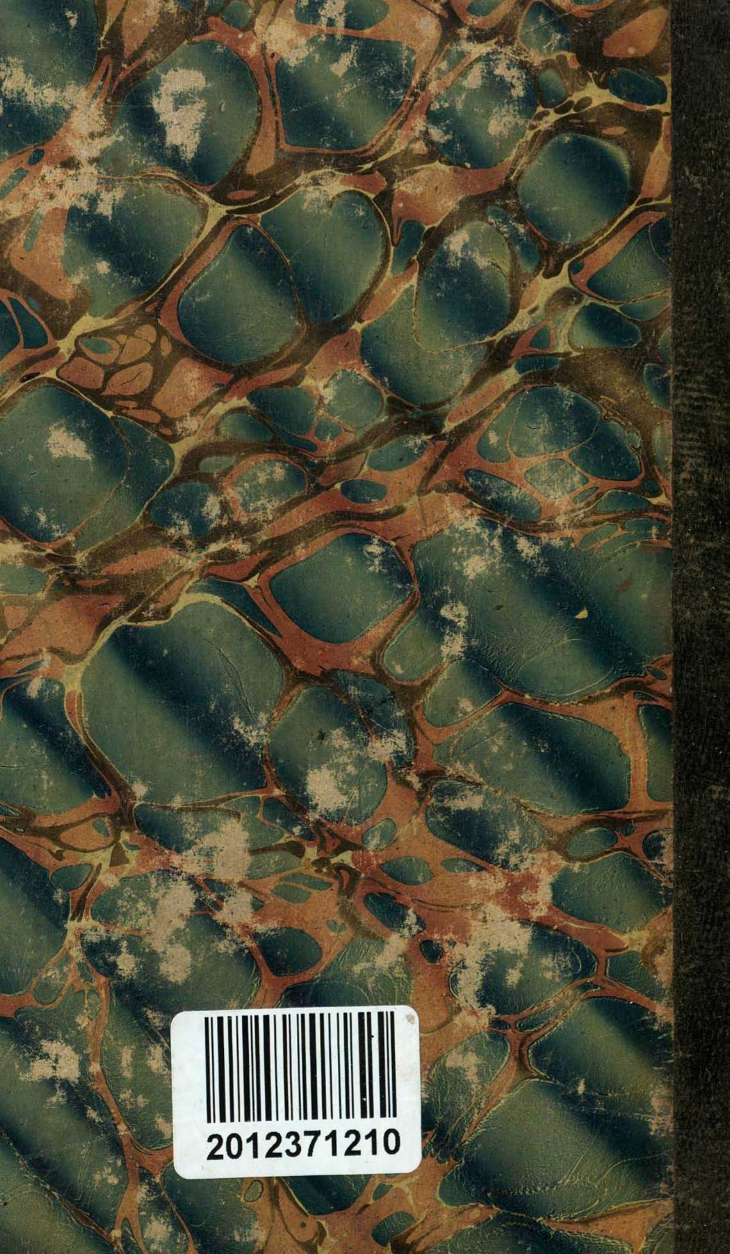
Можно ли по томъ удивляться, что люди погруженные въ роскошахъ среди самой погибели, люди, которые подвергались ей единственно для удовольствованія своихъ весельевъ, потеряли свою свободу въ Фарсальскомъ полѣ? Но естьли бы сїя драгоцѣнная первымъ Римлянамъ свобода сохранялась въ скудости и умѣренности, то любовь къ отечеству, храбрость, смѣлость, всѣ добродѣтели Гражданскія и военныя, съ ними были бы неразлучны, какъ

гово-

Цес. о меж-доусоб. вой нѣ. говоритъ Цесарь : *Utinam remeare liceret.*

Aduertere fines et moenia pauperis Anci.




2012371210